

Электронная копия

Часть 1

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МОСКОВСКИЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

THE MOSCOW
LINGUISTIC
JOURNAL

РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА:

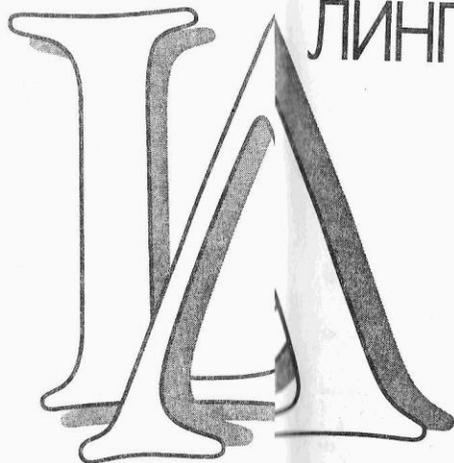
А.Н. БАРУЛИН
М.А. КРОНГАУЗ
Е.В. МУРАВЕНКО
И.А. МУРАВЬЕВА
Н.В. ПЕРЦОВ
(главный редактор)
С.А. СТАРОСТИН

РЕДКОЛЛЕГИЯ ТОМА

М.А. КРОНГАУЗ
Г.И. КУСТОВА
В.А. ПИЛУНГЯН
Е.В. РАХИЛИНА
Р.И. РОЗИНА
Т.Е. ЯНКО

ответственный
редактор тома:
Т.Е. ЯНКО

Адрес редакции:
125267, Москва, Мусковская пл. 6, корп. 2
ФТИЛ, Редакция МЛЖ,
тел.: 250-6560, факс: (7095) 250-5109
E-mail: apld @ iggu. msk. su

МОСКОВСКИЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ том 2
THE MOSCOW
LINGUISTIC
JOURNAL

Российский государственный
гуманитарный университет
МОСКВА 1996

Издание осуществлено
при финансовой поддержке
Российского Гуманитарного Научного Фонда
согласно проекту 95-06-31854

Художник
В.В. СУРКОВ

Техническое редактирование
и компьютерная верстка
А.Б. ФЕДОСЕЕВ, В.Е. ЧЕРНОВ

ЛР № 020219, выд. 25.09.95.
Подписано в печать 1.05.96.
Формат 60х90/16
Усл. печ. л. 30,0.
Тираж 1000 экз.

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125267, Москва, Мусковская пл., 6

Отпечатано в типографии РГГУ

© Коллектив авторов, 1996

© Российский государственный
гуманитарный университет, 1996

М 460200000-007 96-69
078 (03)-96

ISBN 5-7281-0157-7

СОДЕРЖАНИЕ - CONTENTS

- 9-10 От редакции сборника
Editorial
- 11-26 Юбилейные заметки о неюбилейных словах: ругать и его синонимы
Ю.Д. Апресян, М.Я. Гловинская (Москва)
Jubilee notes on some non-jubilee words: *rugat'* 'to scold' and its synonyms
Ju.D. Апресян, M.Ya. Glovinskaya (Moscow)
- 27-53 К построению модели синтеза русских нумеративов (глубинное и
поверхностно-семантическое представление)
А.Н. Барулин (Москва)
Towards the description of deep and surface semantic structure of Russian numeratives
A.N. Barulin (Moscow)
- 54-64 Об ограничениях на "удивительное" может в вопросительных предложениях
А. Богуславский (Варшава)
The restrictions on the "wondering" *možet* 'could' in interrogative sentences
A. Boguslawski (Warsaw)
- 65-79 О соотношении вопроса и сочинения, или почему и бывает синонимично или
И.М. Богуславский (Москва)
On the interrelation between interrogation and co-ordination, or why *and* may be synony-
mous to *or*
I.M. Boguslawsky (Moscow)
- 80-96 Семантические типы размера
В.Б. Борцев (Москва)
Semantic types of dimensions
V.B. Borshev (Moscow)
- 97 Елене Викторовне Падучевой
Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев (Москва)
To Elena Viktorovna Paducheva
T.V. Bulygina, A.D. Shmelev (Moscow)
- 98-103 Неспецифицированный пол и согласование при анафоре
Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев (Москва)
Unspecified gender and anaphoric agreement
T.V. Bulygina, A.D. Shmelev (Moscow)
- 104-129 Семантика "логических понятий"
А. Вержица (Канберра)
The semantics of "logical concepts"
A. Wierzbicka (Canberra)
- 130-135 Порядок слов "определение-определяемое" в стихах и прозе
М.Л. Гаспаров (Москва)
The word order "determinandum-determinatum" in verse and in prose
M.L. Gasparov (Moscow)
- 136-146 Словарная статья в экспериментальном словаре русских жестов, мимики и поз
С.А. Григорьева, Н.В. Григорьев, Г.Е. Крейдлин (Москва)
Entry of the experimental dictionary of Russian body and facial gestures and postures
S.A. Grigoryeva, N.V. Grigoryev, G.E. Kreidlin (Moscow)
- 147-161 Три изобретения на грани лингвистики и поэтики
А.К. Жолковский (Лос-Анджелес)
Three inventions on the border between linguistics and poetics
A.K. Zholkovsky (Los Angeles)
- 162-211 К семантике русских причинных предлогов (ИЗ-ЗА любви - ОТ любви -
ИЗ любви - *С любви - ПО любви)
Л.Н. Иорданская, И.А. Мельчук (Монреаль)
On semantics of Russian causal prepositions (IZ-ZA *lyubvi* 'because of love' -
OT *lyubvi* 'from love' - IZ *lyubvi* 'out of love' - *S *lyubvi* 'of love' - PO *lyubvi*
'according to love')
L.N. Iordanskaja, I.A. Mel'čuk (Montréal)
- 212-226 О стратификации риторических структур
Т. Корельская (Итака, шт. Нью-Йорк), Р. Киттредж (Монреаль)
On the stratification of rhetorical structures
T. Korelskaja (Ithaca, NY), R. Kittredge (Montréal)
- 227-239 Советский антисоветский юмор. О Довлатове
М.А. Кронгауз (Москва)
Soviet anti-Soviet humor: Dovolatov
M.A. Kronhaus (Moscow)

- 240-261 О коммуникативной структуре значения глаголов с событийнымкаузаторм
Г.И. Кустова (Москва)
On the communicative structure of meaning of verbs having event causer
G.I. Kustova (Moscow)
- 262-290 Некоторые содержательные комментарии к тексту платоновского "Чевенгура"
М. Михеев (Москва)
Some comments on the content of Platonov's "Chevengur"
M. Mikhëev (Moscow)
- 291-298 Ярославна – три Марии – Татьяна (любящая женщина спасает героя)
Т.М. Николаева (Москва)
Yaroslava - three Maries - Tatiana (a loving woman saves the hero)
T.M. Nikolaeva (Moscow)
- 299-302 Тенденция к различию основ (ТРО) в венгерском языке
Ф. Папп (Будапешт)
The tendency for stem distinction in Hungarian
F. Papp (Budapest)
- 303-318 Формальная семантика и теории контекста
Б.Х. Парти (Амстер)
Formal semantics and theories of context
B.H. Partee (Amherst)
- 319-325 Об одном пушкинском афоризме
Н.В. Перцов (Москва)
About an aphorism of Pushkin's
N.V. Pertsov (Moscow)
- 326-339 Об истоках понятия поэтической функции языка
Н.Н. Перцова (Москва)
Poetic function of language: Sources of the concept
N.N. Pertsova (Moscow)
- 340-351 "С чисто русской аккуратностью..." (к вопросу об отражении
некоторых стереотипов в языке)
В.А. Плуныян, Е.В. Рахилина (Москва)
"With a purely Russian neatness..." (on the linguistic reflection of some stereotypes)
V.A. Plunyan, E.V. Rakhilina (Moscow)
- 352-360 О некоторых производных значениях глаголов перемещения в русском
языке
Р.И. Розина (Москва)
On some secondary meanings of Russian verbs of movement
R.I. Rozina (Moscow)
- 361-370 Субъект/предикат и тема/рема
П. Сгалл (Прага)
Subject/predicate and topic/focus
P. Sgall (Prague)
- 371-379 Параметрические имена с нестандартной актантами структурой
С.Ю. Семенова (Москва)
Parametric nouns with non-standard actant structure
S.Yu. Semenova (Moscow)
- 380-385 Аспектуальные компоненты в значении существительного
Е.В. Урысов (Москва)
Aspectual components in the meaning of a noun
E.V. Urysov (Moscow)
- 386-404 О сфере действия наречных модификаторов глагола
М.В. Филипенко (Москва)
On the action sphere of adverbial modifiers of verbs
M.V. Filipenko (Moscow)
- 405-416 Аппелляция к реальности как демагогический прием
А.Д. Шмелев (Москва)
Appealing to reality as a demagogical trick
A.D. Shmelev (Moscow)
- 417-431 Коммуникативный статус бенефактивных конструкций
Т.Е. Янко (Москва)
Communication status of benefactive constructions
T.E. Yanko (Moscow)
- 432-477 Научное творчество Е.В. Падучевой и его место в современной
лингвистике (Опыт составления комментированной библиографии)
С.А. Крылов (Москва)
E.V. Paduceva's research achievements and their place in modern linguistics (An attempt
at compiling a bibliography supplied with a commentary)
S.A. Krylov (Moscow)

EDITORIAL

Елена Викторовна Падучева занимает в лингвистике особое место. Она не принадлежит ни к каким школам и направлениям. Она сама направление (возможно, даже несколько). Она много пишет и выступает. Ее книги — «О семантике синтаксиса» и «Высказывание и его соотносительность с действительностью» — попали в самые большие точки современной им науки.

Этот сборник задумали и подготовили ее ученики, которые просят Елену Викторовну принять его как дань любви и восхищения.

В связи с тем, что сюжетное разнообразие творчества Е. В. Падучевой весьма велико, интересно подвести итог тому, какие из интересующих ее тем нашли отражение на страницах сборника. На первом по численности статей месте — работы, посвященные лексикографическому описанию отдельных лексем и целых классов слов. Внутри этого русла намечаются разнообразные направления. Описание синонимических рядов слов представлено совместной работой Л. Н. Иорданской и И. А. Мельчука, а также другой совместной работой М. Я. Гловинской и Ю. Д. Апресяна. К логическому направлению относятся работы А. Вежбицкой, Б. Х. Парти, А. Богуславского, И. М. Богуславского А. Д. Шмелева. Аспектуальным и другим свойствам русских глаголов посвящены работы Р. И. Розиной и Г. И. Кустовой. Аспектуальные компоненты семантики имен — тема статьи Е. В. Урысон. Синтаксические свойства различных типов наречий исследуются в работе М. В. Филипенко. Две работы — С. Ю. Семенов и В. Б. Борщева — посвящены исследованию слов со значением параметров. Статья Г. Е. Крейдлина и его учеников — это отчет о работе над экспериментальным словарем жестов. Совместная статья Е. В. Рахилиной и В. А. Плунгяна посвящена стереотипной сочетаемости одного класса русских прилагательных.

На втором месте — работы по поэтике и лингвистическому анализу поэтического текста, т. е. сборник включает неожиданно много не чисто лингвистических работ. Это работы Т. М. Николаевой, М. Л. Гаспарова, А. К. Жолковского, Н. Н. Перцовой, Н. В. Перцова, М. А. Кронгауза, М. Ю. Михеева. Есть также работы по морфо-

логии — Ф. Папп, актуальному членению — П. Сгалл, Т. Е. Янко. Лингвистические и социальные аспекты языка и речевой деятельности рассматриваются в работе Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева. Прикладной и общетеоретический характер имеет статья Т. Д. Корельской и Р. Киттреджа. Большинство сочинений находятся на стыке направлений. Совместное сочинение неформального характера Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева переносит нас на десять лет назад.

Редакция сборника не может не выразить радости, полученной от работы с авторами. Общение с ними превратило нелегкую пору подготовки книжки в интересный процесс. Работа с авторами нас многому научила; мы имели дополнительный повод войти в контакт со многими учеными.

Многие из тех, кто участвовал в создании сборника, не стали его авторами; по разным, объективным, причинам некоторые из участников сошли с финишной прямой. Таким образом, круг лиц, частных к судьбе сборника, существенно шире, чем можно судить по тем фамилиям, которые значатся на его страницах.

Особое внимание адресату нашей книги оказали авторы-иностранцы, которые написали свои статьи по-русски. Это Ференц Папп из Будапешта и Анджей Богуславский из Варшавы.

Трудные проблемы, которые были связаны с конвертированием данных, пришедших к нам из-за границы, помогли решить М. С. Суханова и А. А. Суханов.

В момент перехода от составления сборника к его публикации усилия редакции сборника объединились с усилиями редколлегии «Московского лингвистического журнала». Наиболее активное участие в редактировании статей и работе с авторами принял Н. В. Перцов. Мы признательны ему, а также всем другим сотрудникам редколлегии журнала.

Итак, мы благодарим всех, кто доверил нам свои статьи или как-то иначе — редактированием, советами, перепечаткой текстов, подготовкой типографского варианта книги — участвовал в создании сборника.

ЮБИЛЕЙНЫЕ ЗАМЕТКИ О НЕЮБИЛЕЙНЫХ СЛОВАХ: РУГАТЬ И ЕГО СИНОНИМЫ

Ю. Д. АПРЕСЯН, М. Я. ГЛОВИНСКАЯ
(Москва)

JUBILEE NOTES ON SOME NON-JUBILEE WORDS: 'RUGAT'
'TO SCOLD' AND ITS SYNONYMS

Ju. D. APRESJAN, M. Ya. GLOVINSKAYA
(Moscow)

Елсине Викторовне Падучевой ко дню рождения

I. Предварительные замечания

Давно замечена асимметрия языка в выражении положительных и отрицательных оценок: лексика отрицательной оценки (в широком смысле, включая отрицательную прагматическую оценку некоторых действий или объектов) гораздо более разнообразна и богата, чем лексика положительной. Ср., например, "отрицательный" синонимический ряд *бить, избивать, лупить, лупцевать, колотить, колосматить, дубасить, молотить, тузить, утюжить, мутузить, метелить, охаживать, отделявать, накомьялять* и гораздо более бедный "положительный" ряд соответствующих антонимичных значений: *ласкать, гладить, голубить*. Ср. также ряд *бездельничать, лобьирничать, баклушничать, болтаться, шалопайничать, лоботрясничать, бить баклуши, гонять лодыря, плевать в потолок, лежать на печи* и противостоящий ему минимальный ряд *работать, трудиться*. Любопытно, что как только к понятию "работать" добавляется отрицательная оценка, немедленно становится возможной более богатая синонимия; ср. *шачить, трубить, ломить, корпеть, потеть, гнуть спину <горб>, ломать спину <горб>, везти воз, тянуть дьяку, натирать мозоли* и т. п.

Аналогичным образом устроены и глаголы, обозначающие речевые акты. Среди них своей обширностью выделяется класс глаголов и глагольных словосочетаний, выражающих идею неодобрения (*осуждать, ругать, критиковать, обличать, оскорблять* и т.п.); он насчитывает свыше 80 лексических единиц (см. [Гловинская 1993: 194 и сл.]). Антонимичный класс глаголов, обозначающих одобрение, уступает ему почти в пять раз (там же, с.193-194), причем оценочно вполне

нейтральных лексем и в этом классе не больше двух — *хвалять* и *одобрять*. В значение всех остальных лексем с общим значением 'хвалять' входит указание на отрицательную оценку действия говорящим; ср. *лстыть, захваливать, превозносить, славословить, курить фишмам* и т. п. Разнообразнее и семантические признаки, различающие глаголы со значением хвалы.

Таким образом, лексика хвалы в целом оказывается лингвистически более интересной, чем лексика хвалы.

Нашим непосредственным предметом является один из синонимических рядов, обозначающих речевой акт неодобрения, а именно, ряд *ругать, бранить, пилить, грызть, поносить, крыть, хаять, охаивать, хулить*, описанный нами для «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка» (о лексикографической концепции словаря и структуре его типовой словарной статьи см. [Апресян 1992, 1995]¹). Доминанта этого ряда уже привлекала к себе внимание лингвистов; см., например, [Wierzbicka 1987; Иомдин 1991; Гловинская 1993; Булыгина, Шмелев 1994]. В меру своих сил мы постарались учесть в предлагаемом ниже описании наиболее важные наблюдения над значением и употреблением *ругать*, содержащиеся в перечисленных работах.

Выбранный нами синонимический ряд соприкасается с еще несколькими рядами, описывающими различные речевые акты с общим значением осуждения: *осудать, порицать, ...; упрекать, укорять, ...; обливговаривать, отчитывать, ...; критиковать, бичевать, ...; обзывать, обручать, клеймить, ...; порочить, бесчестить, ...; обзывать, обручать, ...; ругаться, браниться, ...*; и пр. Укажем некоторые различия между ними.

Ряд *осудать* отличается от рассматриваемого здесь ряда, в частности, тем, что не обязательно обозначает речевой акт: *осудать* и *порицать* кого-либо можно и про себя².

Ряды *упрекать* и *выговаривать* отличаются прежде всего тем, что ставят в фокус внимания конкретный не нравящийся субъекту поступок человека, а не самого человека. Кроме того, они не предполагают использования столь резких слов для выражения осуждения.

Ряд *критиковать*, подобно рядам *упрекать* и *выговаривать*, тоже ставит в центр внимания не объект в целом, а отдельные недостатки объекта и необходимость их устранения. При этом критика рассчитана на общественный резонанс и создание общественного мнения, а ее язык в целом не столь резок, как язык ругани или брани.

¹Примечания см. в конце статьи.

Речевые акты типа *обличать* имеют целью показать всем, что объект осуждения обладает коренными и притом неисправимыми недостатками, и тоже предназначены для формирования общественного мнения на этот счет.

Речевые акты типа *порочить* имеют неблаговидную цель — подорвать репутацию человека без достаточных к тому оснований.

Ряд *обзывать* описывает внешнюю форму речевого акта, а именно, использование бранной лексики для оскорбления кого-либо.

Такой же смысл доминирует и в ряду *ругаться*, с той разницей, что объект осуждения и адресат речевого акта в этом случае гораздо менее конкретны.

2. Синонимический ряд *ругать*

В этом разделе использован материал упомянутого выше синонимического ряда в том виде, как он был написан для «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка». Мы, однако, позволили себе не следовать точно лексикографической форме словарной статьи и добавили комментарии, необходимые для посвященного читателя.

Типовая статья «Нового объяснительного словаря синонимов...» представляет собою совокупность следующих зон: 1) вход; 2) синопис (нумерованный перечень семантических признаков, которые лежат в основе сходств и различий между синонимами); 3) значение (подробное описание семантических, прагматических, коммуникативно-просодических, референциальных, ситуативных и т. п. различий и сходств между членами синонимического ряда и описание языковых условий нейтрализации — обычно частичной — различий между ними); 4) грамматические формы; 5) синтаксические конструкции; 6) лексико-семантическая сочетаемость; 7) иллюстрации; 8) служебные зоны — фразеологические синонимы, аналоги, точные и неточные конверсивы, точные и неточные антонимы, семантические дериваты.

2.1. Вход словарной статьи

РУГАТЫ [=СОВ *отругать*], необходн. или уходящ.
БРАНИТЬ [СОВ нет], разг. **ПИЛИТЬ** [СОВ нет], разг. **ГРЫЗТЬ**

[COB net], **ПОНОСИТЬ** [COB net], разг. **КРЫТЬ Б** [COB net], груб. **ХАЯТЬ** [COB net], необиходн. **ОХАИВАТЬ** [COB охайть], высок. **ХУЛИТЬ** [COB net] 'считая действия или свойства какого-л. лица или объекта плохими и будучи недовольным этим, высказывать свое недовольство данным лицом или объектом, используя более резкую, чем нормальная, форму выражения'.

Примеры: *ругать* <бранить> кого-л. за опоздание, *пилить* <грызть> мужа, *поносить* <хаять, охайвать> демократов, *крыть на-частьсто*, *хулить все иностранное*.

Разумеется, данный ряд не исчерпывается названными девятью синонимами. В него можно было бы включить большое число разговорных, просторечных, уходящих и других стилистически отмеченных синонимов, которые по смыслу мало отличаются от рассматриваемых: *костерить*, *костить*, *клясть*, *даить*, (*рас*)*патронить*, *песочить*, *пробирать*, *пушить*, *ругаться* <на кого-что-л.>, *честить*, *чихвостить* и т. п. Ср. *И нетрудно догадаться, что, от души костеря сперва еврея, потом антисемита, — кокетливый Лимонов примеряет на себя черную рубашечку* (А. Боссарт, «Хитрый портняжка»); *Я не имею в виду места специальные: Васильевский спуск близ Кремля, где скандировали: "Ельцин! —", или Площадь Свободной России перед Белым домом, где всячески костерили Ельцина* (Е. Попов, ЛГ, 14.04.1993); *Он слышит — актеры, отплакавши, костерят его: "Чинуша, кинодрал, фазом!"* («Искусство кино»); *Когда же выступил представитель генеральной линии и клял рабочих за их разболтанность и лень, и требовал жертв, сверхурочной бесплатной работы, ограничений в пище — это вызывало восторг митинга и аплодисменты* (А. И. Солженицын, «Архипелаг ГУЛАГ»); *Они робко кляли В. П. на кровать продукты, а В. П. ругалась и плакала в полном сознании, ругалась на всю эту жизнь* (Л. Петрушевская, «Кто ответит»); *Белинский, оговорившись, что Краевский, "может быть, очень хороший человек", честит последнего во все хорки: он для него вампир и приобретатель* («Октябрь», № 5, 1989); *И был там один — имени сейчас не вспомню, но сильно выступал! Он от их чихвостил. Лакеи, говорит. Лакеи буржуазии! Приспешники правящего класса! Паразиты — вот как заигул еще* (Дж. Оруэлл, «1984», пер. В. Голышева); *Увы, свободы суждений нет и быть не может, если один трафарет заменяют другим. Куда как славно! Честили охранку и чествовали ЧК: честим ЧК и чествуем охранку* (Изв., 5.12.92); *Пришла война — моя вина, / И вот за ту вину / Меня песочит старшина, / Чтоб понимал войну* (А. Галич, «Бессмертный Кузьмин»). Эти лексемы, по причине своей маргинальности, пред-

Ju.D.Apresjan, M.Ya.Glovinskaya, Rugat' and its synonyms МЛЖ 2(1995):11-26
ставляют для нас меньший интерес и в данной работе не описываются.

Обратим внимание на то, что у глагола *ругать* есть близкое к рассматриваемому значению 'выражая плохое мнение о человеке, называть его оскорбительными словами' [=COB *обругать*]; ср. *Но когда Манделштам снисходительно поучал Николая Андреевича, тот злился, страдал и ругал, придя домой, Манделштама выскочкой* (В. Гроссман, «Все течет»). В этом значении *ругать* входит в другой синонимический ряд, доминантой которого является глагол *обзывать*.

2.2. Синопсис

Синонимы отличаются друг от друга по следующим смысловым признакам: 1) цели и мотивировка речевого акта (когда человек *ругает* или *бранит* кого-то, он может иметь целью исправление адресата; в других случаях он дает выход своим эмоциям — раздражению в случае *пилить* и *грызть*, злобе в случае *поносить*, возмущению в случае *крыть*; наконец, *хая*, *охайвая* и *хуля* кого-то или что-то, он имеет целью просто опорочить объект); 2) обоснованность недовольства субъекта (чтобы *ругать* и *бранить*, обычно надо иметь основания; *пилят*, *грызут* и *кроят* тоже, возможно, с некоторым основанием, но всегда чрезмерно; *поносить*, *хаять*, *охайвать* и *хулить* предполагают огульное и несправедливое осуждение); 3) характер и интенсивность речевого действия (в *пилить* и *грызть* монотонны, предполагают повторения и равномерную, хотя и не слишком большую интенсивность на протяжении длительного временного отрезка; *хаять*, *крыть* и *поносить* — гораздо более энергичные речевые акты, отличающиеся резкостью оценок и интенсивностью их выражения); 4) форма существования речевого действия (речевые действия *ругать* и, в меньшей мере, *бранить* могут существовать в форме внутренней речи; для остальных синонимов ряда это нехарактерно или вовсе невозможно); 5) возможность несовпадения объекта осуждения и адресата речевого акта (в *пилить* и *грызть* объект осуждения всегда является адресатом, а *ругать* и *бранить* можно и за глаза, когда сам объект при этом не присутствует); 6) статусы субъекта и адресата в случае, когда объект осуждения и адресат речевого акта совпадают (*ругает* и *бранит* кого-л. обычно либо хозяин ситуации, либо человек, чей социальный или возрастной статус не ниже статуса адресата; *пилит* и *грызет* обычно родственник, чаще всего женского пола; другие синонимы нейтральны в этом отношении); 7) расчет субъекта на широкую аудиторию (указание на такой рас-

чет есть в *хаять*, *охаивать*, *поносить* и *хулить*, но не в других синонимах ряда); 8) свойства субъекта (*пилят* занудливые люди, *хают* грубые и всегда чем-нибудь недовольные, *кроют* грубые и несдержанные); 9) характер объекта действия (*пилить* и *грызть* можно только человека; остальные синонимы употребляются для выражения осуждения более разнообразных объектов, включая социальные институты, а иногда и природные явления); 10) оценка действия говорящим (в случае *пилить* и *грызть* говорящий осуждает немотивированную неотвязность действия, постоянное возвращение к одному и тому же; в случае *поносить* и *крыть* отрицательную оценку говорящего вызывают грубость тона или слов субъекта, преувеличения и необоснованная типизация недостатков, а в случае *хаять*, *охаивать* и *хулить* — несправедливость и необоснованность осуждения).

2.3. Семантика: сходства, различия, условия нейтрализации

По большинству указанных признаков синонимический ряд разбивается на следующие четыре группы: *ругать*, *бранить*; *пилить*, *грызть*; *поносить*, *крыть*; *хаять*, *охаивать*, *хулить*. Эти группы вполне отчетливо противопоставлены друг другу в немногих наиболее типичных употреблениях. Вообще же для синонимов данного ряда, по общему для оценочной лексики закону, характерна тенденция к семантической девальвации, и, как следствие этого, к стиранию или смазыванию их семантических особенностей. Эта тенденция особенно ярко дает себя знать в интерпретационных употреблениях, когда пристрастный говорящий выражается намеренно неточно. Ср. — *Как часто здесь идут дожди! — Что же ты нашу погоду ругаешь <поносишь, хаяешь>?*

Давасоме ниже описание ориентировано на самые типичные (прототипические) случаи употребления синонимов.

Ругать и *бранить* — семантически наиболее нейтральные синонимы ряда. Они обычно предполагают обоснованность претензий субъекта к адресату и попытку повлиять на адресата с целью его исправления; ср. *ругать кого-л. за опоздание <за попытку уйти от ответственности>*; *бранить кого-л. за лень <за попытку уйти от ответственности>*; *охаивать* и *хулить* — семантически наиболее негативные синонимы ряда. Оба синонима возможны как в контекстах, где объект осуждения сам выслушивает замечания субъекта, т. е. является адресатом речевого акта (см. выше), так и в контекстах "заглазного" осуждения, где такого совпадения объекта и адресата нет. Ср. *Эта его черта очень раздражала Николая Андреевича, — ведь*

ругал Мандельштам тех, с кем дружил и у кого бивал дома (В. Гроссман, «Все течет»); *Они ... поймали такси и, развалив с комфортом, осторожно побрали Филина* [к которому ехали] *за бархатный пиджак, за страсть к коллекционированию, за незнакомую Алису* (Т. Толстая, «Факир»); *Он [Некрылов] говорил что-то очень быстро и со всеми сразу, знакомил всех со своей спутницей, и даже те, которые брали его заочно, полезли к нему с разговорами* (В. Каверин, «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове»).

В контекстах первого рода ("очного" осуждения) объектом всегда является человек, а субъект обычно либо выступает в роли хозяина ситуации, либо занимает не менее высокое положение в социальной или возрастной иерархии, чем объект. В нормальных условиях лаборант не может с глазу на глаз *ругать* заведующего лабораторией, а внук — *бранить* деда.

В контекстах второго рода ("заглазного" осуждения) объектом осуждения может быть человек, общественное или природное явление, ситуация и т. п. *Еще меня ругают за глаза / На языке трамвайных перебранок. / В котором нет ни смысла, ни аза: / Такой-сякой!* (О. Мандельштам, «Еще далеко мне до патриарха»); *Ругают ученых. Академиков, членов-корреспондентов, профессоров ... За то, что их много, за то, что своими кабинетами и кафедрами отгородились от народа. "Мода" ругать ученых пришла не сегодня. Проработка деятелей науки "от имени народа" есть знак отношения к интеллигенции вообще* (Изд., 15. 07. 1989); *Сологуб очень ругает Пушкина — и это ей [А. А. Ахматовой] в нем не нравится. Сологуб бранит Пушкина всячески, иногда просто по-ребячески, вернее, по-стариковски. Например, когда говорит: "Этот негр, который кидался на русских женщин!" — это уже не может восприниматься серьезно. Это даже просто глупо!* (Из дневниковых записей П. Н. Лукницкого; публикация «Мандельштам в архиве П. Н. Лукницкого»); *Кто кого заглазно бранит, тот того боится* (посл.).

При этом в ряде таких контекстов возможно незначительное смешение или ослабление значения. Так, если объектом осуждения является человеческая деятельность или ее продукт, общественное явление и т. п., значение синонимов может смешаться в сторону 'критиковать' или 'выражать отрицательное мнение о чем-л.'. Ср. *В газетах пьесу ругали <бранили>*; *Вот теперь принято телевидение ругать. Но посмотрите, с какой быстротой раскупаются философские, редкие книги, Ведь это заслуга телевидения* («Столица», № 36, 1992); *За "Снегурочку" больше ругают, чем хвалят. А мне постановка очень нравится и музыка тоже* (М. П. Чехова, ССИН). Если же объектом осуждения является нечто, над чем человек не властен и

что в принципе не может быть исправлено (например, природное явление), значение синонимов может ослабляться до 'говорить, что не нравится': *Многие наш климат ругают, а мне он нравится; Дни поздней осени бранят обыкновенно, / Но мне она мила, читатель дорогой, / Красою тихою, блистающей смиренно* (А. С. Пушкин, «Осень»).

Примечательной особенностью обоих синонимов (хотя *бранить* в меньшей мере) является способность обозначать в и н т р е н н ю речь. Ср. *Про себя он ругал <бранил> гостью за любопытство и болтливость, но на лице его сохранялась любезная улыбка*. Внутренняя речь всегда вербализована, хотя и не озвучена (ср. *про себя*). Этим она отличается от соответствующих ментальных состояний или чувств; ср. *Про себя я ругал <не осуждал> его последними словами*. Внутренняя речь особенно характерна для случаев, когда субъект недоволен самим собой; ср. *Я до сих пор ругаю <браню> себя за то, что отказался с ней встретиться*.

Своей способностью обозначать внутреннюю речь *ругать* и *бранить* отличаются от прочих синонимов ряда, которые, в силу своей стилистической отмеченности и семантической специфики, в таких контекстах в норме не употребляются.

Смысловые различия между *ругать* и *бранить* обнаруживаются только в том круге употреблений, где объект осуждения с о в п а д а е т с адресатом. Эти различия состоят в том, что форма осуждения в случае *бранить* менее резкая, тон в целом несколько ниже, голос менее громкий и грубый, а субъект и объект обычно связаны более близкими узами, чем в случае *ругать*; ср. *Учил его всему шутя. / Не докучал моралью строгий; / Слегка за шалости бранил / И в Летний сад гулять водил* (А. С. Пушкин, «Евгений Онегин»); ср. также слова известного романа: *Не брани меня, родная, / Что я так люблю его. / Скучно, грустно, дорога, / Жить одной мне без него*.

Вторая группа синонимов — *пилить* и *грызть* — отличается от первой прежде всего тем, что описывает о д н о о б р а з н о выполняемое речевое действие, с неоднократным возвращением к тому, что уже было сказано. Оно характеризуется р а в н о м е р н о й, хотя и не слишком большой, интенсивностью и продолжается д о л г о, чем действия *ругать* и *бранить*. Выражая осуждение в такой форме, субъект не столько стремится к исправлению адресата, который, может быть, и дал ему реальный повод для недовольства, сколько дает выход своему р а з д р а ж е н и ю или проявляет какие-то н е п р и я т н ы е свойства своего характера — придирищность, мелочность и т. п. Поэтому осуждение всегда воспринимается как ч р е з м е р н о е. Ср. *Сколько можно грызть человека за неудачную покуп-*

ку? *Ведь ты его уже два часа пилить*. Этим объясняется отрицательная оценка речевых актов *пилить* и *грызть* со стороны говорящего.

Объект осуждения в этих случаях — всегда ч е л о в е к, который одновременно является и непосредственным адресатом речевого акта: *пилить* или *грызть* кого-л. заочно нельзя. Что касается субъекта осуждения, то он обычно имеет какие-то особые права на адресата. Как правило, это — р о д с т в е н н и к, чаще всего — ж е н щ и н а; ср. *Жена <теща> его вечно пилила <грызла> за что-нибудь, а он только отмахивался*.

Различие между *пилить* и *грызть* касается главным образом свойств субъекта и внешней формы речевого акта. *Пилит* обычно сварливые и мелочные люди, причём акцентируется м о н о т о н н о н о н у д н ы й характер слов субъекта: *На работе начальство всегда недоволено. Придешь домой — жена начинает пилить, и пилит, и пилит, пока спать не ляжешь*. *Грызут* недобрые люди, причём слова осуждения проникают глубже в сознание жертвы и травмируют ее больше, чем в случае *пилить*, вследствие н е с т о я з н о с т и или н е п р и м и р и м о с т и субъекта. Ср. *Свекровь следила за каждым шагом молодой и так ее грызла за недостаток усердия, что та по ночам плакала*.

Группа *поносить* и *крыть* отличается от двух предшествующих групп синонимов тем, что обозначает более э н е р г и ч н ы е речевые акты, в которых осуждение выражается резко, грубо и немотивированно интенсивно. Резкость выражения может достигаться как за счет выбора самих с л о в, так и за счет напряженности г о л о с а, повышенного т о н а, иногда доходящего почти до крика, и т. п. Ср. [Мамелюк] *крыл отважно и авторитетно: — Черт вас знает, что у вас за голова — соломой что ли набита* (Д. Фурманов, «Мятеж»); *Он [Левий Матвей] проклинал себя, выкликая бессмысленные слова, рычал и плевался, поносил своего отца и мать, породивших на свет глупца* (М. Булгаков, «Мастер и Маргарита»). Прибегая к такой манере выражения, субъект обычно дает выход сугубо отрицательным эмоциям — з л о б е (*поносить*), возмущению (*крыть*), сильному раздражению.

В связи с грубостью, чрезмерной резкостью и немотивированной интенсивностью речевых актов *поносить* и *крыть* они обычно получают отрицательную оценку со стороны говорящего. В этом отношении они сближаются с *пилить* и *грызть*.

В других отношениях *поносить* и *крыть* ближе к *ругать* и *бранить*, чем к *пилить* и *грызть*. В частности, у этих речевых актов объект оценки может как совпадать, так и не совпадать с адресатом.

Различия между *поносить* и *крыть* сводятся к следующему. Во-первых, когда человек *крит* кого-л., он обычно имеет р е а л ь -

ны е основания для осуждения, хотя, возможно, он их несколько преувеличивает. Эмоциональной подоплекой *крыть* является возмущение. *Поносить* же можно и совершенно необоснованно, по злобе, имея целью, например, испортить репутацию объекта. Ср. *Не стесняйтесь со мной, красавица. Без церемоний кройте меня! Мне такая свирепость нравится* (Гусев, МАС); *И в том, что овладевала им неизбежная трезвость, винил он тех, кого только что любили. Мало сказать — винил. Он их поносил, холодно и непритворно* (Е. Шварц, «Воспоминания»). Во-вторых, речевой акт *поносить*, в отличие от *крыть*, может быть рассчитан на более широкую аудиторию, чем сам адресат. В этом случае субъект заинтересован не столько в том, чтобы его слова дошли до адресата, сколько в том, чтобы его оценки произвели нужное действие на аудиторию и изменили ее мнение об объекте речи в худшую сторону. Ср. *Неизвестный бродяга поносил начальство и подговаривал казаков бежать в области турецкого султана* (А. С. Пушкин, «История Пугачева»); *[Пьяные гвардейцы] почти открыто поносили русские порядки и царя* (В. Шишков, БАС). Наконец, третье различие касается характера субъекта: *кроют* обычно несдержанные и грубые люди, которым, раз начав, трудно остановиться. В *поносить* подобных указаний нет.

Синонимы последней группы — *хаять*, *охлаивать* и *хулить* — отличаются от большинства других синонимов ряда (за исключением *поносить*) прежде всего по признаку мотивировки речевого акта. Называемые ими действия не имеют никаких конструктивных целей и мотивируются исключительно желанием опорочить объект осуждения, подорвать его репутацию. Поэтому осуждение не просто необоснованно; оно огульно и несправедливо. Ср. *Торгуешь — хаеши; неохвалишь — похвалишь* (В. И. Даль, «Толковый словарь живого великорусского языка»); *Обоим хочется Ванюшку себе взять, ... вот они друг перед другом и хают его: дескать, плохой работник!* (М. Горький, «Детство»); *Квасной патриотизм — это манера охлаивать все закий, / Гредное и перевозносить все свое; И я людьми недолго правил, / Гредное и перевозносить все свое; И я людьми недолго правил, / Гредное и перевозносить все свое; И я людьми недолго правил, / Гредное и перевозносить все свое* (М. Ю. Лермонтов, «Демон»). В связи с этим *хаять*, *охлаивать* и *хулить* всегда выражают отрицательное суждение говорящего о речевом акте или его субъекте: *Я пошамю, что в этих стихах есть недостатки, но зачем же все подряд хаять?*; *Хулить своих научных противников — последнее дело: брань не может служить доказательством.*

С *поносить* их сближает еще одно свойство: *хаять*, *охлаивать* и *хулить* указывают на заинтересованность субъекта не столько в том,

чтобы его слова дошли до объекта осуждения, сколько в том, чтобы они произвели нужное действие на более широкую аудиторию, т. е. создали у нее отрицательное мнение по поводу объекта осуждения.

Различия между *хаять* и *хулить* состоят в следующем. *Хаять* совместно с искренним неприятием кого-л. или чего-л. и в этом отношении сближается с *ругать*. Ср. *Что касается вашей пьесы, то вы напрасно ее хаеете* (А. П. Чехов, МАС). Однако, в отличие от *ругать*, и от *хулить*, *хаять* указывает на энергичность и чрезмерную грубость осуждения, на крайность используемых субъектом отрицательных оценок, которые к тому же диктуются не столько фактическим положением вещей, сколько особенностями характера субъекта — его эмоциональной возбудимостью, необъективностью и т. п. В отличие от этого, *хулить* в наиболее типичных условиях употребления в современном языке предполагает скорее недобросовестность субъекта, который занимает позицию осуждения не столько потому, что ему действительно что-то не нравится, сколько потому, что он корыстно заинтересован в том, чтобы опорочить объект. Поэтому *хулить* кого-л. или что-л. можно, не впадая ни в какие крайности, оставаясь вполне в рамках приличий. Ср. *Мы помним, как хулили Шостаковича бесприципные, хотя и высокообразованные критики.*

Что касается *охлаивать*, то он ближе к *хаять* и отличается от последнего, помимо стилистических свойств, главным образом, тем, что предполагает еще большую огульность и несправедливость осуждения. *Он хаеет пьесу* значит примерно 'он ругает ее сильнее, чем она того заслуживает'. *Он охлаивает <охаяет> пьесу* значит, что он отвергает ее полностью, используя оценки вместо доводов.

2.4. Грамматические формы

Несобственная форма СВ *отругать* глагола *ругать* возможна только в сочетании с объектом-человеком: *Отец отругал меня за опоздание*. Нельзя **отругать пьесу*, хотя можно *обругать пьесу*.

2.5. Синтаксические конструкции

Для синонимов *ругать*, *бранить*, *псилить* и *срыть*, в той мере, в какой обозначаемые ими действия нацелены на устранение недостатков, характерно управление предложно-именной группой за что-л. со значением *мотивировки*. *Ругали главным образом меня за то, что я недоглядела* (Н. Мандельштам, «Вторая книга»); *Дурак! Да*

разве я за то тебя браню, что ты женишься надумал?; Теща пилила <грызла> его за то, что он чересчур много ест. Для других синонимов ряда, обозначающих глобальное осуждение, такое управление возможно, но нехарактерно (см. Иллюстрации).

Ругать и *бранить* управляют придаточным предложением с союзом *что* в том же значении: Отец все ругает <бранит> меня, что у меня нет характера. Для остальных синонимов ряда такое управление нехарактерно или совсем невозможно.

Ругать, *бранить*, *пилить*, *крыть* и, в меньшей степени, *грызть* и *поносить* управляют прямой речью в том же значении: — У тебя ветер в голове, — ругала <бранила> ее мать; — У всех давно новые квартиры, только ты никогда ничего не попросишь, — пилила <грызла> его жена; — Бездельники, пьяницы чертовы, — крыл <поносил> рабочих бригадир; <Смси> дрожащим голосом поносил Цитовича — черт кривоногий... Даром, что свой, не может уж помочь (Ю. Трифонов, «Конец сезона»). Для синонимов *хаять*, *хулить* и особенно *охлаждать* такое управление нехарактерно или невозможно.

Ругать, *бранить* и, в меньшей мере, *хаять*, в отличие от прочих синонимов, могут управлять формой ДАТ, обозначающей адресата, отличного от объекта осуждения: Вот и вчера он ругал <бранил> мне своего младшего брата.

Синонимы *ругать*, *бранить*, *пилить* и *грызть* свободно употребляются в отрицательных предложениях: Что бы он ни сделал, она никогда его не ругала <не бранила, не пилила, не грызла>, только иногда смотрела неодобрительно. Для других синонимов ряда, ввиду их большой семантической специфики, отрицательные предложения нехарактерны.

2.6. Лексико-семантическая сочетаемость

Синонимы *ругать*, *бранить*, *крыть*, *поносить* и *хаять* сочетаются с наречиями типа *на чем свет стоит*, *последними словами*, обозначающими интенсивность осуждения и энергия, с какой выполняется речевой акт. Ср. *ругал <бранил, крыл, поносил, хаял> кого-то-л. на чем свет стоит <последними словами>* (не путать с *ругал кого-л. выскочкой*, где *выскачка* — свойство, приписываемое объекту осуждения, а не характеристика интенсивности действия, и где *ругать* имеет другое значение; см. выше, раздел 2.1). Для *охлаждать* и *хулить* такие сочетания нехарактерны, а для *пилить* и *грызть* — совсем невозможны.

Ругать, в отличие от прочих синонимов ряда, сочетается с наречием *ругательски* с тем же значением интенсивности осуждения и энергичности речевого акта; *ругать* и *бранить*, в отличие от прочих синонимов ряда, сочетаются с наречиями *очень* и *сильно* в том же значении. Ср. *Он ругательски ругал новое правительство; В куртке нового директора сильно <очень> ругали <бранили> за грубость.*

Ругать, *бранить*, *пилить* и *крыть* сочетаются с наречиями и наречными оборотами типа *громко*, *вызгливо*, *нудно*, *вызгловым голосом*, *скрипучим голосом* и т. п., характеризующими звуковую сторону речевого акта: *громко ругать <бранить, крыть> кого-то-л., пилить кого-л. вызгловым <скрипучим> голосом.*

2.7. Иллюстрации

Когда разбираешь основательно, являешься ответственным за то, что говоришь, а это всегда тягуче и скучно выходит. А ругать так легко! Слова сами собой пишутся на бумаге, потому что они вульгарны и пошлы, из обиходного языка (Иг. Потанинко, «Новое время», 1896 г.). В салоне закипела такая ругань по адресу Мольера, что вообще немислимо было что-либо разобрань сразу. К тем лицам, которые раньше ругали Мольера, присоединились целые десятки новых (М. Булгаков, «Жизнь господина де Мольера»). Они пили водку, Мандельштам ругал матерными словами Братону — свою ученицу, заступив руки в волосы, гоним, почему его учеников, талантливых мальчиков-сверев, гонят из науки (В. Гроссман, «Все течет»). Когда он кого-то ругает, достается всякому, кто под рукой окажется («Столица», N 34, 1992).

И в ней [Масловой] вдруг поднялось опять прежнее озлобление к нему [Нехлюдову], захотелось бранить, упрекать его (Л. Н. Толстой, «Воскресение»). Мору рассказывает очень причудливо и остроумно историю одной девочки, которую дома всегда бранили за то, что у нее "тридцать шесть тысяч желаний" (С. Маршак, «Сказка крылатая и бескрылая»). Знаю, милый, можешь мало / Обо мне припоминать; / Не бранила, не ласкала. / Не водила причитать (А. Ахматова, «Вуду тихо на погосте»). Моряки, уже давно сидевшие за столом и бранившие его за опоздание, встретили его преувеличенно любезно, шеголяя друг перед другом знанием английского языка (И. Бунин, «Братья»). Кто из них [критиков] хвалит "Аду" со страстью, иногда и с подобострастием, но бранит без страсти (З. Шаховская, «В поисках Набокова»). Предоставляя выпрежнему глупцам / бранить наш век, пеняя на сновиденье, / единственный раз дарованное нам (В. Набоков, «Годовщина»).

Ничего не может быть гаже, чем когда приехавший первым гость мыкается, не зная, что ему предпринять, а его законная негера шенотом

и д и л и т его за то, что они приехали раньше всех (М. Булгаков, «Мастер и Маргарита»). — Да, ты Асе не говори о том, что послал мне «денеги», а то она меня п и л и т ь будет, что я не поехала в Елабугу (А. Эфрон, «Письмо к В. Пастернаку»).

Вот какой аппетит был у дочери Марии Поликарповны, и та ее за этот аппетит г р и з л а. Теперь же, когда дочь перешла на пищу диетическую, п и л и л а — чего, мол, есть перестала. — Или толстая — сказала? Обхватить не может? Так и шиньяла, так и шиньяла... (Р. Киреев, «Год бедней»).

Кто только не набивался Осе в учителя, в наставники. И п о н о с и л и, и порицали, и журили его за то, что не ссыкал в себе силы притереться ко времени, как притирались тысячи других (А. Львов, «Желтое и черное»). Теперь, отработавшая грехи перед козьянами, он по радио признавал к сдаче, и п о н о с и л всех, кто предлагал держаться дальше (А. И. Солженицын, «Архипелаг ГУЛАГ»). При дележе "наследства" этого матерого гангстера «Архипелаг ГУЛАГ»). Профачи их обошел, да еще потом всячески п о н о с и л и шиньяла. Раздраженный неуступчивостью и наглостью наемников («В мире книг», № 3, 1989). Раж, с которым Ленин п о н о с и л либералов, ка-дэ, призывал к вооруженному восстанию, боролся с меньшевиками, столь истощил его силы, что после Лондонского съезда партии он возвратился в Куоккала, в Финляндию, полутрупом (Н. Валентинов, «Встречи с Лениным»). Проходил тут как-то процесс вредителей в фарфоровой промышленности (и там нашкодили!) — и уже дружно все подсудимые п о н о с и л и себя и во всем сознавались (А. Солженицын, «Архипелаг ГУЛАГ»). — Братцы, зачем он нас по-своему п о н о с и т, — дудело монотонной трубой. — Вы, грит, которые хуже собак... (А. Будницкий, «Страшно жить»).

Ну бесхозяйственности, к р ы л такие норядки Паша, ну лодыри все поголовно — ноли похалтурь так на Западе («Огонек», № 16, 1989). — То вы капитана хвалите через край, то к р о е т е воию (Щербатовский, МАС). Как начали греть! / Как начали к р ы т ь! / Легче помереть, / чем п о м и р и т ь (В. Маяковский, «Мистерия Буфф»). Речи-встречи, то да се, / К р о е м НАТО... (А. Галич, «Стихотворения»).

— Ты ведь не для себя торговаться пришел! Зачем же ты наш лес х а е ш ь! А ты похвали! (М. Е. Салтыков-Щедрин, БАС). — Бледна что-то, — проговорил Лев Кириллович. Лопухины дышали громко, готовые спорить, если Нарышкины начнут х а я т ь молодую (А. Н. Толстой, «Петр Первый»).

У Бунина богатейший язык, и у всех больших поэтов попадаются и темные, областные выражения, и несправичные обороты, и просто неловкости. Если только за это х а я т ь стихи Бунина, то это упреки, основанные почти всегда на заблуждении (В. Набоков, «О восставших ангелах»). Чичиков приступил к покупке. По обычаю всех покупателей, сначала он

о х а я л покупаемое имение и, о х а я в ш и его со всех сторон, сказал ... (Н. В. Гоголь, «Мертвые души»). Особенно доставалось Дашутке и то время, когда появлялись на кухне мужчины. Все, что ни делала она тогда, спешили невестки согласно о х а я т ь (Седых, МАС). Чужого не х а й, своего не хвали (В. И. Даль, «Толковый словарь живого великорусского языка»).

Я не х у л ю твоего Евгения Васильевича, а только так, к слову (Мамин-Сибиряк, БАС). Не х у л и л меня, не славил, / Как друзья и как враги (А. Ахматова, «Не худил меня, не славил»). Пусть он меня и х у л и т, и беславит, / Слышу в словах его сдавленный стон (А. Ахматова, «Пленник чужой»). Х у л и т ь общественную систему — и во всем настолько походить на нее! (А. Битов, «Улетающая Монахов»). Самым обидным для него было сознание, что этот вот молодой парень Бакланов имеет теперь полное право всячески х у л и т ь его (А. Фадеев, «Разгром»). Северяня терпеть не мог, когда при нем х у л и л и что-либо в его хозяйстве. Он напустился на Романа: — А чем тебе гневой не конь? (Седых, БАС).

2.8. Службные зоны

□ ФРАЗСИН □ понимать *недобрым* словом,
 □ АНАЛ □ ругаться, браниться; одергивать; выговаривать, отчитывать, распекать, читать нотацию; упрекать, корить, укорять, журить, пенять; совестить, стыдить; срамить; ворчать, брюзжать; шиньять; разругать, разнести, раслушнить, прогососить, расчихаосить [Скулятник, которого Хрущев принародно разругал, сочинил ему памфлетик, составленный из черного и белого (В. Токарева, «Первая попытка»)]; кричкотавать, громить, вичевать, проработывать; обиваять, уличать; осуждать, порицать; возмущаться; разоблачать, обличать, развенчивать; обзывать, обкладывать; лягать [В своей новой книге Дюамель лягает своих же учителей (О. Мандельштам, рец. на книгу Дюамеля)]; оскорблять; бесчестить, ославлять, порочить, шельмовать; клэсть, проклинать [Он клял на чем свет стоил беззастенчивую свою судьбу (Б. Пастернак, «Доктор Живаго»); Испонянно, за что мы клянем инквизицию (А. И. Солженицын, «Архипелаг ГУЛАГ»)]; кричать² (на кого-л.), рычать; наказывать; преследовать, травить; злословить.

□ = КОНВ □ доставаться, влетать, попадать [Ему досталось «злетело, попал» от отца].¹

□ АНТ □ хвалить, превозносить, славить.

□ ДЕР □ ругать, брань, поношение, охаивание, хула; ругатель, хулитель; бранливый; хулильный; выругать, изругать, обругать, отругать, поругать, разругать; поругивать; выбранить, разбранить.

Примечания

¹ Ряд был обсужден на рабочем заседании Сектора теоретической семантики Института русского языка РАН. Всем участникам обсуждения — О. Ю. Богуславской, И. Б. Левонтиной и Е. В. Урысон — мы выражаем признательность за ценные критические замечания.

² Ср. аналогичное наблюдение Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева: "Обвинить/обвинять всегда описывает именно РА, тогда как осуждать и винить, так же как и грешить на..., могут описывать внутреннее состояние субъекта, которое он не воплощал в слова" [Булыгина, Шмелев 1994: 55].

ЛИТЕРАТУРА

Апресян 1992 — АПРЕСЯН Ю. Д., *О новом словаре синонимов русского языка*. — ИАН СЛЯ, 1992, № 1.

Апресян 1995 — АПРЕСЯН Ю. Д., *Новый словарь синонимов: концепция и типы информации*. — В кн.: Ю. Д. АПРЕСЯН, О. Ю. БОГУСЛАВСКАЯ, И. Б. ЛЕВОНТИНА, Е. В. УРЫСОН, *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. Проспект. М., 1995.

Булыгина, Шмелев 1994 — БУЛЫГИНА Т. В., ШМЕЛЕВ А. Д., *Оценочные речевые акты извне и изнутри*. — В кн.: *Логический анализ языка. Язык речевых действий*. М.: Наука, 1994.

Гловинская 1993 — ГЛОВИНСКАЯ М. Я., *Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов*. — В кн.: *Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект*. М.: Наука, 1993.

Июмдин 1991 — ИЮМДИН Б. Л., *Словарная статья глагола ругать*. — Семантика и информатика, вып. 32, 1991.

Wierzbicka 1987 — WIERZBICKA A., *English Speech Act Verbs. A Semantic Dictionary*. Sydney, 1987.

К ПОСТРОЕНИЮ МОДЕЛИ СИНТЕЗА РУССКИХ НУМЕРАТИВОВ^{1*} (ГЛУБИННОЕ И ПОВЕРХНОСТНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ)²

А. Н. БАРУЛИН
(Москва)

TOWARDS THE DESCRIPTION OF DEEP AND SURFACE SEMANTIC STRUCTURE OF RUSSIAN NUMERATIVES

A. N. BARULIN
(Moscow)

*Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.*
М. В. Ломоносов

1. Общеязыковые установки.

Работа выполнена в рамках общей теории языковых моделей "Смысл ↔ Текст". Родоначальниками ее являются И. А. Мельчук и А. К. Жолковский, выступившие в середине 60-х годов с рядом публикаций, в которых излагались основы теории. В наиболее полном виде они изложены в работе [Мельчук 1974]. Предварительного знакомства с этой работой для понимания данной статьи не требуется. Однако знающему ее содержание понять меня будет значительно легче. Для того, чтобы статью было читать еще легче, можно также прочесть мою работу [Барулин 1990], наши совместные работы с А. Ю. Айхенвальд [Айхенвальд, Барулин 1988], [Айхенвальд, Барулин 1989].

Начиная с 1977 г., я разрабатываю свою версию теории (см. [Барулин 1977, 1979, 1980а, 1980б, 1980с, 1980д, 1982, 1984, 1990, 1994], [Айхенвальд, Барулин 1988, 1989] и др.), в которой сохранена идея Мельчука и Жолковского о том, что модель языка — это система правил, строящих — при синтезе — по заданному смыслу его линейное фонетическое представление, а при анализе — строящих по фонетическому представлению семантическое. Однако в моем варианте существенно пересмотрена система

*Примечания, расцифровку аббревиаций и условные обозначения см. в конце статьи.

уровней и идеология конструкции модели. Идеология модели соединяет в себе две идеи. Одна из них — идея упорядочения языковых единиц — была предложена когда-то еще И. А. Бодуэном де Куртенэ ((Бодуэн де Куртенэ 1963: стр. 255 — 256)). Он первым заметил, что единицы языка разделяются на метрические (названные классом и трактовка идеи Бодуэна мой), в сегментации подчиняющиеся дыхательным ритмам, и сигнификативные, подчиняющиеся в сегментации ритмам мышления. Они отдельно упорядочиваются по размерности: фонема → слог → фонетическое слово → такт → период → предложение и фонема → морф → словоформа → словосочетание → конструкция → предложение. Вторая — идея упорядочивания уровней — была предложена И. А. Мельчуком, считавшим, что уровни должны следовать друг за другом в следующем порядке: семантический ⇒ глубинно-синтаксический ⇒ поверхностно-синтаксический ⇒ глубинно-морфологический ⇒ поверхностно-морфологический ⇒ фонологический ⇒ фонетический / орфографический. В качестве универсальной характеристики, отличающей единицы смежных уровней, у Мельчука выступает сокращение фонетически или семантически избыточных параметров определенного типа (по Ш. Балли — обязательного плеоназма) при синтезе и увеличение их при анализе. Так, при переходе от поверхностно-синтаксического представления к глубинному большее число поверхностно-синтаксических отношений (ПСО) сменяется на меньшее (меньше приблизительно на порядок) благодаря тому, что из их содержания устраняется информация о том, в каком классе контекстов встречается данное ПСО. Ср. семантическую идентичность отношений между предикатом и его актантами в выражениях типа *Король был влюблен в маркизу vs. любовь короля к маркизе* и различный способ оформления этих идентичных с семантической точки зрения отношений, вызванный тем, что в первом случае оформляются отношения между главным предикатом предложения и его актантами, а во втором случае — отношения между зависимым предикатом и теми же самыми его актантами.

Я предлагаю синтезировать идеи И. А. Бодуэна де Куртенэ и И. А. Мельчука, введя в дополнение к понятию 'уровень' понятие 'ярус', позволяющее привести в систему форм представления текстовых единиц новое "измерение". За понятием 'уровень' при этом предлагается закрепить линию упорядочения уровней, предложенную И. А. Мельчуком, а за понятием 'ярус' — линию упорядочения языковых единиц, предложенную И. А. Бодуэном де Куртенэ. Сослечь их можно следующим образом.

и т. д.

Схема упорядочения уровней остается открытой, поскольку она может охватывать единицы достаточно большой степени сложности. Каждый ярус языковой структуры характеризуется двумя параметрами: его самыми маленькими единицами и единицами самыми большими. Первые я вслед за Э. Бенвенистом ((Бенвенист 1965): стр. 441 — 443) буду называть конститuentами, вторые — интегрантами. Для каждого яруса и для каждого уровня строится свой метаязык, с помощью которого задаются единицы соответствующего уровня, и метаязык, с помощью которого описываются правила построения из конститuentов интегрантов. Отдельными правилами задаются соответствия между единицами разных уровней, причем правила перехода от высшего уровня к низшему при синтезе и при анализе могут не совпадать (и чаще всего не совпадают).

Глубинно-семантический уровень (ГСемП) в моей модели подразделяется на два подуровня. Конститuentами первого подуровня ГСемП являются концептуальные компоненты, являющиеся общими для нескольких языков (в идеале — для всех), они описываются самым универсальным способом. Интегрантами первого подуровня являются элементарные смысловые формулы (ЭСФ). Далее на следующем подуровне интегранты предыдущего подуровня становятся конститuentами этого следующего подуровня. Интегрантами же ГСемП в моей модели являются комбинированные смысловые формулы (КСФ). ЭСФ состоит из одного предиката и двух или, более референтов, заполняющих валентные места предиката. Кроме того, в формулу вводится место еще для одного референта, соотносящегося со всей ситуацией, ради кодирования которой и вводится в семантику текста данный предикат (см. об этом ниже). Комбинированные смысловые формулы строятся из элементарных по определенным правилам, которые будут более подробно описаны ниже.

ПСемП отличается от ГСемП тем, что его элементарные предикаты в общем случае сложнее, чем предикаты ГСемП. Поэтому основным содержанием правил перехода от структуры ГСемП к структурам ПСемП является свертывание сложных формул ГСемП в элементарные узлы структуры ПСемП. Та же процедура остается основным содержанием правил перехода от ПСемП к глубинному морфо-синтаксическому представлению (ГМСП), от ГМСП к поверхностному морфо-синтаксическому представлению (ПМСП) и т. д.

Некоторые другие особенности предлагаемой модели видны из ее схемы. Во-первых, в ней предусмотрена возможность анализа и синтеза текста, большего, чем одно предложение. За сентенциональным представлением (т. е. ярусом, на котором описывается глубинная и поверхностная структура единиц, больших, чем одно предложение) может следовать ярус, на котором будет описываться структура еще больших единиц. Во-вторых, в ней найдено место для системы правил построения основы словоформы, т. е. для словообразовательного компонента (второй ярус, ярус, на котором синтезируется основа словоформы по семантическому заданию). Включение в структуру модели словообразовательного компонента потребовало пересмотра и всех существовавших донные теории словообразовательного компонента — это система правил, позволяющих по заданному смыслу, правилам номинации (см. о них п. 3. 2), контекстным условиям, подязыку и прагматическому заданию выбрать морфемы, отображающие компоненты заданного смысла, и морфологическую конструкцию, при которой данного набора морфем при заданной конструкции оказывается достаточно для адекватного отображения исходного смысла. Синтаксическая роль смыслового компонента, отображаемого синтезированной основой в семантическом контексте, соответствующем смыслу предложения, в которое она входит, определяется на другом (лексико-синтаксическом) ярусе. На нем же устанавливается, какой флексией должна быть оформлена основа, а затем синтезируется вся словоформа. Из описанного выше теоретического решения вытекает, что синтез основы должен производиться с опорой на сложный построенный толково-комбинаторный словарь морфем. Он строится по тем же принципам, что и толково-комбинаторный словарь лексем, разработанный группой российских ученых под руководством И. А. Мельчука, хотя, по понятным соображениям, имеет и свои особенности, в частности, другую систему зон в словарной статье. Подробнее о структуре толково-комбинаторного словаря морфем см. в статье [Барулин, Айхенвальд 1988]. Здесь же отмечу, что к положениям упомянутой статьи необходимо добавить, что в семантическую зону словарной статьи кроме толкования должны войти еще две подзоны: в одной из них должно быть приведено глубинно-семантическое представление интенционала морфемы, во второй — его поверхностно-семантическое представление.

Принципиальным моментом в модели является установка на конструирование языковых единиц каждого яруса. Я считаю, что развертывание речевых единиц во времени — одна из основных их особенностей. Правила выбора последующих единиц в зависимости от того, какие единицы языка уже выбраны для построения предшествующего фрагмента текста (рекурсивный механизм) не менее важны, чем правила упорядочения языковых единиц на основе структурных характеристик.

2. Язык ГСемП.

Глубинно-семантическое представление — это текст, написанный на искусственно созданном метаязыке, пригодном для того, чтобы описывать глубинную семантику как можно большего количества различных конкретных языков. Слова ГСемП не только должны быть лишены грамматических особенностей этих конкретных языков, но и не должны иметь прямой соотнесенности с семантикой определенных морфем и лексем конкретных языков. Смысл каждого слова семантического метаязыка должен быть проще или равен поверхностному смыслу любого самого простого с семантической точки зрения слова или морфемы конкретного языка. Поверхностно-семантический метаязык должен быть пригодным для описания семантики только одного языка. Его "слова" могут быть устроены сложнее и не должны выходить за пределы системы "образов", характерной для данного языка.

2. 1. — 2. 4. Конституенты ГСемП.

Язык ГСемП в предлагаемой системе состоит из элементов четырех типов: денотатов, референтов, предикатов и отношений, связывающих в формуле узлы, в которых располагаются единицы указанных выше видов. ГСемП языковой единицы представляет собой дерево, в узлах которого стоят единицы первых трех типов, а ребрами являются единицы четвертого типа.

2. 1. Денотаты.

Под предметным денотатом я буду понимать предмет реального мира, так или иначе связанный с определенным языковым знаком определенного текста. Под ситуативным денотатом я буду понимать состояние, в котором находится некоторый предмет реального мира, или действие, которое им совершается, или отношение, в котором он находится с другим предметом этого мира, такие, что они так или иначе связаны с определенным языковым знаком конкретного текста. В языке, описывающем ГСемП языковых единиц, денотатам будут соответствовать индексированные латинские b : b_0 , b_1 , b_2 и т. д. b без индекса будет обозначать значимое отсутствие денотата данного типа в описываемой ситуации. Такое b появится в семантической формуле нуля (см. ниже, п. 4. 2). Оно же будет заполнять первую и единственную валентность лексемы НИКТО (в предложениях типа *Здесь никого нет*): семантическое наполнение числовой морфемы у нее — 'нуль'.

2. 2. Референты.

Под предметными референтами я буду понимать модели предметов реального мира, существующие в сознании носителей тех языков, семантику которых описывает язык данного ГСемП, а также их аналоги, не имеющие соответствий в реальном мире, однако, по своим формальным свойствам соответствий в реальном мире, однако, по своим формальным свойствам ничем от этих моделей не отличающиеся (ср., например, референты тавам имен, как ЗЕВС, ОДИССЕЙ, СТАВРОГИН, БАБА-ЯГА, НАРОД и т. п. (Последний пример лексема не имеющей денотата принадлежит Г. Фреге.) Денотатов у них нет, но с точки зрения правил функционирования референты этих и подобных им имен ведут себя так же, как референты имен типа ПАДУЧЕВА, ЗАЛИЗНЯК, МЕЛЬЧУК и др.). Под ситуациями имен типа ПАДУЧЕВА, ЗАЛИЗНЯК, МЕЛЬЧУК и др.). Под ситуациями, типичными референтами будут пониматься модели конкретных ситуаций, имеющих место в реальном мире и описываемых предложениями, словосочетаниями, словоформами, морфемами (ср., например, референты, обозначаемые выражениями *Науш Хомский* — профессор МГУ; *сражение под Ватерлоо*; *выборы*), а также модели конкретных свойств, отношений, состояний и т. п., характеризующих предметы реального мира. Ситуативными референтами будут называться и аналоги подобных конкретных свойств, состояний и т. п., не имеющие в реальном мире соответствий, однако, по своим формальным свойствам ничем от предыдущего типа моделей не отличающиеся (ср., например, референты, обозначаемые выражениями *Встаю из мрака младая с перстами нуртурными Эос*; *быть или не быть, коммунистический*). Референтам в языке, описывающем ГСемП языковых единиц, будут соответствовать индексированные латинские a_0, a_1, a_2 и т. д. а без индекса будет обозначать значимое отсутствие референта данного типа в описываемой ситуации. Референты — структурно пассивные элементы семантического представления. Они могут в нем лишь заполнять валентности семантических предикатов, сами они никаких валентностей не имеют.

2. 3. Отношения.

Отношения задаются как тройки $w_i = \langle N(w_i), A_1, A_2 \rangle$. Первое место в них занимает имя отношения (здесь оно названо — $N(w_i)$), второе место — переменная, определенная на множестве имен предикатов (назовем его $\{M_i\}$), третье место занимает переменная, определенная на множестве референтов (назовем его $\{M_n\}$).

2. 4. Предикаты.

Предикат Р задается как n -ка (кортеж из n элементов) $P = \langle N(P), A_1, w_1, \dots, A_n, w_n \rangle$, первое место в которой занимает имя предиката (здесь оно названо — $N(P)$), второе место занимает переменная A_1 , определенная на множестве референтов (назовем его $\{M_n\}$), третье место занимает двухместное отношение w_1 , определенное на множестве $\{M_1\}$, таким, что $N(P) \in \{M_1\}$, и множестве $\{M_n\}$...($n-1$)-ое место занимает переменная A_n , определенная на множестве референтов (назовем его $\{M_n\}$), а n -тое место занимает отноше-

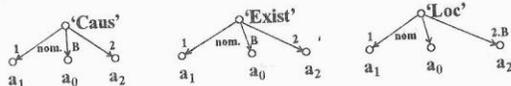
ние w_i , определенное на множествах $\{M_1\}$ и $\{M_n\}$. Референтная переменная и связанное с ней отношение будет называться валентностью предиката. Валентностей у предиката, таким образом, столько, сколько переменных в n -ке. По числу валентностей предикаты будут называться одноместными, двухместными и т. д. Из сказанного выше ясно, что предикат — это структурообразующая единица, главное свойство которой по терминологии немецкого логика Г. Фреге — ненасыщенность, требование дополнить структурно неполные места (валентности) конкретными референтами из множеств, на которых определены соответствующие переменные.

3. Правила построения интегрантов в ГСемП.

3. 1. Построение ЭСФ.

Валентности предиката считаются заполненными, если на место свободных переменных в нем подставляются константы или связанные переменные. Под ЭСФ будет пониматься дерево, такое, что а) в его вершине стоит имя предиката; б) из узла имени предиката выходят стрелки, которые обозначают отношения, входящие в n -ку предиката; в) отношение кодирования (**nom**), связывающее имя предиката с ситуативным референтом a_0 , соответствующим той конкретной ситуации реального или воображаемого мира, языковые параметры которой задает имя предиката и ради кодирования которой данный предикат и появляется в семантической структуре (стрелка, обозначающая это отношение (**nom**), и референт, к которому она идет, не входят в число валентностей предиката, стоящего в вершине формулы; a_0 включает в себя в качестве компонентов референты, заполняющие валентные места предиката); г) отношение именования (**B**), связывающее имя предиката с тем референтом, который находится в фокусе обозначения в данной ЭСФ; отношение именования — это не то же самое, что отношение кодирования, упомянутое выше; предикат может именовать не только a_0 , но и — теоретически — любой из своих актантов (так, в существительном ВОШЕДШИЙ именуется первый актант, в существительном НОША — второй и т. д.), в то время как стрелка **nom** может связывать предикат только с a_0 ; понятие фокуса обозначения введено здесь для того, чтобы подчеркнуть тот факт, что кроме референта, находящегося в этом фокусе и обозначаемого в дальнейшем термином "значение", в семантической формуле знака может оказаться референт, не именуемый верхним предикатом формулы, а иногда и вообще не именуемый никаким предикатом; так, в семантической формуле субстантивированной лексемы ЭТОТ (толкуется как "близкий к говорящему") два референта: один соответствует предмету, располагающемуся близко к тому, кто говорит, второй — тому, кто говорит, но только один из них именуется (первый); он и является по Фреге значением лексемы ЭТО; второй референт формулы не именуется вообще, он входит по Фреге в смысл лексемы; поскольку в роли значения может оказаться любой референт ЭСФ, для сокращения количества стрелок в формуле мы примем соглашение, по которому стрелка отношения кодирования (в

часть открытого Г. Фреге противопоставления понятий “смысл” и “значение” — по-немецки Sinn и Bedeutung — я буду обозначать это отношение большим латинским В — от Bedeutung) сливается со стрелкой, ведущей к референту формулы, совпадающему с референтом, к которому ведет стрелка В. При этом имя новой стрелки через точку дополняется значком В. Валентные места предиката в ЭСФ должны быть заполнены. Примеры ЭСФ:

В этих формулах ‘Caus’, ‘Exist’ и ‘Loc’ — имена предикатов причины, существования и местонахождения. Все они двухвалентны (у предиката ‘Exist’ первая валентность — на то, что существует, вторая — на то, в каком мире существует данный объект). В первой и второй ЭСФ предикат кодирует a_0 , в третьей — a_2 .

3. 2. Построение из ЭСФ КСФ.

ЭСФ, если она составляет означаемое всего текста, может соответствовать только один знак, который должен быть одновременно и морфемой и словоформой и предложением. Такое бывает, например, в случае, когда текст состоит из одного междометия. Однако чаще всего, все же, в предложении бывает более одной словоформы, и тогда все они должны быть разбиты на синтаксически связанные пары, а в каждой паре должно быть установлено, какая словоформа в ней является главной, какая подчиненной с точки зрения конструирования предложения. Поскольку правила построения КСФ опираются на законы номинации, кратко сформулирую вначале их.

1) Предикат может именовать только один актанта или одно только a_0 (это было уже отмечено выше).

Из этого следует, что для именования всех остальных референтов ЭСФ необходимы другие предикаты, которые могут быть заимствованы только из другой ЭСФ. Это и обуславливает тот факт, что одна смысловая формула может быть валентна на другую. Поясно своего мысль. Предположим, что все предикаты предложения *Невыразимая печаль открыла два огромных глаза* просты и являются словами ГСемП. Предикат ‘открыть’ двухвалентен (кто открывает и что открывает), его концептуальная часть может именовать либо всю ситуацию (a_0) — как, например, в приведенном выше предложении, или в случае со словоформой *открытие*, — либо один из своих актанта — как, например, в случае с субстантивированными ОТКРЫВШИЙ или ОТКРЫТЫЙ. В первом случае для именования актанта нужно привлечь другие ЭСФ. В приведенном выше предложении это “ЭСФ” ‘печаль’ и “ЭСФ”

‘глаз’, в которых соответствующие валентности предикатов заполнены теми же референтами, что и в “ЭСФ” ‘открыть’.

2) Непоименованные референты ЭСФ должны быть поименованы предикатами из других ЭСФ в рамках КСФ. Если валентное место предиката заполняется переменной, она должна быть связана квантором и может остаться непоименованной (ср. известный пример *Она замужем*).

3) Если предикат именуется своей актанта, то для именования a_0 специального предиката не требуется.

Теперь приведу правила построения КСФ.

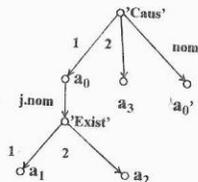
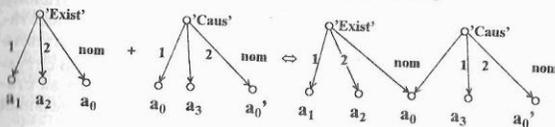
Для объединения двух ЭСФ в КСФ они а) должны быть связаны сюжетным предикатом³, б) должны иметь в своей структуре по идентичному референту (т. е. по референту с одним и тем же индексом), с) на верхних предикатах ЭСФ должно быть задано отношение строгого порядка.

Если эти условия выполняются, то для объединения двух ЭСФ в КСФ необходимо сделать следующие операции:

1) узлы, содержащие тождественные референты, слить в один узел;

2) стрелку зависимого предиката, идущую к общему для объединяемых формул референту, развернуть в противоположную сторону и добавить в ее имя знак юнкции j (о понятии юнкции см. [Есперсен 1959], [Мартемьянов 1971], [Барулин 1990]);

3) дерево зависимого предиката опустить вниз (подвесить за референтный узел, общий для обеих формул). Пример:

В этом примере у предикатов 'Exist' и 'Caus' идентичным является референт a_0 . Узлы, в которых он располагается, сливаются в один, после чего соответствующая стрелка в первой ЭСФ разворачивается в сторону предикатного узла, в имя развернутой стрелки вводится через точку значок j , чтобы информация о разворачивании не была потеряна, а затем ЭСФ 'Exist' опускается вниз. 'Caus' остается сверху, поскольку он является главным предикатом, а 'Exist' зависимым. Информация об этом факте в графах не отражена из соображений отношения строгого порядка на паре конкурирующих предикатов.

4. Глубинная семантика нумеративов.

4. 1. Глубинно-семантический метаязык для описания семантики нумеративов.

4. 1. 0. Эвристика.

Структура ситуации исчисления. Я буду считать, что число (натурального ряда) — это результат операции исчисления. Процедура исчисления определяется через порядковый счет (первый, второй, третий...): выбрав некоторую меру, эталон или эквивалент Y (например, пальцы), некто X делит на части некоторый объект Z , сопоставляя выделенные части мере, эталону или эквиваленту Y и добываясь, чтобы каждая из выделенных частей $a_1, a_2 \dots a_n$ соответствовала этой мере, эталону или эквиваленту. При этом каждый шаг сравнения фиксируется и на множестве осуществленных циклов сравнения устанавливается отношение строгого порядка. Процедура заканчивается тогда, когда в объекте Z не остается ни одной части, соответствующей мере, эталону или эквиваленту Y . С точки зрения номинации с референтами (денотатами), соответствующими частям Z — $a_1, a_2 \dots a_n$ — можно поступить двумя способами: именовать каждый из них или не именовать. В ситуации порядкового счета каждому элементу исчисляемого множества ставится в соответствие "числовое" имя. Z же как целое как отдельный компонент ситуации не выделяется.

Ситуация количественного счета (один, два, три...) включает в себя порядковый, однако, при этом меняется цель исчисления: 1) X преследует цель установить, какой порядковый элемент окажется последним в цикле; 2) признается очевидной или доказываемся теорема, по которой при любом способе упорядочения частей данного множества цепочка циклов сравнения будет иметь одинаковую длину; 3) цепочка циклов с произвольным конкретным наполнением шагов сравнения преобразуется в отношение между единицей и множеством частей объекта Z . Принципиальным моментом при этом является признание тождественности Z как целого и Z как множества его частей $\{Z\}$.

В ситуации исчисления важно также отметить тот факт, что между референтами устанавливается два в некотором смысле противопоставленных отношения: отношение эквивалентности ("неразличимости") и отношение тождественности-нетождественности (противопоставленности). Первое отношение устанавливается благодаря наличию в ситуации компонента 'единица исчисления'. Этот компонент приравнивает все части исчисляемого друг другу как соответствующие эталону. Второе отношение устанавливается именно благодаря процедуре счета: мы должны знать, какие a уже поставили в соответствие единице, а какие еще нет. Результаты каждого акта сопоставления тем самым не приравниваются друг другу, хотя и являются друг другу совершенно идентичными по структуре. Каждый новый акт становится продолжением предыдущего, учитывает этот самый предыдущий.

Предложенная трактовка отличается от той, которую дает в своей работе "Totality" Э. Сепир ([Сепир 1993]: стр. 386 — 408). С точки зрения Сепира к квантификационным выражениям относятся не только выражения типа *две телеги оров*, но и выражения типа *вся вода* или *все столы*, *сумма баллов*, *рой пчел*. Сепир считал, что, скажем, *сумма баллов* — это конкретное множество, для которого еще не подобрана стратегия квантификации. По моему мнению, однако, лексема СУММА хотя и обозначает, как и число, результат, но не исчисления, а сложения нескольких чисел, поэтому в один класс с числовыми выражениями включена она быть не может. Столь же опрометчиво, на мой взгляд, включать в этот класс сочетания типа *все столы*. Толкование этой лексемы, грубо говоря, предполагает выделение в обозначаемой ситуации двух множеств: того, которое должно быть, и того, которое есть на самом деле, а также предиката, приравнивающего одно множество другому не только с точки зрения мощности этих множеств, но и с точки зрения конкретных референтов (денотатов). Так, в предложении *На занятиях явились все* утверждение состоит в том, что множество учащихся, присутствующих на занятиях, равно было множеству тех, кто "значится в списках", и, таким образом, тех, кто должен был прийти; преподаватель, например, не имеется в виду, хотя он тоже пришел. Очевидно, что к счету это не имеет никакого отношения.

Подведем итоги. Я буду рассматривать в этой статье только семантику числовых выражений, которые можно представить как обозначение результатов исчисления (отмечу сразу же, что и числительные довольно часто обозначают нечто другое, ср., например, *Тысячу лет тебя не видел*, где под тысячу лет имеется в виду просто давно). В ситуации количественного исчисления выделяются три определенных объекта: кто исчисляет (агенса действия), исчисляемое множество частей некоторого объекта, выступающего как единое целое (ему ставится в соответствие один референт), и мера, эталон, эквивалент (будем далее все эти разновидности исчислителя

называть единицей), с которым сопоставляется каждая часть исчисляемого множества. Таким образом, я считаю, что число — семантически трехвалентный предикат (кто исчисляет, что исчисляет и какой единицей). Нельзя сказать, чтобы это была традиционная точка зрения на числовые выражения. Хотя и о самой традиционной точке зрения говорить трудно, поскольку о валентностях числовых выражений говорят на основании исследования конструкций с числительными, а в конструкциях числовые выражения ведут себя очень по-разному. Так, в словосочетаниях типа (Ii) *два плюс два* у числительных вообще нет и не предполагается никаких дополнений, которые бы можно было квалифицировать как лексемы, заполняющие валентности числовых выражений. В сочетаниях типа (Iii) *два конгрессмена* одно дополнение, и его можно охарактеризовать как лексему, заполняющую валентность предиката ДВА. В сочетаниях типа (Iiii) *пять человек осолов* или (Iiii') *три машины баракла* в именованную группу входят два существительных, и оба они могут претендовать на имена, заполняющие валентности числительного. Здесь нет места подробно обсуждать эту проблему, отмечу лишь несколько, как мне кажется, ключевых вопросов, ответы на которые позволят увидеть, как я трактую подобные сложные случаи. В (Ii) постулируемые две валентности числительного исчезают, поскольку они заполняются связанными переменными, а не константами. На первое и второе валентные места навешиваются кванторы общности: для любой единицы Y и для любого исчисляемого множества Z верно, что *два плюс два...* В (Iii) номинация единицы совпадает с номинацией всего множества и поэтому имя единицы элидируется. Оно может элидироваться и в случаях, когда оно не совпадает с именем исчисляемого множества, например: *два мяса на четвертый стол; у двух этих масел совершенно разные свойства*. В этих предложениях существительные, входящие в числовые выражения, обозначают только исчисляемые множества. Единицы исчисления должны были бы именоваться, соответственно, как ПОРЦИЯ и СОРТ. В сочетаниях типа *шанка яблок, глоток свободы* я буду, напротив, считать, что элидировано имя числа 'один'. Существует мнение, по которому числительное валентно только на единицу исчисления, а единица исчисления в свою очередь валентна на исчисляемое множество. Когда речь идет о "профессиональных" исчисляемых типа МЕТР, КИЛОГРАММ, АМПЕР, ШТУКА, СОРТ сомнения в справедливости такой трактовки вялы и нерешительны. Однако в случаях типа *наперсток розового масла; две шанки яблок; череп вина; вы, г. Горьныч, привели с собой три головы отборнейшей чепухи* — они активизируются. Либо приведенные выше вхождения соответствующих исчислителей мы признаем эквивалентными вхождениям типа *Шопена она всегда играла в розовых напертках на всех десяти пальцах; Шанку долой!; Еще один череп Йорика был обнаружен археологами в Дании; Змей Горьныч в сражении под Верденом потерял три свои лучшие головы*. В таком случае мы должны признать, что НАПЕРСТОК, ШАНКА, ЧЕРЕП, ГОЛОВА не имеют ва-

лентности на исчисляемое (Ср. также *три ведра воды vs. продаются три ведра*). Либо мы должны признать, что в этих двух вхождениях соответствующие лексемы имеют разную семантику, и поэтому их нужно считать разными лексемами с различным числом валентностей. Формально признавая теоретическую правомерность такого решения, мой внутренний голос все же подталкивает меня к выводу о том, что это натяжка. С особенной готовностью хочется с ним согласиться, когда, вспоминая работы У. Вейнрейха, набредешь на рассуждение, подобное следующему. Валентное место может быть задано не только экстенциональным способом, т. е. указанием на множество референтов (денотатов), элементом которого разрешается заполнять валентность данного предиката, но и способом интенциональным, т. е. указанием интенционала, под который должен подпадать референт (денотат), которому разрешается заполнять данное валентное место предиката. Если признать это рассуждение верным, то следует признать верным и то, что валентное место Y предиката P₁ имеет свою семантику, которая взаимодействует с семантикой предиката P₂, который поименовывает референт, заполнивший соответствующую валентность предиката P₁. Приведу пример. У глагола РАСЦЕЛОВАТЬ первую валентность могут заполнять только референты, подпадающие под интенционал 'антропоморф'. Местонаименно КТО может обозначать как людей, так и животных. В предложении *Кто это тебя так расцеловывал?* у КТО остается только антропоморфная семантика, поскольку его интенционал конкретизирован семантикой первой валентности глагола РАСЦЕЛОВАТЬ: в итоговом экстенционале остается только пересечение экстенционала КТО и экстенционала первого валентного места РАСЦЕЛОВАТЬ. То же происходит и с семантикой лексем, именующих референт, заполняющий эталонную валентность числительного. Валентность числительного на единицу привносит в значение лексем, именующих референт, заполнивший эту валентность, соответствующий смысловой компонент. Приведу в подтверждение этого рассуждения следующий пример. Трудно заподозрить в наличии валентности на исчисляемое множество лексему АНЕКДОТ. Однако во фразе *NN выслуш на нас три анекдота сальностей* эта немерная лексема приобретает вполне мерный смысл.

Теперь перейдем к построению языка для описания ГСМП нумеративов.

4. 1. 1. Глубинно-семантические предикаты.

Как явствует из описания ситуации исчисления, она может быть представлена двумя трехвалентными предикатами, один из которых я обозначу как 'Comp' (От англ. compare 'сравнивать'), другой — 'Add' (англ. 'добавить'). Первую валентность обоих предикатов ограничивает предикат 'antrop' — антропоморф. Она всегда заполнена связанной квантором переменной, следовательно, именованная не требует, поэтому при построении семантических формул она будет всегда опускаться.

Вторую валентность предиката 'Comp' ограничивает предикат 'It' — единица, для третьей пока ограничений не найдено. Вторую валентность предиката 'Add' заполняет ситуативный референт. Больше о ней ничего сказать нельзя. То же относится и к третьей валентности. Предикат 'Add' обеспечивает повторение операции сравнения новой части множества {Z} с эталонной единицей.

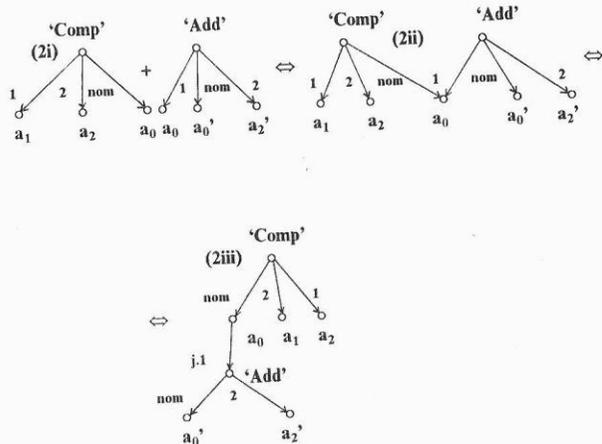
4. 1. 2. Отношения в ГСемП нумеративов.

Отношения, связывающие предикатный узел с валентными местами, мы обозначим цифрами 1 и 2, поскольку никакого содержания они не имеют. Отношение, связывающее предикатный узел с a_0 , мы будем называть 'nom' — номинативным.

4. 1. 3. Построение элементарных смысловых формул.

Согласно правилам построения элементарных и сложных смысловых формул, для введенных в 4. 1. предикатов соответствующие построения будут выглядеть следующим образом.

В (2ii) 'Comp' занимает верхнюю позицию, поскольку в этой сюжетно связанной паре он является главным предикатом (информация об этом факте в схеме отсутствует из соображений простоты). Первая стрелка у 'Add' развернулась в противоположном направлении, после чего все дерево 'Add' опускается и висит на общем с деревом 'Comp' узле.

4. 2. ГСемП-формулы чисел натурального ряда.

В глубинном семантическом представлении означаемое нумератива должно получить вид, от которого можно было бы перейти к форме нумератива любого языка. В описываемой системе, как уже было указано, число представляется как последовательность актов сопоставления частей исчисления целого единице исчисления, соединенных оператором добавления. Предикат сопоставления был назван 'Comp', предикат добавления — 'Add'. Если содержание первого из введенных выше предикатов требует в качестве заполнителя второй валентности абстрактный референт или конкретный неопределенный, а в качестве заполнителя третьей валентности — конкретную часть исчисляемого множества, соответствующую единице измерения, то в случае второго предиката обе оставшихся валентности заполняются ситуативными референтами (см. о понятии ситуативного референта п. 2. 2). Общая схема представления числа построена по аналогии со схемой порождения числа натурального ряда у Дедекинда — Пеано (Дедекин, Пеано — известные математики конца XIX — начала XX в.): вводится исходный объект — 0, а затем каждое последующее число получается добавлением другого объекта — штриха. Нулю умения будет соответствовать ЭСФ с предикатом 'Comp' в вершине с абстрактным референтом a_1 в качестве заполнителя первой валентности и с пустым индексированным референтом a в качестве заполнителя второй валентности. Из этого представления следует, что я придерживаюсь той точки зрения, что когда говорят *ноль рублей и ноль копеек*, то единица исчисления задана, а вот референт и денотат находятся в значимом отсутствии. Единице будет соответствовать ЭСФ, совпадающая с ЭСФ нуля, с той разницей, что вторую валентность предиката 'Comp' заполняет индексированный референт. Можно задать себе вопрос, чем же отличается в таком понимании ситуация, описываемая как число 'один', от ситуации, описываемой как сравнение X-а с Y-ом? На мой взгляд, ответ должен быть таким: интенциональным ограничением на первое валентное место. Каждое следующее число получается с помощью добавления к предыдущему результату нового цикла сравнения части исчисляемого множества и единицы исчисления. Ниже ГСемП-формулы чисел натурального ряда "в унарном исчислении" будут продемонстрированы в качестве компонентов правил перехода от ГСемП к ПСемП русского языка.

При переходе к поверхностному семантическому представлению в системе числовых формул появляется несколько существенных новых параметров: система счисления, система опорных чисел в данном языке, конструкция (сюжет построения) числа, а вместе с ними и новые предикаты, которые если и существовали в ГСемП, то применения в построении ЭСФ чисел не находили: например, операторы вычитания, умножения и деления. При этом вся система чисел является открытым объектом и не может быть задана списком. Как и все такого рода парадигматические системы, она

может быть описана только в виде правил конструирования. В предлагаемой системе представления система чисел для каждого конкретного языка задается единообразно построенными рекурсивными функциями, служащими одновременно и свернутыми, "заархивированными" правилами перехода от глубинного представления к поверхностному. Приведем формулу построения русского числового выражения и рекурсивные правила, переводящие глубинное представление русских нумеративов в поверхностно-семантическое.

4. 2. 1. Формула построения русского числового выражения:

$$(P_m \cdot 10^2 + P_m \cdot 10 + P_m) \cdot 10^{K_m} + (P_n \cdot 10^2 + P_n \cdot 10 + P_n) \cdot 10^{K_n-1} + \dots + (P_6 \cdot 10^2 + P_5 \cdot 10 + P_4) \cdot 10^3 + P_3 \cdot 10^2 + P_2 \cdot 10 + P_1,$$

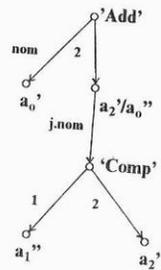
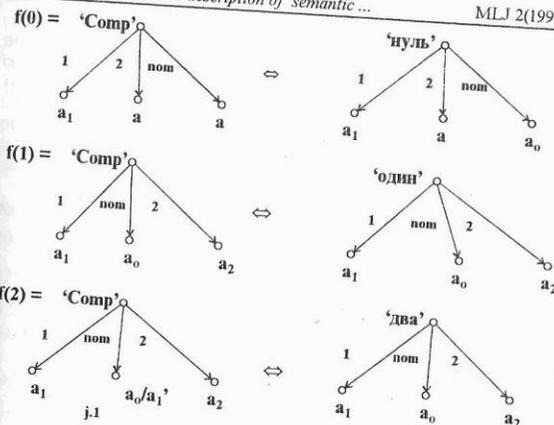
где P, K — переменные, определенные на множестве чисел натурального ряда и $0 < P < 10$, $K_x > 2$. Так, число 987 965 352 раскладывается по формуле следующим образом:

(девять [x] сот [+]
восемь [x] десят [+]
семь [x] миллионов [+]
девять [x] сот [+]
шесть [x] десят [+]
пять [x] тысяч [+]
три [x] ста [+]
пять [x] десят [+]
два.)

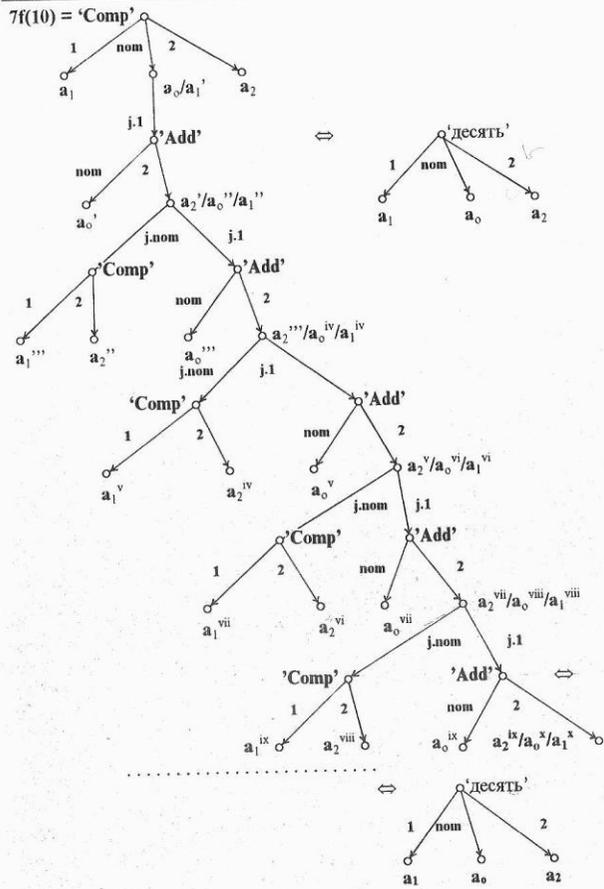
В квадратных скобках — знаки, имеющие сложный способ обозначения, описывать который нужно при переходе от ПСемП к ГМСП. Верхний индекс при переменных обозначает степень, нижний — маркирует различные переменные.

Приведенная выше формула имеет не математический, а метаязыковой смысл. Это сюжет, по которому строится русская именная группа, обозначающая число. Все переменные и числа в формуле соответствуют числительным, причем простым. Они связаны операторами, обеспечивающими правильный результат — число, которое имеется в виду. Поскольку в русских нумеративах простыми являются имена чисел от нуля до десяти, затем имя следующей степени десяти (10^2), затем опять имя следующей степени десяти (10^3), а потом — имена степеней 10 через три порядка ($10^6, 10^9, 10^{12} \dots$), формула имеет довольно правильный вид: она раскладывает число на множество выражений в скобках, в которых представлено по три слагаемых, состоящих из двух сомножителей (кроме последнего слагаемого). Эта формула, таким образом, указывает, на какие компоненты должна быть разложена ГСемП-формула числа, какие при этом должны возникнуть новые предикаты для сохранения осмысленности новой, ПСемП-формулы, какие компоненты ГСемП-формулы должны быть свернуты в простой предикат, а какие должны быть представлены целой конструкцией простых предикатов. В свернутом виде в ней отображаются, собственно, правила конструирования поверхностно-семантических компонентов нумератива.

4. 2. 2. Рекурсивные правила перехода от глубинно-семантического представления к русскому поверхностно-семантическому:

Аналогичным образом выглядят правила перехода от глубинно-семантического представления к поверхностному для 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9. Каждому числу соответствует определенное количество повторений предиката 'Comp' в глубинной семантической формуле числового выражения. Только этим и отличаются друг от друга семантические формулы различных чисел натурального ряда. Поэтому мы можем без ущерба для изложения опустить фрагмент рекурсивной функции, касающийся чисел от 2 до 10.

Я не стал приводить семантическую формулу десяти полностью, поскольку она занимает слишком много места. Достроить ее легко, поскольку далее все последующие компоненты формулы повторяются по той же схеме, которую можно легко обнаружить в приведенном фрагменте формулы. Построение заканчивается тогда, когда 'Comp' повторится 10 раз. Далее рекурсивная функция строится соответственно формуле разложения числового выражения в русском языке со ссылками на уже построенные значения функции.

- $f(n) = f(n-10) + f(10) \mid \text{при } 10 < n < 20$
- $f(n) = f(\text{entier}(\frac{n}{10})) \cdot f(10) + f(\text{rem}(\frac{n}{10})) \mid \text{при } 19 < n < 100;$
- при $f(\text{rem}(\frac{n}{10})) = 0$ '0' $\rightarrow \wedge$
- $f(10^2) = \text{'сто'}$
- $f(n) = f(\text{entier}(\frac{n}{10^2})) \cdot f(10^2) + f(\text{rem}(\frac{n}{10^2})) \mid \text{при } 10^2 < n < 10^3;$
- при $f(\text{rem}(\frac{n}{10^2})) = 0$ '0' $\rightarrow \wedge$
- $f(10^3) = \text{'тысяча'}$
- $f(n) = f(\text{entier}(\frac{n}{10^3})) \cdot f(10^3) + f(\text{rem}(\frac{n}{10^3})) \mid \text{при } 10^3 < n < 10^6;$
- при $f(\text{rem}(\frac{n}{10^3})) = 0$ '0' $\rightarrow \wedge$ и т. д.

Пояснения: $f(n)$ в этой формуле соответствует свернутому, "заархивированному" значению функции, т. е. ГСемП-формуле определенного числа. При разархивации записи $f(n)$ нужно будет заменить на ГСемП-формулу соответствующего числа. В правой части функции имеются знаки нескольких разных типов: $\text{entier}(\frac{x}{y})$ — функция, значение которой — целая часть от деления x на y . Ее компоненты не подлежат обозначению в ПСемП. Обозначаются только результаты операции извлечения целой части от деления одного числа на другое. $\text{rem}(\frac{x}{y})$ — функция, значение которой — остаток от деления x на y . Она также присутствует в "теле" рекурсивной функции для того, чтобы ее вычислили, обозначается здесь также только результат вычисления. Запись типа $f(10)$ в правой части равенства — ссылка на уже построенное значение рекурсивной функции. При "разархивировании" правил перехода от ГСемП к ПСемП нужно заменить $f(10)$ на приведенную выше ПСемП-формулу десяти (как впрочем и значения объясненных выше функций). На отдельные слова ПСемП-языка необходимо будет заменить и знаки "+", "x" и "-", если они располагаются вне скобок, внутри которых описывается аргументная структура сложных функций.

Формульная часть рекурсивной функции, таким образом, в общем “заархивированном” виде представляет и правила перехода от глубинно-семантического представления к поверхностно-семантическому представлению нумератива, и семантику этих нумеративов в принятой системе ее описания. От формульного представления интенционала нумератива легко перейти к “древесному”, заменив сначала переменные константами, затем вычислив значения функций, а затем уже заменив “формульные” предикаты на “древесные” (например, $n \rightarrow '5'; '5' \rightarrow 'пять'; 'x' \rightarrow 'умножить'$). Символ “^” обозначает пустой сегмент.

Благодаря разработанному аппарату “архивации”, становится возможным жато описывать семантические формулы больших (преимущественно строгих) семантических полей так, что на основании подобных описаний можно сравнивать однородные семантические поля различных языков и устанавливать семантико-типологические закономерности, связанные как с доминантными, так и с маргинальными характеристиками структуры языков различных типов. Приведем в качестве примера рекурсивные функции числовых выражений нескольких неиндоевропейских языков, опуская при этом древесные представления.

Чукотский язык

$f(1) = \text{'один'}$

$f(2) = \text{'два'}$

...

$f(5) = \text{'пять'}$

$f(n) = f(n-5) + f(5) \mid \text{при } 5 < n < 10$

$f(10) = \text{'десять'}$

$f(n) = f(n-10) + f(10) \mid \text{при } 10 < n < 15$

$f(15) = \text{'пятнадцать'}$

$f(n) = f(n-15) + f(15) \mid \text{при } 15 < n < 20$

$f(20) = \text{'двадцать'}$

$f(n) = f(n-20) + f(20) \mid \text{при } 20 < n < 40$

$f(n) = f(\text{entier}(\frac{n}{20})) \times f(20) + f(\text{rem}(\frac{n}{20})) \mid \text{при } 40 < n < 220$

$f(n) = f(\text{entier}(\frac{n-20}{20})) \times f(20) + f(20) + f(\text{rem}(\frac{n-20}{20})) \mid \text{при } n = 220 \ \&$

$220 < n < 240$

$f(n) = f(\text{entier}(\frac{n}{20})) \times f(20) + f(\text{rem}(\frac{n}{20})) \mid \text{при } n = 240 \ \& \ n > 240$

...

Айнский язык

$f(1) = \text{'один'}$

$f(2) = \text{'два'}$

...

$f(5) = \text{'пять'}$

$f(10) = \text{'десять'}$

$f(n) = f(10) - f(10 - n) \mid \text{при } 5 < n < 10$

$f(n) = f(10) + f(n - 10) \mid \text{при } 10 < n < 20$

$f(20) = \text{'двадцать'}$

$f(n) = f(\text{entier}(\frac{n}{20})) + 1 \times f(20) - f(10) + f(\text{rem}(\frac{n}{20}) - 10) \mid$

$\text{при } 20 < n < 300 \ \& \ \text{при } \text{rem}(\frac{n}{20}) > 9$

$f(n) = f(\text{entier}(\frac{n}{20})) \times f(20) + f(\text{rem}(\frac{n}{20})) \mid \text{при } 20 < n < 300 \ \& \ \text{rem}(\frac{n}{20}) < 10$

$f(n) = f(\text{entier}(\frac{n}{200})) \times f(200) + f(100) + f(\text{rem}(\frac{n}{200}) - 100) \mid$

$\text{при } 300 < n < (10^3 + 1) \ \& \ \text{rem}(\frac{n}{200}) > 100$

$f(n) = f(\text{entier}(\frac{n}{200})) \times f(200) + f(\text{rem}(\frac{n}{200})) \mid \text{при } 300 < n < (10^3 + 1) \ \&$

$\text{rem}(\frac{n}{200}) < 100$

Рекурсивная функция наглядно показывает ту так называемую внутреннюю форму, в которую отливается мысль в поверхностном СемП. Здесь уже виден общий сюжет, по которому строится числовое выражение данного языка, но еще не видны образы, с помощью которых данный язык передает элементы этой мысли. Я покажу это на примере одного айнского числового выражения.

sin'ep 'ik'asma w'anpe 'ik'asma h'otnep 'ik'asma 'as'ikne hot — буквальный перевод: ‘одна-вещь сверх десяти-вещей сверх двадцати-вещей сверх пяти двадцаток’ или *sin'ep 'ik'asma w'anpe 'e'araw'anhot* — буквальный перевод: ‘одна-вещь сверх десяти-вещей до-семи-двадцаток’. Аины конечно же выпаливали такие выражения, нимало не задумываясь. Нам же нужно долго понимать, во-первых, причем здесь вещи, во-вторых, какую роль здесь играют все эти ‘сверх’, ‘до’, ‘в-третьих, сколько же, в конце концов, получится, если сложить все

числа в одних скобках и вычсть все числа в других мысленных скобках, и только после решения всех этих головоломок поймешь, что обозначено разными способами одно и то же число — 131. ДО — это образ, к которому айны прибегли для передачи идеи вычитания, а СВЕРХ — образ, использованный для передачи идеи сложения. Но проблемы выбора нормативного образа для передачи идеи, нормативного сюжета, внутренней формы — это уже проблемы следующего, глубинного морфосинтаксического уровня.

Построение ГСемП даже такого простого объекта как нумеративы обнажает множество проблем, которые либо просто были не видны без зримой картины, демонстрирующей (пусть крайне приблизительно, я не претендую на истину в последней инстанции) структуру означаемого, либо были видны, но выказывали такую сложность, что было непонятно, как можно подступиться к разблению сложной проблемы на более мелкие, решаемые. К такого рода проблемам относятся, например, закономерности, связывающие сложность структуры означаемого и сложность структуры означющего, законы свертывания семантически сложных структур. На материале числовых выражений можно легко увидеть, как работает механизм рекурсии в том или ином языке. Все эти проблемы в нашей науке даже не поставлены. Между тем они относятся к наиболее фундаментальным проблемам теоретической лингвистики. Не разобравшись в них, нельзя построить ни адекватную теорию словообразования, ни адекватную теорию семантики, ни вообще лингвистическую теорию. Закономерности работы рекурсивного механизма, например, легко позволяют объяснить многие неудачи в решении таких практических задач как построение искусственных языков с заданными свойствами, машинный перевод, автоматическая обработка текста и т. д.

В небольшой статье невозможно обсудить все такого рода вопросы. Я остановлюсь на первой из перечисленных — проблеме соотносительности сложности семантической и сложности знаковой, например, морфологической. За единицу измерения в семантике примем семантическую подструктуру, на которую отличается семантическая формула одного числа от семантической формулы другого. Это подструктура с вершиной 'Comp', выше я уже говорил о том, что число определяется по количеству повторений этого предиката. За единицу знакового оформления выражения ГСемП принимается число морфем, необходимое для построения канонического способа выражения данного ГСемП. Построим теперь график, связывающий две эти величины (см. рис. 1 — 2).

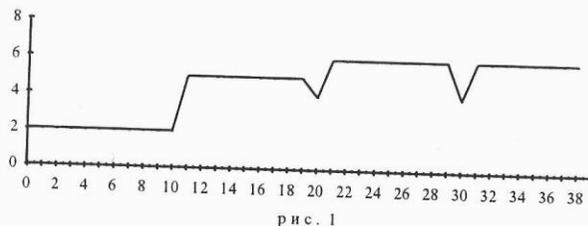

рис. 1

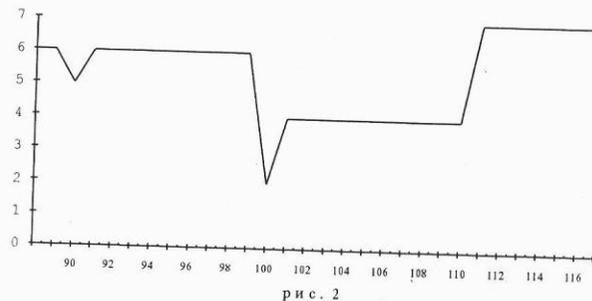

рис. 2

и т. д.

Прокомментирую теперь эти графики. По оси абсцисс откладываются единицы семантической сложности, равные ЭСФ с вершиной 'Comp'. По оси ординат откладываются единицы морфологической сложности, равные одной морфеме. Графиков два, поскольку для одного непрерывного не хватает места. На первом графике изображено соотношение семантической и морфологической сложности в обозначении нумеративами (в именительном падеже) чисел от 0 до 36. На втором — в обозначении чисел от 88 до 116. На первом из них видно, как медленно начинает расти морфологическая сложность вслед за монотонно возрастающей сложностью семантической. На втором видно, как сбрасывается эта морфологическая сложность в совершенно определенных точках — на степенях числа 10. То, что за единицу измерения кванта смысла я взял семантическую подструктуру, а не слово семантического языка в данном случае не очень принципиально, поскольку мне было важно показать

пропорции соотносительности семантической и морфологической сложности нумеративов. При подсчете морфологической сложности учитывались не только корневые морфемы, но и флексии, например: один + $\mathcal{O}_{\text{им. п.}}$ + на + дцать + $\mathcal{O}_{\text{им. п.}}$ (5) или дв + с + на + дцать + $\mathcal{O}_{\text{им. п.}}$.
 п. Графики соотносительности переменных величин показывают, что при абсолютно монотонном возрастании семантической сложности морфологическая сложность слегка колеблется в зависимости от довольно устойчивых закономерности. Основную тяжесть по сдерживанию роста знаковой сложности под напором сложности семантической берут на себя механизм номинации и, видимо, общие закономерности, определяющие соотносительность семантического и дыхательного ритмов. Они определяют сложный ритм рекурсивной функции, управляющей координированным ритмом семозиса. Десятикратное увеличение семантической сложности прорывает сопротивление механизма номинации (действие которого, видимо, должно быть согласовано с законами памяти — там тоже свои ограничения на количество простых знаков) и заставляет его увеличить количество сигнификативных единиц, в которые разливается смысл. Затем вступает в действие рекурсивный механизм, позволяющий упорядочить стратегию сдерживания. Определяется период увеличения сложности и ее сброса. Вот она выросла до шести, а затем на сотне сбрасывается до двух, потом снова начинает медленно нарастать и сбрасывается на тысячу, потом на миллион, потом на миллиарде и т. д. через три порядка.

Примечания.

- 1 Под нумеративом я буду понимать здесь выражение естественного языка, обозначающее натуральное число, например, *два, тридцать восемь, один миллион двести восемьдесят три тысячи сто пятьдесят один* и т. д.
- 2 В статье излагаются положения работы, сделанной при финансовой поддержке Международного научного фонда Дж. Сороса.
- 3 В статье не описываются принципы построения сюжета вообще. Предполагается, что ЭСФ объединяются сюжетными конструкторами, в число которых входят валентности лексем (требование поименовать непоименованные референты ЭСФ), сюжетные предикаты, т. е. предикаты, в данном языке предназначенные для соединения ЭСФ в КСФ. Типичными конструкторами в лексическом синтаксисе, например, являются падежи, предлоги, союзы и т. п. В данной статье я всегда буду исходить из допущения, по которому сюжетный предикат мне уже задан.

Условные обозначения, не разъясненные в тексте статьи:

	—	разделяет собственно правило (слева) и контекстные условия, в которых оно применимо (справа)
$\Leftrightarrow, \Rightarrow$	—	правило межуровневого перехода
\rightarrow	—	переход от "архивированной" формы записи к "разархивированной"
\rightarrow	—	связывает конститuentы и интегранты термин (Э. Бенвениста)
$a_1, a_2, b_1,$ b_2 и т. д.	—	обозначения референтов
1, 2, nom, B	—	имена классов, по которым распределяются отношения между предикатом и референтами в семантических формулах
j.	—	юнкция
w_i	—	обозначение переменной, определенной на множестве отношений между предикатом и референтами
< >	—	кортеж
{ }	—	множество
[]	—	в формулах: арифметические операции, не имеющие эксплицитного сегментного способа обозначения

Список аббревиатур.

ГЛСП	—	глубинное лексико-синтаксическое представление
ГМСП	—	глубинное морфо-синтаксическое представление
ГСемП	—	глубинно-семантическое представление
ГСП	—	глубинное синтаксическое представление
КСФ	—	комбинированные смысловые формулы
ЛЛСП	—	линейное лексико-синтаксическое представление
ЛМСП	—	линейное морфо-синтаксическое представление
ЛСП	—	линейное синтаксическое представление
ПЛСП	—	поверхностное синтаксическое представление
ПМСП	—	поверхностное морфо-синтаксическое представление
ПСемП	—	поверхностно-семантическое представление
ПСО	—	поверхностно-синтаксическое отношение
ПСП	—	поверхностное синтаксическое отношение
ЭСФ	—	элементарные смысловые формулы

Автор выражает благодарность Н. В. Перцову, настоявшему на разъяснении некоторых мест в статье, которые казались автору очевидными.

Использованная литература.

- Айхенвальд, Барулин 1988 — А. Ю. АЙХЕНВАЛЬД, А. Н. БАРУЛИН. *К грамматике синтеза форм слова*. — В кн.: *Синхрония и диахрония в лингвистических исследованиях*. Т. 1. М. 1988.
- Айхенвальд, Барулин 1989 — А. Ю. AIKHENVALD-ANGENOT and A. N. BARULIN. *A model of synthesis of modern Hebrew noun* — *Teias*, № 1/2. Florianopolis. Brasil. 1989.
- Балли 1955 — Ш. БАЛЛИ. *Общая лингвистика и вопросы французского языка*. М. 1955.
- Барулин 1977 — А. Н. БАРУЛИН. *Некоторые теоретические проблемы, возникающие при описании турецкого именного словоизменения* — В кн.: *Тезисы докладов I международного симпозиума ученых социалистических стран на тему "Теоретические проблемы восточного языкознания"*. Ч. 1. М. 1977.
- Барулин 1978 — А. Н. БАРУЛИН. *К проблеме трактовки референта* — В кн.: *Конференция молодых сотрудников и аспирантов. Тезисы докладов*. М. 1978 г.
- Барулин 1979 — А. Н. БАРУЛИН. *Некоторые проблемы описания турецкого существительного* — В кн.: *Проблемы языков Азии и Африки*. М. 1979.
- Барулин 1980a — А. Н. БАРУЛИН. *Место модели словообразования в общей модели языка* — В кн.: *Тезисы рабочего совещания по морфеме*. М. 1980.
- Барулин 1980b — А. Н. БАРУЛИН. *О синтаксисе словоформы* — Там же.
- Барулин 1980c — А. Н. БАРУЛИН. *Категория числа в местоимениях* — В кн.: *Исследования в области грамматики и типологии языков*. М. 1980.
- Барулин 1980d — А. Н. БАРУЛИН. *О значении вопросительных местоимений* — В кн.: *Теория и типология местоимений*. М. 1980.
- Барулин 1982 — А. Н. БАРУЛИН. *Основные единицы морфологического анализа в турецком языке* — В кн.: *II Всесоюзная школа молодых востоковедов*. Тбилиси. 1982.
- Барулин 1983a — А. Н. БАРУЛИН. *К проблеме описания синтаксиса словоформы* — В кн.: *Теоретические проблемы восточного языкознания*. Т. 2. *Языкознание и литературоведение*. М. 1983.
- Барулин 1983b — А. Н. БАРУЛИН. *К проблеме построения семантического представления числительных в языках разных систем* — В кн.: *Тезисы докладов школы-семинара "Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности"*. Телави. 1983.
- Барулин 1984 — А. Н. БАРУЛИН. *Теоретические проблемы описания турецкой именной словоформы*. Канд. дис. М. 1984.

- Барулин 1985 — А. Н. БАРУЛИН. *Морфосинтаксические этюды* — В кн.: *Тезисы докладов школы-семинара "Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности"*. Кутаиси. 1985.
- Барулин 1988 — А. Н. БАРУЛИН. *К проблеме классификации русских композитов* — В кн.: *Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Всесоюзная школа-семинар "Боржоми-88"*. Тезисы докладов и сообщений. М. 1988.
- Барулин 1990 — А. Н. БАРУЛИН. *Семантические основания типологии частей речи* — В кн.: *Типология частей речи*. М. 1990.
- Барулин 1994 — А. Н. БАРУЛИН. *О структуре языкового знака* — В кн.: *Знак*. М. 1994.
- Бенвенист 1965 — Э. БЕНВЕНИСТ. *Уровни лингвистического анализа* — В кн.: *Новое в лингвистике*. Вып. IV. М. 1965.
- Бодуэн де Куртэнэ 1963 — И. А. БОДУЭН ДЕ КУРТЭНЭ. *Введение в языковедение* — В кн.: И. А. БОДУЭН ДЕ КУРТЭНЭ. *Избранные труды по общему языкознанию*. М. 1963.
- Есперсен 1959 — О. ЕСПЕРСЕН. *Философия грамматики*. М. 1959.
- Мартемьянов 1971 — Ю. С. МАРТЕМЬЯНОВ. *К описанию текста: язык валентно-юнктивно-эмфазных отношений*. — Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 13 (М. 1970) — 14 (М. 1971).
- Мельчук 1974 — И. А. МЕЛЬЧУК. *Опыт теории лингвистических моделей Смысл ↔ Текст*. М. 1974.
- Мельчук 1985 — И. А. МЕЛЬЧУК. *Поверхностный синтаксис русских числовых выражений*. Wien. 1985.
- Сепир 1993 — Э. СЕПИР. *Целостность* — В кн.: *Избранные труды по языкознанию и культурологии*. М. 1993.
- Фреге 1962 — G. FREGE. *Sinn und Bedeutung* — G. FREGE. *Funktion, Begriff, Bedeutung*. Göttingen. 1962.
- Фреге 1973 — G. FREGE. *Schriften zur Logik*. Berlin. 1973.

ОБ ОГРАНИЧЕНИЯХ НА "УДИВИТЕЛЬНОЕ" *MOŻET* В ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

Анджей Богуславский
(Варшава)

THE RESTRICTIONS ON THE "WONDERING" *MOŻET* 'COULD' IN INTERROGATIVE SENTENCES

Andrzej BOGUSŁAWSKI
(Warsaw)

В статье «Об "удивительном" *możet* в вопросительных предложениях» [Богуславский 1993] я указал на тот факт, что определенные вопросительные предложения, имеющие в своем составе глагол *możet* (в той или иной нужной форме), не представляют собой, вопреки видимости, вопроса, касающегося возможности того, что выражено инфинитивной фразой при этом глаголе, а представляют собой вопрос, касающийся отождествления актанта глагола, зависящего от *możet* — глагола, выражающего действительное, а не лишь возможное, положение вещей (о связанной с этим специфике глагола *możet* говорили раньше Булыгина и Шмелев, ср. [Булыгина, Шмелев 1988]).

Так, в предложении

(1) *Кто (это) мог умереть?*

— с интонационным центром на *умереть* — вопрос ставится не о том, к кому именно применимо понятие возможности смерти, а о том, к кому применимо понятие действительной смерти, которая как раз коснулась кого-то. Об этом свидетельствует тот факт, что правильный ответ на вопрос (1), например,

(2) *Петр.*

— оказывается в той же ситуации одновременно правильным ответом и на другой вопрос, а именно на простой вопрос

(3) *Кто умер?*

— и никак не интерпретируется как информация

(4) *Умереть мог Петр.*

— где (4) является частью допустимого ответа на вопрос:

(5) *Кто мог умереть?*

— с *мог* в качестве интонационного центра, ответа, в котором правильно утверждалась бы возможность смерти любого живущего в настоящее время или жившего в прошлом лица, в том числе Петра, но допускается как его смерть, так и продолжение его жизни, причем такое же альтернативное решение распространяется на всех живущих в настоящее время и живших в прошлом лиц.

Поскольку описанное употребление глагола *możet* передает осознание спрашивающим особой затруднительности (с определенной точки зрения) отождествления актанта, я назвал этот глагол в соответствующей серии предложений (серии, которую я как раз рассматривал) "удивительным" *możet*.

Однако я настаивал на том, что это *możet* сохраняет свое обычное значение, которое я охарактеризовал следующим образом:

(6) *możet F(a)* = нет признака G, свойственного a, такого, что

(i) $G \neq F$

(ii) $G \neq \text{не-}F \wedge G'$ (где $G' \neq G$)

(iii) из $G(a)$ логически следует $\text{не-}F(a)$

Оно относится не к понятию, представленному глаголом, зависящим от *możet*, а к понятию эквивалентности, выражаемому вопросительным словом. Более конкретно, значение (6) реализуется здесь как

(7) (6), где *a* — это искомая определенная дескрипция,

F — ее эквивалентность заданному в вопросе понятию (например, для (1) это понятие 'умершее лицо, которое имеется в виду').

Такое употребление понятия 'может' заостряет внимание слушающего на противопоставлении возможной и невозможной

эквивалентности дескрипций (т. е., в случае невозможной эквивалентности — неэквивалентности дескрипций), причем поскольку вопрос явно касается возможной эквивалентности, то именно она изображается как затруднительная, в то время как невозможные эквивалентности принимаются как хорошо известный говорящему и слушающему фон, от которого говорящий отталкивается в поисках неизвестной возможной эквивалентности.

Необходимые условия "удивительного" употребления *может* таковы: (i) *может* не является интонационным центром предложения; (ii) вопрос является частным вопросом, т. е. касается того или иного актанта глагола, зависящего от *может*; (iii) говорящий считает понятийную структуру, зависящую от *может*, реализованной, т. е. он признает некоторое предложение типа *кто-то написал этот текст* (где *кто-то* соотносится с актантом, маркируемым в вопросе с помощью вопросительного местоимения) истинным; (iv) говорящий видит затруднительность отождествления актанта с точки зрения лица, которому предстоит его идентифицировать, т. е., в самом обычном случае, с точки зрения самого говорящего; следовательно, в предложении

(8) *Иван знал, кто мог украсть портфель министра.*

— речь идет об актанте понятия 'мог украсть портфель министра', а не об актанте понятия 'украл портфель министра'. в противоположность предложению

(9) *Иван пытался угадать, кто мог украсть портфель министра.*

— где нормальной будет такая же (в основном) интерпретация, как в предложении

(10) *Иван пытался угадать, кто украл портфель министра.*

— т. е. с актантом понятия 'украл портфель министра'.

Интересно отметить, что обрисованное мною явление не затрагивает и не может затронуть так называемых общих вопросов (вопросов "об истинности", "вопросов решения", yes-no-questions). Так,

(11) *Мог ли он это сделать?*

— является вопросом, касающимся исключительно возможности выполнения известного собеседникам действия, а не вопросом, который сводился бы по своему пафосу к предложению

(12) *Сделал ли он это?*

— лишь с добавкой подчеркнутого колебания говорящего относительно того, чему из двух (и только двух) вещей, которые относятся к делу, приписать истинность: 'кто-то знает, что он сделал это', 'кто-то знает, что он не сделал этого'.

Почему, однако, последнее невозможно?

Во-первых, можно заметить, что в актантных вопросах с *мочь*, в которых речь шла бы об актантах понятия 'возможности соответствующего действия или состояния', обычно мало толку, поскольку каждый может отвечать самому себе почти без конца, перечисляя соответствующие актанты. На вопрос

(13) *Кто сегодня в шесть часов утра мог умереть?*

— понимаемый так же, как тот же вопрос с интонационным центром на *мог*, т. е. как вопрос об актантах выражения 'мог умереть сегодня в шесть часов утра', можно отвечать: "я, ты, Горбачев, ...". Это приводит к некоторому "освобождению" глагола *мочь* в актантных вопросах от свойственной ему основной "нагрузки" и позволяет использовать его для других целей. Иначе обстоит дело с общими вопросами: тут глагол *мочь* выступает в своем основном значении. Например, вопрос

(14) *Мог ли Сергей украсть портфель министра?*

— резко отличается от вопроса

(15) *Украл ли Сергей портфель министра?*

— и к нему можно подобрать весьма осмысленные ответы, например:

(16) *Не мог, потому что в то время он находился в другом городе.*

— или:

(17) *Мог, потому что он сидел рядом с министром.*

— причем за (17) может следовать:

(18) *Он и украл портфель.*

— или:

(19) *Но он в конце концов испугался и не украл портфель.*

Поэтому глагол *мочь* в общих вопросах от своей нормальной функции никак не "освобождается", даже если он не является интонационным центром (ср. (14)).

Но есть и другая, причем решающая, причина, по которой глагол *мочь* не может быть отодвинут от зависящего от него глагола и сопряжен с вопросительным элементом в общем вопросе, в отличие от актантных вопросов. В случае актантных вопросов речь идет о большем количестве "кандидатов в актанты", т. е. дескрипций, среди которых бросаются в глаза дескрипции, заведомо "невозможные", такие, в которых есть что-то, препятствующее их эквивалентности по отношению к дескрипции, заданной в вопросе, и происходит поиск "возможных", т. е. эквивалентных, дескрипций. Между тем, в общем вопросе все данные о положении вещей, включая данные об актантах, налицо, и единственной недостающей вещью является истинность этих данных, которая все еще находится под вопросом. Речь может идти о "возможности" — но чего? Истинности и только истинности, причем истинность эта касается, опять-таки, одного единственного положения вещей. Никакого колебания между разными кандидатами здесь нет. Колебание относится лишь к истинности. Но оно имеется с самого начала и характеризует отношение говорящего к "голой" репрезентации положения вещей (безотносительно к истинности), а не репрезентации "возможности этого положения вещей" (такая репрезентация тоже возможна, но только в случае нормальной трактовки глагола *мочь*, которая как раз в нашем рассуждении, в порядке опыта, "приостанавливается"). **В о з м о ж н а я ж е и с т и н н о с т ь** этого единственного положения вещей (пропозиции) ничем не отличается от **п р о с т о и с т и н н о с т и**: если эта истинность не является возможной, истинность свойственна отрицательному партнеру; а если отрицательный партнер не обладает истинностью, данная пропозиция **м о ж е т б ы т ь и с т и н н о й** и **в т о ж е в р е м я** (в силу дуальности утверждения-отрицания) **н е и з б е ж н о е ю о б л а д а е т**.

Таким образом, употребление глагола *мочь* для характеристики искомой истинности было бы избыточным. Это находится в комплексном отношении к большой антиизбыточной продуктивности конструкций с *мочь* в общих вопросах как реально противопоставленных обозначениям просто данного положения вещей — в качестве экспонентов идеи 'отсутствия определенных препятствий на пути реализации этого положения вещей, отсутствия, которое все же оставляет открытым вопрос о том, имеет ли в конце концов место данное положение вещей или нет'.

В том, что невозможность употребления глагола *мочь* в общих вопросах в функции, сходной с его специфическим (вышеописанным) употреблением в частных вопросах, вытекает из **о т с у т с т в и я н е е д и н и ч н о г о** множества кандидатов, среди которых ищется "возможный" кандидат (кандидаты в противоположность "невозможным"), убеждает следующий факт. Стоит лишь общий вопрос переформулировать так, чтобы на сцене появились два кандидата в эквивалентные дескрипции, независимые от формулировки "истина *И*" (где *И* обозначает то, что кто-то знает о данном субъекте, соотнося его с данным предикатом, например, то, что кто-то знает о Сергее в определенный момент его существования в отношении предиката 'украсть портфель министра'), как наше специфическое употребление глагола *мочь* становится вполне уместным, ср.:

(20) *Которое из следующих предложений: "Сергей украл портфель министра", "Сергей не украл портфель министра", может быть истинным?*

Для большей убедительности нашего примера надо ставить на слово *которое* в этом предложении сильное ударение; и, конечно же, интонационный центр должен быть на слове *истинным*, а не на слове *может*. Кстати, стоит заметить, что при ударном *может* наш вопрос становится странной, замысловатой заменой простого

(21) *Которое из следующих предложений: "Сергей украл портфель министра", "Сергей не украл портфель министра", истинно?*

Это связано, конечно, с только что обсуждавшимся явлением неразличимости "истинности" и "возможной истинности", или "знания, что *p*" и "возможности знания, что *p*": утверждение, что можно знать, что *p*, равносильно утверждению, что кто-то знает, что *p*; если кто-то знает, что не-*p*, то никто не может знать, что *p*. В предложении (20)

можно усматривать две разных дескрипции: "предложение вида *Сергей украл портфель министра*", и "предложение вида *Сергей не украл портфель министра*", которые описывают лишь внешний вид выражений в русском языке с предусмотренной их интерпретацией; о д н а и з н и х может быть эквивалентной описанию истины, состоящей в том, что это истина насчет Сергея и что в ней участвует лишь предикат 'украсть портфель министра'.

Рассуждение, которое мы провели, позволяет, как я надеюсь, объяснить отсутствие "удивительного" может в общих вопросах.

Однако существует другой тип предложений, в которых наблюдается такое же отсутствие, несмотря на то что речь идет о предложениях, которые весьма похожи на актантные вопросы, поскольку они основаны на вопросительном местоимении, а не на вопросительной частице или интонации (т. е. частице или интонации, относящейся к выбору между утверждением и отрицанием).

Я имею в виду вопросы, образуемые с помощью вопросительного слова *почему*.

Так, вопрос

(22) *Почему Сергей мог остаться дома?*

— выражает исключительно требование обосновать реальную, по мнению говорящего, допустимость, реализуемость продления пребывания Сергея дома; он не может относиться к причине самого этого продления.

Интересно, что другие вопросы в кругу "причинности" (в широком ее понимании) все же допускают "удивительное" может, ср. вопросы

(23) *Отчего Сергей мог остаться дома?*

(24) *Что могло привести к тому, что Сергей остался дома?*

— которые, по-видимому, вполне могут конкурировать с вопросами

(25) *Отчего Сергей остался дома?*

(26) *Что привело к тому, что Сергей остался дома?*

— при таком же различии между ними и вопросами (25) - (26), как между (1) и (2).

Как объяснить это явление?

Вполне очевидно, что речь идет не о чисто лексическом, т. е. более или менее произвольном, ограничении сочетаемости конкретного

слова, в данном случае, вопросительного слова *почему*. Это доказывает тем фактом, что в любом языке, по-видимому, допустим такой сдвиг в употреблении соответствия русского глагола *мочь*, какой мы пытались описать, и в то же время в любом языке имеется основное соответствие русского *почему*, у которого есть те же свойства, касающиеся интересующего нас явления, что и у русского *почему*.

Следовательно, напрашивается вывод о том, что в языках вообще функционирует особая содержательная вопросительная категория, воплощением которой является русское *почему* и все его прямые переводные соответствия. Наше явление "удивительного" может способно пролить свет на ее природу, и в этом качестве оно особенно ценно.

Вопрос с *почему* не является, конечно, общим вопросом, но в то же время он не является актантным вопросом: везде, где что-либо играет роль аргумента того или иного функтора, уместно применение к соответствующему вопросу "удивительного" может. Если что-либо (какая-либо пропозиция) берется в качестве аргумента заранее выделенного для рассмотрения понятия "причинной связи" с ее аргументом-"следствием", разумной является постановка вопроса об идентификации этого аргумента (аргумента-"причины") и, в свою очередь, мыслимо колебание в попытках отождествить его. Естественным же выражением этого колебания является использование понятия возможности в применении к аргументному или актантному вопросу: поиск возможной эквивалентности чего-то заданной дескрипции предполагает осознание существования неэквивалентных величин, т. е. чего-то, что невозможно в качестве эквивалентной дескрипции.

Из этого следует, что в вопросах с *почему* "причинная связь" не является ф у н к т о р о м, реализация которого считается известной и к которому требуется только подыскать тот или иной подходящий аргумент в виде определенной пропозиции. Последнее наблюдается в предложениях, основанных на таких вопросительных фразах, как (*что*) *привело к*, (*что*) *обусловило*, *в связи с* (*чем*), *авиду* (*чего*) и т. п., но не в предложениях с *почему*.

Приходится считать, что *почему* присоединяется к замкнутым предложениям, истинность которых принимается говорящим; и оно присоединяется как нечто "внешнее". С помощью *почему* маркируется возможная добавочная пропозиция, заранее наделенная свойством исключать истинность отрицательного партнера *datum quaestionis*, т. е. находится в "причинно-следственной" связи с *datum quaestionis*. "Причинно-следственная" связь не вводится в состав *datum quaestionis*, а сопутствует, так сказать, вносящей пропози-

ции; класс именно таких пропозиций имеют в виду, когда употребляют слово *почему*.

Иначе говоря, то, к чему относится это слово, можно охарактеризовать как "что-то такое, что влечет за собой р (datum quaestionis)", а не как "то, в чем состоит с самого начала искомая причина р". Например, предложение

(26) *Он знает, почему она не пришла.*

— можно перифразировать с помощью предложения

(27) *Он знает что-то, что повлекло за собой тот факт, что она не пришла.* (или: ... *что исключает ее приход*),

— а не с помощью

(28) *Он знает, что именно повлекло за собой тот факт, что она не пришла.*

В случае предложения

(29) *Скажи, почему она не пришла.*

— мы имеем дело со смыслом

(30) *Скажи что-то такое, чтобы оно обозначало нечто, влекущее за собой тот факт, что она не пришла.*

— а не со смыслом, представленным в предложении

(31) *Скажи, что именно привело к тому, что она не пришла.*

Стоит отметить, что с этой характеристикой вопросов с *почему* вполне гармонирует следующее обстоятельство. В отличие от других вопросительных слов, которым соответствуют отрицательные выражения (часто соотносящиеся с вопросительными выражениями и по внешнему облику), обозначающие полное отсутствие реализации данной понятийной структуры (вместе с отсутствием нужного актанта), ср.:

(32) *Кто пришел к ним?*

(33) *Никто не пришел к ним.*

— слову *почему* такое выражение не соответствует, ср. **нипочему* (других слов, которые замещали бы указанное выражение, тоже нет; например, *ни по какой причине* соответствует совсем другому выражению, а именно *по какой причине*, вводящему причинно-следственную связь в datum quaestionis, и оно сходно по своему поведению с *никто* в (33), ср.:

(34) *По какой причине он пришел к ним?*

(35) *Ни по какой причине он не пришел к ним.*

— где отрицается и сам "его приход"). Итак, кроме прямых ответов на актантные вопросы, в которых соблюдается презумпция реализации соответствующей структуры (т. е., например, для (32), "кто-то пришел к ним"), в обычных случаях возможно отклонение самой этой презумпции, ср. (33), и, вслед за этим, соотносительное отрицательное утверждение. Между тем, вопросы с *почему* не имеют своих отрицательных противочленов сходного характера. Возможно исключительно *п о в т о р е н и е datum quaestionis* (datum quaestionis вопроса с *почему*, которое, конечно, само по себе может быть либо утвердительным, либо отрицательным) и отклонение идеи самой по себе причинной связи как свойственной datum quaestionis (с datum quaestionis как следствием); это осуществляется с помощью выражений типа *без какой-либо причины*, ср.:

(36) — *Почему он сделал это?*

— *Он сделал это без какой бы то ни было причины.*

Предложения с *почему* передают удивление самим datum quaestionis как законченной, полной, самодовлеющей структурой, считающейся истинной, а не тем или иным компонентом структуры. Именно это удивление и выражает само слово *почему*.

То или другое положение вещей как причинный аргумент причинно-следственной связи не может уже становиться предметом противопоставления, с одной стороны, сомнительных и невозможных, а с другой стороны — возможных причин. Все допустимые пропозиции, отвечающие на вопрос с *почему*, рассматриваются как равноправные.

Подытоживая сказанное, можно было бы охарактеризовать вопросы с *почему* как открытые вопросы, предлагающие свободно обогащать информацию о том, что принимается в качестве непреложной истины с заполненными всеми членами структуры полного высказывания.

ЛИТЕРАТУРА

Богуславский 1993 — А. БОГУСЛАВСКИЙ, *Об "удивительном" может в вопросительных предложениях*. В кн.: F. FICI GIUSTI, S. SIGNORINI (ред.), *Категория сказуемого в славянских языках*. München: Sagner, 1993, с. 29 - 40.

Будыгина, Шмелев 1988 — Т. В. БУДЫГИНА, А. Д. ШМЕЛЕВ, *Вопрос о косвенных вопросах: является ли установленным фактом их связь с фактивностью?* — В кн.: Н. Д. АРУТЮНОВА (ред.), *Знание и мнение*. М.: Наука, 1988, с. 46 - 63.

О СООТНОШЕНИИ ВОПРОСА И СОЧИНЕНИЯ, ИЛИ ПОЧЕМУ И БЫВАЕТ СИНОНИМИЧНО ИЛИ

И. М. БОГУСЛАВСКИЙ
(Москва)

ON THE INTERRELATION BETWEEN INTERROGATION AND CO-ORDINATION, OR WHY AND MAY BE SYNONYMOUS TO OR

I. M. BOGUSLAVSKY
(Moscow)

1. Постановка задачи

Разрабатывая подсистему семантического анализа для Лингвистического процессора (см. подробное описание системы «Лингвистический процессор» в [Апресян и др. 1992]), мы столкнулись с интересным семантическим фактом, с которым приходится иметь дело всем разработчикам вопросно-ответных систем. Речь идет о том, что в ряде контекстов союз *и* интерпретируется в логико-семантической структуре не посредством конъюнкции, а посредством дизъюнкции (см., например, [Harris, 1980; Янко, 1987; Богуславский, Цинман, 1990]). Рассмотрим пример (1):

(1) *На каких заводах выпускаются генераторы постоянного и переменного тока?*

Этот запрос можно интерпретировать двумя разными способами. При первом осмыслении имеются в виду заводы, производящие оба вида генераторов. В этом случае логико-семантическая структура запроса выглядит так: 'перечислить заводы *x*, такие, что *x* выпускает генераторы постоянного тока и *x* выпускает генераторы переменного тока'.

При втором осмыслении запроса (1) спрашивающего интересуют заводы, на которых выпускается хотя бы один из указанных видов генераторов. Именно при этом осмыслении в логико-семантической структуре и возникает дизъюнкция: 'перечислить заводы *x*, такие, что *x* выпускает генераторы постоянного тока или *x* выпускает генераторы переменного тока'.

Объяснить эту интерпретацию (в разделе 8) мы сможем в результате рассмотрения взаимодействия между значением сочинительного союза, множественных именных групп и значением вопроса

(в разделах 6 - 7). Однако сначала нам придется кратко остановиться на значении этих элементов по отдельности (в разделах 2 - 5).

2. Союзы и и или

Начнем с предложений, содержащих конъюнктивные однородные члены, типа

(2) *Аня побывала в Вильнюсе и в Риге.*

В лингвистике широко распространено восходящее еще к "Синтаксическим структурам" Хомского представление о том, что в логико-семантической структуре такие сочиненные группы должны быть представлены в "развернутом виде", то есть в виде конъюнкции пропозиций, в каждой из которых участвует лишь один из сочиненных элементов:

(2') *'Аня побывала в Вильнюсе, и Аня побывала в Риге'*

То же самое с соответствующими изменениями касается и дизъюнктивных однородных членов.

Эта концепция, известная под названием "сочинительное сокращение" (conjunction reduction), имеет не только плюсы (которые очевидны), но и минусы. Пусть, например, сочиненная группа состоит не из двух, а из большего числа элементов, и пусть таких групп в предложении более одной:

(3) *Аня, Боря и Володя побывали в Вильнюсе, Таллине и Риге.*

Если последовательно проводить развертывание сочинительных групп, то логико-семантическая структура этого предложения должна состоять из девяти ($= 3 \times 3$) элементарных пропозиций, что, конечно, довольно неестественно. Еще хуже обстоит дело в предложениях типа

(4) *Вчера и позавчера Аня и Володя видели Лену и Алешу в кафе и на дискотеке.*

Не раз высказывалось предположение (см., например, [McCawley 1968: 260-277¹; Wierzbicka 1969: 116]) о том, что (конъюнктивные) сочиненные именные группы должны трактоваться так же, как обычное множественное число. Сочиненные и множественные именные группы,

¹Страницы в этой работе здесь и далее указаны по русскому переводу.

не содержащие сочинения, действительно, имеют много общего. Например, как те, так и другие допускают интерпретации типа "термовая vs. нетермовая конъюнкция". Так, предложение *Петя и Коля <мои друзья> получили грант в размере трех тысяч долларов* может осмыслиться в двух значениях: 'три тысячи на двоих' (термовая конъюнкция) и 'по три тысячи каждому' (нетермовая конъюнкция). Если принять тезис о семантическом параллелизме сочиненных и множественных именных групп, то сочинительное сокращение и подавно приведет к абсурдным результатам, поскольку оно требует, чтобы именная группа *сто тысяч солдат Фридриха Великого* порождала в логикосемантической структуре 100 000 элементарных пропозиций.

Удобный способ избежать указанных несообразностей состоит в том, чтобы воспользоваться хорошо известной в логике связью между конъюнкцией и дизъюнкцией, с одной стороны, и кванторами общности и существования, с другой [McCawley, 1968: 272]:

(5a) $P(x_1) \ \& \ P(x_2) \ \& \ \dots \ \& \ P(x_n) \equiv (\forall x \in \{x_1, x_2, \dots, x_n\}) [P(x)]$

(5b) $P(x_1) \ \vee \ P(x_2) \ \vee \ \dots \ \vee \ P(x_n) \equiv (\exists x \in \{x_1, x_2, \dots, x_n\}) [P(x)]$

В соответствии с этой идеей, множественные и сочиненные именные группы получают в логикосемантической структуре единообразные представления. Так, предложение (3) можно изобразить в логической нотации как (3')

(3') $(\forall x \in \{\text{Аня, Боря, Володя}\}) (\forall y \in \{\text{Вильнюс, Таллин, Рига}\}) [x \text{ побывал в } y]$

Аналогичным образом можно записать значения предложений, содержащих союз *или*:

(6) *В Вильнюс поедут Гриша или Максим.*

(6') $(\exists x \in \{\text{Гриша, Максим}\}) [x \text{ в Вильнюс поедет } x]$

Единообразное представление множественных и сочиненных именных групп в логико-семантической структуре не означает, что множественные именные группы во всех отношениях подобны сочиненным. Одно из отличий состоит в том, что в отсутствие эксплицитных квантификаторов типа *все* несочиненная именная группа во множественном числе обозначает потенциально открытый класс, которому не обязательно соответствует весь экстенционал этой группы.

Практическая речь идет лишь о релевантном подмножестве экстенционала. Так, в предложении

(7) *Студенты оказали канадскому профессору горячий прием.*

вовсе не имеется в виду все множество студентов. Для сочиненной группы, обозначающей закрытый класс (если ни один из элементов группы не обозначает открытый класс), такое расхождение с экстенционалом невозможно. Если в предложении есть именная группа *Аня, Володя, Маша и Максим*, то релевантное множество лиц состоит именно из этих четырех человек.

Подчеркнем, что речь здесь идет о чисто логическом содержании союзов *и* и *или*, о том ядре их значения, которое моделируется логическими понятиями конъюнкции и дизъюнкции. О том, что значение союзов *и* и *или* этим далеко не исчерпывается, хорошо известно (см., например, Падучева, 1964; Гладкий, 1979; Санников, 1985, 1989), и мы оставляем эту проблему полностью в стороне.

3. Объединительная и разделительная интерпретации именных групп

Как известно, обоим обсуждаемым классам именных групп — как сочиненным, так и множественным — свойственна способность иметь два типа интерпретаций — объединительную и разделительную. Противопоставление объединительных / разделительных осмыслений применяется в разных работах к двум принципиально разным типам явлений. С одной стороны, так называют различие между действиями, выполняемыми совместно или раздельно. Так, в цитированной работе МакКоли этим термином обозначено различие между двумя интерпретациями предложения *Джон и Гарри <эти люди> поехали в Кливленд*, которое может пониматься, во-первых, как 'поехали вместе', а во-вторых, как 'поехали каждый по отдельности'. Это противопоставление осмысленно для одной именной группы в составе предложения и характеризует то, каким образом объекты, обозначенные этой именной группой, участвуют в данном событии: рассматривает ли говорящий действия, выполняемые каждым участником, как **отдельные события**, или же действия всех лиц трактуются как образующие **единое событие**.

С другой стороны, противопоставление объединительных / разделительных осмыслений усматривается в ситуациях, когда речь идет о **соответствии между множествами**, обозначенными двумя разными именными группами. При объединительном понимании

каждому элементу одного множества соответствуют все элементы второго, а при разделительном понимании возможно, что разным элементам соответствуют разные. Примером здесь может служить рассмотренное выше предложение (1) *На каких заводах выпускаются генераторы постоянного и переменного тока?*, где речь идет либо о заводах, на которых выпускаются оба вида генераторов, либо о заводах, производящих хотя бы один их вид. Нас будет интересовать в данной работе именно это второе понимание объединительности / разделительности.

Каков семантический коррелят противопоставления объединительной и разделительной интерпретаций и как можно представить его в логико-семантической структуре? Рассмотрим предложение (8), имеющее обе эти интерпретации.

(8) *Члены кабинета министров посетили в этом году страны Карибского бассейна <Венесуэлу, Колумбию, Панаму и Коста Рикю>.*

Если обозначить через *M* множество членов кабинета министров, а через *S* множество стран Карибского бассейна, то объединительное понимание естественно представить с помощью кванторов общности по множествам *M* и *S*:

(8a) $(\forall x \in M) (\forall y \in S) [x \text{ посетил в этом году } y]$

При разделительной интерпретации именные группы предложения имеет более сложное значение, которое включает два компонента. Во-первых, каждый член кабинета министров посетил какую-то (или какие-то) из стран Карибского бассейна, а во-вторых, каждую из этих стран посетил какой-то (или какие-то) члены кабинета. В частном случае возможно, что каждый член кабинета посетил какую-то одну страну или что все члены кабинета побывали во всех странах. С помощью обычных кванторов это значение можно изобразить так²:

(8b) $(\forall x \in M) (\exists y \in S) [x \text{ посетил в этом году } y] \& (\forall y \in S) (\exists x \in M) [x \text{ посетил в этом году } y]$

²Нелишне заметить, что здесь, как и всегда при попытке использовать квантор общности для представления значения языковых выражений, он не имеет столь категорического значения, какое он имеет в логических формулах. Так, в (8) фактически речь идет не о всех без исключения членах кабинета и не о всех странах Карибского бассейна, а лишь о "почти всех", о большинстве или о многих.

³В работе [McCawley, 1968: 275] предлагается использовать особый квантор "исчерпания", в котором мы не видим необходимости.

Структуры (8а) и (8б) описывают объединительную и разделительную интерпретации именных групп в составе утвердительных предложений. Вопросительные предложения имеют свою специфику, которая будет рассмотрена в следующем разделе.

4. Множественные и сочиненные именные группы в вопросительных и утвердительных предложениях

Для вопросительных и утвердительных предложений, содержащих множественные или сочиненные именные группы, общим является то, что и те, и другие допускают как объединительную, так и разделительную интерпретацию именных групп. Сравним предложения (8) и (9):

(9) *Кто посетил в этом году страны Карибского бассейна <Венесуэлу, Колумбию, Панаму и Коста Рику>?*

В обоих предложениях речь может идти о людях, которые посетили все указанные страны или же только какие-то из них. Однако между этими типами предложений имеются и некоторые важные различия.

Как отмечалось в предыдущем разделе, разделительная интерпретация утвердительных предложений типа (8) содержит два утверждения: не только все (или почти все или многие) члены кабинета министров посетили какие-то из указанных стран, но и все (или почти все или многие) из указанных стран были посещены кем-либо из членов кабинета. Подобной двойной взаимосвязи между именными группами в вопросительном предложении нет. В (9) имеется презумпция (исходное предположение вопроса), что кто-то посетил указанные страны, но вовсе не предполагается, что визит был нанесен в каждую из этих стран.

Второе различие между утвердительными и вопросительными предложениями можно проиллюстрировать примерами (10)–(11).

(10) *В наших магазинах продаются все сорта <продается пятнадцать сортов> макарон.*

(11) *В каких магазинах продаются все сорта <продается пятнадцать сортов> макарон?*

Предложение (10) неоднозначно. У него есть как объединительная интерпретация ('в каждом магазине есть каждый сорт'), так и разделительная ('любой из сортов можно найти в каком-нибудь магазине'). Пример (11) имеет, очевидно, только объединительное понимание:

в вопросах невозможна разделительная интерпретация именных групп, квантифицированных с помощью указания числа или такими словами как *все*, *многие*, *несколько*.

Этот факт заслуживает внимания. В самом деле, в утвердительных предложениях множественные именные группы без эксплицитного квантификатора часто допускают безболезненное вставление слов *все* и *каждый* (с соответствующей модификацией значения):

(12) *Сотрудники нашего отдела голосовали за Степанова.*

(13) *Все сотрудники нашего отдела голосовали за Степанова.*

(14) *Каждый сотрудник нашего отдела голосовал за Степанова.*

В вопросе (15), взятом в разделительной интерпретации, ясно, что спрашивающего интересуют скорее все сотрудники, чем только некоторые.

(15) *За кого голосовали сотрудники вашего отдела?*

Тем не менее, введение слова *все* в (15) резко меняет смысл: из разделительной интерпретация превращается в объединительную.

(16) *За кого голосовали все сотрудники вашего отдела?*

В этом отношении слово *все* отличается от слова *каждый*, которое может допускать разделительную интерпретацию⁴:

(17) *Укажите, кто посетил все страны Карибского бассейна.* [только объединительная интерпретация]

(18) *Укажите, кто посетил каждую страну Карибского бассейна.* [обе интерпретации]

5. Значение вопроса

Обратимся теперь к значению частного вопроса. Тот подход к логико-семантическому анализу вопросов, который кажется нам наиболее перспективным (см. [Åqvist, 1971; Хинтиikka, 1980; Белнап, Стил, 1981; Крейдлин, Рахилина, 1984; Падучева, 1985; Рахилина, 1986]), базируется на использовании специального оператора вопроса, интер-

⁴В примерах (17 – 18) вопросительная семантика представлена не в вопросительных предложениях, а в утвердительных, но на логико-семантической структуре это не отражается.

претируемого как 'сделай так, чтобы я знал'. Принципиально важно, что в составе этого оператора имеется так называемая вопросительная (или эротетическая) переменная, отсылающая к тому, о чем задается вопрос. Так, логико-семантическая структура предложения

(19) *Где побывала Аня?*

может быть передана как 'сделай так, чтобы я знал все x , такие, что Аня побывала в месте x ', или, более формально,

(19') $(?x)$ [Аня побывала в месте x]

Материал, который был исследован в рамках этого подхода, дает основания предположить, что в логико-семантической структуре простого, независимого вопросительного предложения, не содержащего сочинения вопросительных слов (типа *кто и зачем*), оператор вопроса должен находиться в **вершине** логико-семантической структуры, т. е. **не может оказаться в сфере действия других операторов**. Такое предположение представляется вполне естественным, поскольку любой вопрос прежде всего есть просьба о предоставлении информации. В самом деле, попытки построить предложение, в котором оператор вопроса оказался бы внутри сферы действия, например, отрицания или какого-либо модального оператора, заканчиваются неудачей. Так, предложение *Почему он туда не поехал?* никак нельзя интерпретировать в значении 'не делай так, чтобы я знал, почему он туда поехал'. Предложение **Возможно, куда он поехал?* вообще неправильно.

Некоторое уточнение в этот тезис будет внесено в следующем разделе.

6. Вопрос и конъюнкция.

Попытаемся применить то, что было сказано выше о сочинении и вопросе, к анализу предложений, в которых есть одновременно частный вопрос и конъюнктивная сочиненная группа:

(20) *В каких странах побывали Аня и Володя?*

Представив частный вопрос в виде оператора $(?x)$, а сочиненную группу в виде квантора общности, получим для предложения (20) логико-семантическую структуру $(20')$:

(20') $(?x) (\forall y \in \{\text{Аня, Володя}\}) [y \text{ побывал в стране } x]$

Очевидно, однако, что такая логико-семантическая структура адекватно передает лишь одну из интерпретаций, имеющихся у вопроса (20) - ту, которую мы выше назвали объединительной. Выражение $(20')$ запрашивает такие страны, в которых побывали оба из упомянутых лиц. Но у (20) есть и разделительная интерпретация, возможно, даже более естественная, которая и интересует нас сейчас в первую очередь. При этой интерпретации страны, в которых побывала Аня, никак не соотносятся со странами, в которых побывал Володя. Другой, более однозначный способ выражения этого значения дает предложение *В каких странах побывала Аня и в каких Володя?* Как же передать в логико-семантической структуре нужное осмысление средствами, имеющимися в нашем распоряжении? Наиболее естественный способ состоит в том, чтобы в структуре $(20')$ заменить квантор общности на квантор существования:

(21) $(?x) (\exists y \in \{\text{Аня, Володя}\}) [y \text{ побывал в стране } x]$

Структура (21) читается так: 'назовите все такие страны x , для которых верно, что хотя бы одно из перечисленных лиц в них побывало'. Эта структура максимально близка к структуре, соответствующей разделительному осмыслению именных группы в утвердительных предложениях (см. (86)), с тем, однако, отличием, что, как мы отмечали в разд. 4, при вопросе исчезает второй конъюнктивный член. Теперь мы можем объяснить, почему это происходит.

Как отмечалось в предыдущем разделе, вопросительный оператор всегда занимает в логико-семантической структуре вершинную позицию. Иначе говоря, любой вопрос может быть представлен в виде 'сделай так, чтобы я знал все x , такие что...' Между тем, это требование противоречит тому, чтобы значение вопросительного предложения имело двухчастную структуру, аналогичную структуре утвердительного предложения. Такая структура для (20) должна была бы иметь вид (22), несовместимый с вершинностью вопросительного оператора.

(22) $(?x)(\exists y \in \{\text{Аня, Володя}\})[y \text{ побывал в стране } x] \& (\forall y \in \{\text{Аня, Володя}\})(\exists x) [y \text{ побывал в стране } x]$

Структура (21) показывает, что разделительная интерпретация вопроса может быть представлена с помощью квантора существования.

Между тем, это не единственный способ выразить данное значение. Второй способ выражения значения предложения (20) заключается в том, чтобы в структуре (20') поменять местами квантор общности и оператор вопроса:

$$(23) (\forall y \in \{\text{Аня, Володя}\}) (?x) [y \text{ побывал в стране } x]$$

Эта структура читается так: 'для всех y из множества, состоящего из Ани и Володи (то есть, как для Ани, так и для Володи) назовите все страны x , такие, что y побывал в x '. Иначе говоря, требуется назвать и страны, посещенные Аней, и страны, посещенные Володей. Легко видеть, что структуры (21) и (23) задают одно и то же множество стран.

В самом деле, допустим, Аня побывала в стране А. Тогда очевидно, что А входит как в множество, задаваемое структурой (23), так и в множество, задаваемое структурой (21). То же самое, естественно, справедливо в случае, если в А побывал Володя. С другой стороны, если в стране А не была ни Аня, ни Володя, то эта страна не окажется ни в одном из множеств.

Поскольку, строго говоря, обе структуры запрашивают именно список стран, то с точки зрения этого критерия структуры (21) и (23) эквивалентны. (О неэквивалентности этих структур с других точек зрения мы будем говорить ниже). Этот вывод распространяется не только на собственно вопросительные предложения, но и на другие структурные типы предложений, запрашивающих информацию, например:

(24) *Укажите страны, в которых побывали Аня и Володя.*

Заметим, что для предложения (24) иерархия квантора и оператора вопроса в логико-семантической структуре вступает в противоречие с иерархией соответствующих элементов в синтаксической структуре. Глагол *укажите* в (24) синтаксически подчиняет (опосредованно) сочиненную группу Аня и Володя, а семантическое соотношение между ними обратное: квантор общности, восходящий к союзу *и*, включает в свою сферу действия оператор вопроса, порождаемый глаголом *укажите*. Для слов с кванторным значением эта ситуация не только не уникальна, но и вполне обычна. Именно так ведут себя все кванторные прилагательные, занимающие в синтаксической структуре далеко не вершинную позицию, но тем не менее включающие ска-

зуемое в свою сферу действия (ср. *Каждый <любой, некоторый> охотник желает знать, где сидит фазан*). Однако не только кванторы порождают такой неизоморфизм синтаксических и семантических связей. Известны контексты, в которых частица *даже*, находящаяся в придаточном предложении, включает в свою сферу действия отрицание из главного предложения (см. подробный разбор этого явления в [Богуславский 1985: 129-141]).

Внимательный читатель, безусловно, заметил, что структура (23) вносит некоторое уточнение в тезис, который был высказан в разд. 5. Там мы отмечали, что оператор вопроса всегда находится в вершине логико-семантической структуры, в то время как структура (23) показывает, что он может входить в сферу действия квантора общности.

Итак, для разделительной интерпретации вопроса было предложено две логикосемантические структуры — одна с квантором существования, а другая с квантором общности. Отсюда следует вывод: квантор общности, находящийся вне сферы действия оператора вопроса, может быть внесен в нее с заменой на квантор существования. И обратно: квантор существования, находящийся в сфере действия оператора вопроса, может быть вынесен из нее с заменой на квантор общности:

$$(25) (\forall x) (?y) P(x,y) \equiv (?y) (\exists x) P(x,y)$$

Бросается в глаза структурное сходство правила (25) с правилом переноса квантора через отрицание, действующим в исчислении предикатов первого порядка: квантор можно переносить через отрицание (в любую сторону) с заменой на двойственный (квантор общности меняется на квантор существования и наоборот):

$$(26a) (\forall x) \neg P(x) \equiv \neg(\exists x) P(x)$$

$$(26b) (\exists x) \neg P(x) \equiv \neg(\forall x) P(x)$$

Обратим внимание на то, что полного сходства между этими правилами нет. Правило (25) параллельно лишь (26a). Соотношение между кванторами и оператором вопроса, аналогичное (26b), очевидным образом, не выполняется:

$$(27) (\exists x) (?y) P(x,y) \neq (?y) (\forall x) P(x,y)$$

Правую часть соотношения (27) иллюстрирует предложение (28):

(28) *В каких городах побывали как Аня, так и Володя?*

(28') (?y) ($\forall x \in \{\text{Аня, Володя}\}$) [x побывал в y]

Ср. также выше структуру (20'), аналогичную (28'), но неправильно отражающую интересующее нас значение предложения (20).

Что касается левой части соотношения (27), то для нее трудно найти естественное вопросительное предложение. Однако значение, соответствующее этому выражению вполне понятно, хоть и несколько необычно, например: 'для Володи или для Ани перечислите города, в которых он(а) побывал(а)'. Очевидно, что это значение резко противопоставлено значению предложения (28).

7. Прагматические различия

Эквивалентность структур (21) и (23) не мешает тому, что с ними можно связать различия прагматического характера. Они касаются того, **в каком виде можно ожидать ответ**.

Дело в том, что ответ на вопрос может оцениваться по разным параметрам [Рахилина 1986]. Прежде всего, он должен непосредственно соответствовать тому, о чем спрашивалось. Говоря формальнее, ответ должен принадлежать множеству, на котором принимает значения эротетическая переменная вопроса. С этой точки зрения ответы на вопросы, интерпретируемые как (21) или (23), как мы видели выше, не различаются.

С другой стороны, ответ может в большей или меньшей степени идти навстречу прагматическим потребностям спрашивающего. Следует различать то, что спрашивается в узком смысле слова, и то, какой ответ дает собеседник исходя из своей оценки информационной потребности спрашивающего. Так, если посетитель кафе спрашивает у официантки: "Во сколько вы сегодня кончите работу?", а она отвечает: "Муж заедет за мной в одиннадцать", то в таком ответе содержится не только непосредственно запрошенная информация о времени окончания работы (она в данном случае как раз не слишком важна), но и дополнительная информация о наличии мужа, которая в данных обстоятельствах имеет для спрашивающего первостепенное значение. С этой, второй точки зрения, между структурами (21) и (23) можно усмотреть различие.

На вопрос, представленный в виде (21) ('Укажите страны, такие, что...'), вполне естественным ответом можно считать простое задание списка стран, удовлетворяющих данному требованию (например, *Франция, Испания, Турция, Марокко*). Между тем, на вопрос в постановке (23) ('Для каждого человека укажите страны...') скорее следует ответить заданием соответствия между людьми и странами (например,

Аня побывала во Франции и Испании, а Володя - во Франции, Турции и Марокко). Это сближает структуру (23) с вопросами типа (29), с одной стороны, и типа (30), с другой, которые и формально требуют в качестве ответа множества пар вида <человек, страна> [Крейдлин 1983].

(29) *В каких странах побывала Аня и в каких Володя?*

(30) *Кто (и) где побывал?*

Для вопросов типа (20) различается непосредственное содержание вопроса и то, какой ответ на них дает собеседник, желающий быть кооперативным. Строго говоря, в вопросе (20) запрашиваются только страны, но кооперативный отвечающий для удобства спрашивающего может дать в своем ответе больше информации, чем было непосредственно запрошено. Именно по этой причине на вопрос

(31) *Кто из сотрудников института в этом году ездил за границу?*

ответ *Иванов и Петров* будет правильным, но чересчур скудным, в то время как ответ *Иванов ездил в Грецию, а Петров в Венгрию* несколько избыточным, но более кооперативным, поскольку сообщает информацию, по мнению говорящего, релевантную для данной ситуации.

Структура (23) предполагает ответ в виде множества пар не потому, что в ней, как в структуре для (30), содержится два вопросительных оператора (вопросительный оператор в (23) всего один), а в силу стремления отвечающего быть кооперативным. Структуры (21) и (23) различаются именно в том отношении, в какой степени в них запечатлена информационная потребность спрашивающего. Структура (23) в более явном виде, чем (21) (но все-таки в менее явном, чем (30)) подсказывает, что уместный ответ должен содержать информацию не только о посещенных кем-либо странах, но и о том, кто именно из релевантных лиц в какой стране побывал.

Итак, структуры (21) и (23), предложенные выше для вопроса (20), эквивалентны на уровне собственно значения, но, по-видимому, различаются с точки зрения требований ведения кооперативного диалога.

8. Почему же и может осмысляться дизъюнктивно?

Теперь мы можем вернуться к проблеме логико-семантического анализа примеров типа (I), поставленной в самом начале, и объяснить, почему в их логико-семантической структуре союз *и* интерпретируется

с помощью дизъюнкции. При первом, объединительном осмыслении запрос (I) имеет логико-семантическую структуру такого же типа, как и (28) выше:

(1') (?) $(\forall x \in \{\text{генераторы постоянного тока, генераторы переменного тока}\})$ [завод у выпускает x]

Разделительная интерпретация, как мы видели при анализе примера (20), может быть представлена двумя способами — или с помощью квантора общности с широкой сферой действия, или с помощью квантора существования, входящего в сферу действия оператора вопроса, см. соотношение (25). Выбор между этими возможностями может определяться внешними причинами. Например, многие (если не все) формальные языки запросов, применяемые в вопросно-ответных системах и в системах управления базами данных, используют такое представление значения запроса, которое эквивалентно постулированию вопросительного оператора с максимально широкой сферой действия. Так, в языке SQL, имеющем очень широкое распространение в системах управления базами данных, строка SELECT, которая является прямым аналогом вопросительного оператора, всегда помещается в самое начало формального образа запроса. При этих условиях из двух принципиально возможных способов представления разделительного понимания запроса (I) **остается только один** — с квантором существования (или, что то же самое, с дизъюнкцией):

(1'') (?) $(\exists x \in \{\text{генераторы постоянного тока, генераторы переменного тока}\})$ [завод у выпускает x]

Это и является, на наш взгляд, логико-семантическим источником "дизъюнктивной" интерпретации конъюнктивных союзов в вопросительных предложениях.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян и др., 1992 — АПРЕСЯН Ю. Д., БОГУСЛАВСКИЙ И. М., ИЮМДИН Л. Л. и др., *Лингвистический процессор для сложных информационных систем*. М.: Наука, 1992, 256 с.

Белнап, Стил, 1981 — БЕЛНАП Н., Т. СТИЛ, *Логика вопросов и ответов*. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1981.

Богуславский, 1985 — БОГУСЛАВСКИЙ И. М., *Исследования по синтаксической семантике: Сферы действия логических слов*. М.: Наука, 1985.

Богуславский, Цинман, 1990 — БОГУСЛАВСКИЙ И. М., ЦИНМАН Л. Л., *Семантический компонент лингвистического процессора*. — Семiotика и информатика, 1990, вып. 30.

Гладкий, 1979 — ГЛАДКИЙ А. В., *О значении союза или*. — Семiotика и информатика, 1979, вып. 13.

Крейдлин, 1983 — КРЕЙДЛИН Г. Е., *О порядке слов в вопросительных предложениях с несколькими вопросительными словами*. — В кн.: Т. DOBRZYŃSKA, E. JANUS (Ред.), *Tekst i zdanie. Zbiór studiów*. Wrocław — Warszawa, 1983.

Крейдлин, Рахилина 1984 — КРЕЙДЛИН Г. Е., РАХИЛИНА Е. В., *Семантический анализ вопросо-ответных структур со словом какой*. — Изв. ОЛЯ, т.43, № 5, 1984, с. 457 - 470.

Падучева, 1964 — ПАДУЧЕВА Е. В., *Опыт логического анализа значения союза или*. — Научные доклады высшей школы. Фило-софские науки, 1964, № 2.

Падучева, 1985 — ПАДУЧЕВА Е. В., *Высказывание и его соотнесенность с действительностью*. М., 1985.

Рахилина, 1986 — РАХИЛИНА Е. В., *Вопросительные элементы в диалоге "человек — машина"*. Канд. дисс., М., 1986.

Санников, 1985 — САННИКОВ В. З., *Семантика и прагматика союза или*. — Семiotика и информатика, 1985, вып. 24.

Санников, 1989 — САННИКОВ В.З., *Русские сочинительные конструкции. Семантика. Прагматика. Синтаксис*. М.: Наука, 1989.

Хинтикка, 1980 — ХИНТИККА Я., *Логико-эпистемические исследования*. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1980.

Янко, 1987 — ЯНКО Т. Е., *О некоторых соответствиях единиц естественного языка единицам языка запросов информационно-поисковой системы*. — НТИ, сер. 2, № 5, 1987.

McCawley, 1968 — J. D. MCCAWLEY, *The Role of Semantics in a Grammar*. — In: E. BACH and R. T. HARMS (Eds.), *Universals in Linguistic Theory*. N.Y. e. a.: Holt, Rinehart and Winston, Inc., 1968, pp. 124 - 169 [рус. пер.: Новое в зарубежной лингвистике, вып. 10, М.: Прогресс, 1981].

Åqvist, 1971 — L. ÅQVIST, *Revised Foundations for Interrogative Logic*. — Theoria, 1971, vol. 37, pp.33 - 73.

Harris, 1980 — L. HARRIS, *ROBOT: a High Performance Natural Language Interface for Database Query*. — In: L. BOLC (Ed.), *Natural Language Based Computer Systems*. München/Wien, 1980, pp. 285 - 318.

Wierzbicka, 1969 — A. WIERZBIĆKA, *Dociekania semantyczne*. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1969.

В. Б. БОРЩЕВ
(Москва)

SEMANTIC TYPES OF DIMENSIONS

V. B. BORSCHEV
(Moscow)И я выхожу из пространства
В запущенный сад величин
И мнимое рву постоянно
И самосознание причин.

О. Мандельштам

I. Введение

Этот текст — попытка выделения семантических типов для одного очень ограниченного фрагмента языка, имеющего дело с некоторыми обозначениями размера для конкретных предметов: *большой камень*, *тоненькая книжечка* и т.п. О семантике размера писали много, достаточно сослаться на такие работы, как [Sapir 1944; Bierwisch 1967; Wierzbicka 1971; Апресян 1974; Partee 1994]. Для меня исходным импульсом послужила работа Е. В. Рахилиной "Семантика размера" [Рахилина 1995]. Замечу сразу, что ничего принципиально нового о семантике размера по сравнению с работой Рахилиной данный текст не содержит, и при изложении конкретного материала я в какой-то степени повторяю ее описание. Но я смотрю на этот материал в несколько ином аспекте, меня в первую очередь интересуют связанные с размерами типы, т.е. **структуры**, которые мы связываем с такого рода параметрами предметов.¹

Теперь о типах — и прежде всего об общих представлениях о языке, в рамках которых строится эта работа. В самом общем виде я разделяю логический подход к языку, связываемый в первую очередь с именем Р. Монтегю [Montague 1974; Vach 1989]. Основной тезис

¹Когда эта статья уже лежала в редакции, я прочитал очень интересную статью А. И. Журинского [Журинский 1971], о которой я раньше, к сожалению, ничего не знал. Особенно интересными для меня были описываемые в этой статье соотношения между прилагательными размера и восприятием формы.

Монтегю выражен в заголовке одной из его статей — *English as a formal language* [Montague 1970]. Считается, что текст, вернее, его глубинная структура, представляет собой нечто вроде формулы, интерпретируемой на некоторой модели реальности, которую создает наше языковое сознание. Элементы этой модели (реалии, которые описывает текст) и компоненты формулы (соответствующие словам и выражениям текста) принадлежат некоторым **типам**, причем как структура модели, так и правила построения глубинных формул основаны на сочетаемости типов.

Интерпретация — это морфизм глубинной структуры текста в структуру модели. Т.е. элементы (выражения) глубинной структуры текста принадлежат к тем же типам, что и реалии (элементы модели), на которых они интерпретируются. Поверхностная же структура текста отражает его глубинную структуру, поэтому, скажем, сочетаемость слов и выражений поверхностной структуры определяется соотношениями типов соответствующих элементов глубинной структуры. Тем самым, проблема состоит в выявлении типовой структуры реалий в наших моделях реальности.

Монтегю — логик, он строит специальную интенциональную логику и пытается в ее рамках описать основные структуры языка, в частности, существующие в языке типы. Работа Монтегю по-своему замечательна как "действующая модель", методологический образец, отражающий основные черты языка.

Однако структура типов Монтегю, несмотря на все ее богатство (задается исчисление, порождающее бесконечное множество типов), отражает в той или иной мере только соотношение основных категорий языка: объектов, предикатов, функций, кванторные соотношения и т.п. Монтегю не занимается лексической семантикой и типами, связанными со спецификой реалий. Но язык, наше языковое сознание не только расчленяют окружающий нас мир на реалии, грубо говоря, соответствующие конкретной лексике, но также классифицируют и структурируют эти реалии, т.е. как бы накладывают на эти реалии сетку **метаописания**. Это метаописание отражает структуру мира с точки зрения нашего языкового сознания. И эта структура намного богаче тех основных категорий, которые выделяет Монтегю. Так, **предметы** могут состоять из **частей** и входить в состав тех или иных **совокупностей**. У них могут быть **поверхности**, на которых мы можем что-нибудь размещать, и они могут быть **вместилищами**, в которые можно что-нибудь помещать. Они обладают теми или иными **параметрами** и служат для выполнения тех или иных **функций** и т.п. Не менее сложные метаструктуры связаны с **действиями**, **свойствами** и т.д. Место каждой реалии в этой

классификации и вычлененная в ней структура определяют ее семантический тип, точнее, ее типовую характеристику, так как реалья может быть соотносена со многими типами. Так, книга может осознаваться как **совокупность** (книга стихов), как **произведение** (книга Толстого), просто как **предмет** (положить книгу), и т. п.

Типы, выделяемые Монтегю, соответствуют, видимо, "верхним" ярусам классификации, в которую язык помещает конкретные реалии. Следует отметить, что в последнее время идущие от Монтегю исследования по формальной семантике, где понятие типа играет основную роль, сближаются с работами по лексической семантике [Bach 1986; Partee 1994] и выделяют типы, связанные со свойствами конкретных реалий.

Выделение существующих в языке типов должно основываться, конечно, на изучении конкретного материала. И такие исследования активно ведутся, особенно в последнее время. Отмечу только некоторые известные мне отечественные работы. Это монографии [Арутюнова 1988; Вольф 1978; Селиверстова 1982], работы Е. В. Падучевой и ее сотрудников [Падучева 1984; Падучева, Розина 1993; Кустова, Падучева 1994]. Конечно, типы не могут не изучаться в работах по лексической семантике (см. [Апресян 1994]), хотя слово это там может и не встречаться. Изучаются типы и в когнитивной лингвистике (см., например, [Talmy 1983]).

Мой интерес к семантическим типам вызван в основном работами моей жены Л. В. Кнориной [Кнорина 1988, 1993, 1995а; Knorina 1994; Боршев, Кнорина 1990].

Данная работа, как уже было сказано, посвящена типам, связанным с размером. Размеры — это пример **параметров объектов**. Параметры и связанные с ними **шкалы** — одна из важных структур, выделяемых нашим языковым сознанием.

2. Семантика размера

2.1. **Факты — сочетаемость.** Все конкретные предметы обладают размерами — можно говорить об их **величине**, а также, может быть (тут уж все зависит от формы), об их **высоте**, **длине**, **ширине**, **толщине** или **глубине**. Но обозначения соответствующих размеров далеко не свободно сочетаются с именами тех или иных предметов. Так, можно сказать:

большой (очень большой, громадный, небольшой) шар,

— но нельзя сказать:

**высокий (не очень высокий, длинный, широкий) шар*

— и более того, не очень хорошо звучит даже:

**маленький (тем более, крошечный) шар,*

— лучше сказать:

маленький (крошечный) шарик.

Дом может быть *длинным*, но не может быть *коротким*, вряд ли он может быть *широким* или *узким* и заведомо не бывает *толстым*. Про *кружок металла*, по размерам в точности равный *пятаку* (уже вышедшему из употребления, но еще знакомому предмету), можно сказать, что он *средних размеров* и *довольно тонкий*, но так не принято говорить о самом *пятаке*, вернее не принято вообще присовокуплять к *пятаку* какие-нибудь описания его размеров.

Эта несвобода иногда может преодолеваться контекстом. Так, всегда можно сказать: *Представим себе очень большой пятак. Или: В коллекции были большие пятки времен ...*

Читатель и сам легко продолжит этот ряд примеров. Последующий текст представляет собой попытку такие примеры объяснить и структурировать. Сделаю одну оговорку. Простоты ради я буду здесь говорить, в основном, о размерах конкретных предметов (например, *камней, столов, домов* или даже *гор* и т.п.), отвлекаясь от размеров **внутренних помещений** (*комнат, коридоров* и т. п.) или **пространств** (*полей, степей, морей* и т.п.) и не буду рассматривать выражения вида *высокая ветка*, где речь идет о положении предмета в пространстве, а не о его размере.

2.2. **Размер в когнитивном аспекте.** Слово *когнитивный* нынче модно, но в данном случае, оно, вроде бы, по существу. Попытаемся сформулировать в этой когнитивной манере наши языковые представления о размерах предметов. Речь идет, конечно, о "наивной картине мира" в смысле Ю. Д. Апресяна [Апресян 1985]. Эти формулировки, конечно, трудно назвать оригинальными или полными. В то же время, как и всякие "когнитивные" описания, они в той или иной мере спекулятивны. Но их фиксация необходима для дальнейшего.

Начнем с **величины**. По-видимому, с каждым предметом у нас связано представление о его величине. Но говорим мы о величине предмета — что он *большой* (*очень маленький, средних размеров* и т.п.), только если величина подобных предметов не фиксирована (см. приведенный выше пример с *пятак*ом), т. е. если эти предметы могут быть **разными** ("переменными") по величине.

Обозначения размера оценивают эту **разность** с помощью **функции** (или **признака**) **размера**, отображающую предметы на шкалу **величины**. Существует даже две шкалы — **непрерывная** и **дискретная**. Непрерывную шкалу для данного вида предметов, например, для камня, можно представить себе, увеличивая мысленно какой-нибудь конкретный камень до бесконечности или уменьшая его "до нуля", или представив себе совокупность всех на свете камней всех мыслимых размеров. На этой шкале есть естественный **порядок** — отношение **больше** (или **меньше**, в зависимости от "направления"), порядок этот скорее частичный, чем линейный. Есть на этой шкале и **мера**, задаваемая, видимо, законами зрительного восприятия вещей. Мы осознаем, например, что один камень может быть не просто *больше*, но *существенно* (в *несколько раз*) *больше* другого, можем мысленно разделить камень *пополам* и т. п. Впрочем, не вполне ясно и, может быть, не очень существенно с точки зрения языка, как эта мера устроена.

Мы, конечно, умеем сравнивать по величине не только *камни* с *камями*, но и разнородные предметы (хотя чаще сравниваем однородные). Поэтому непрерывная шкала величины каждого вида предметов (*каменей, столов* и т. п. — "индивидуальная" шкала каждого такого вида) является частью всеобщей шкалы величины — шкалы всех возможных предметов всех видов, как "переменных", так и "постоянных". И порядок на каждой индивидуальной шкале индуцируется отношением *больше* на этой всеобщей шкале — одним из основных отношений нашего сознания.

Место предмета на его индивидуальной непрерывной шкале мы оцениваем с помощью набора дискретных обозначений размера: *нормальный, средних размеров, большой, очень большой, гигантский, громадный, необычайно большой, небольшой, маленький, крошечный* и т. п.

Эти дискретные оценки размера формируют дискретную шкалу. Сколько же оценок существует на этой шкале и как они соотносятся? Вряд ли можно сейчас ответить на этот вопрос, нужны специальные исследования. Множество выражений, являющихся обозначениями размера, потенциально бесконечно. Но, может быть, стоит различать сами оценки и их, так сказать, "поверхностное выражение", и разным

выражениям — разным обозначениям размера — не обязательно соответствуют разные оценки. Так, *громадный* и *колоссальный* — это, скорее всего, одна и та же оценка величины, что-то вроде *очень-очень большой*, только эти слова несут разные ассоциации. Оценка *нормальный* чаще всего опускается, соответствующие ей выражения типа упоминавшегося уже *средних размеров* употребляются редко. Наверное, основные оценки — это *нормальный, большой* (т. е. "больше нормы") и *маленький* (*меньше нормы*) — см. [Wierzbicka 1971], а остальные оценки получаются из последних двух с помощью модификаторов *очень, довольно* и т. д. и отрицания *не*.² Очевидно, что разные оценки упорядочены, по крайней мере частично. Любопытно, что Ньютон в своей работе "Об универсальном языке" для производных шкал (так сказать, для любой степени любого свойства, не только для размера) выделял очень подробный набор значений: *infinitely much, exceeding much, very much, indifferently, not much, verging from mediocrity toward either extreme, exceeding little, very little, etc.* [Ньютон 1988], см. также [Кнорина 19956]. На первый взгляд его шкала представляется чересчур подробной, но, видимо, шкала величины, существующая в нашем языковом сознании, содержит не так уж мало значений, и скорее всего почти все ньютонские значения в ней присутствуют.

А. Вежица замечает, что дискретная шкала (как величины, так и конкретных ее измерений) не вполне симметрична, и эта ее асимметрия антропоцентрична. Но я не буду здесь обсуждать эти особенности шкал.

Дискретная шкала величины (т. е. набор оценок), конечно, едина для всех видов предметов. Но как она соотносится с непрерывными шкалами разных предметов? Очевидно, что это соотношение индивидуально для каждого вида предметов. *Большой дом* и *большой камень* — это предметы разных размеров, *большой камень* обычно меньше *маленького дома*. По-видимому, каждому из таких слов-оценок соответствует какая-то зона на индивидуальной непрерывной шкале величины каждого предмета. Скажем, на непрерывной шкале для *камня* оценке *большой* соответствует совокупность размеров *каменей*, которые мы склонны считать большими в каждой конкретной ситуации. Но даже в конкретной ситуации в соотношении зон и дискретных оценок вряд ли есть какая-то точность. Скорее, каждый раз, оценивая величину предмета, мы принимаем решение — к ка-

²М. В. Хомякову принадлежит замечание, что дискретная шкала в чем-то аналогична алгебре с оценками-константами (*нормальный, большой* и т.д.) и операциями (*очень, не* и т. п.).

кому дискретному значению шкалы его отнести (конечно, это решение не совсем произвольно и разные носители языка в сходных ситуациях принимают сходные решения).

Можно предположить, что для многих предметов "проекция" дискретной шкалы на непрерывную (соотношение оценок и зон) почти не меняется от ситуации к ситуации (скажем, *дом* или *дерево*, которые мы считаем *большими* в одной ситуации, будут *большими* и в большинстве других). Но возможна и другая точка зрения. Можно считать, что, вообще говоря, каждая ситуация задает свою "меру вещей", свою проекцию дискретной шкалы на непрерывную шкалу данного предмета (см. ниже пример (1), но для некоторых видов предметов набор ситуаций не слишком разнообразен.³

Отображения дискретной шкалы на непрерывные шкалы разных предметов естественным образом соотносятся — с точки зрения меры — меняется только масштаб.

Выше, при описании непрерывной шкалы, утверждалось, что предмет можно мысленно уменьшать до "нулевых" размеров и увеличивать до бесконечности. Но если для некоторых предметов такую трансформацию действительно можно себе представить, то для большей части предметов она невозможна в полной мере, для них и непрерывная шкала, и набор дискретных оценок в той или иной степени ущербны. Так, в нормальном контексте (как "текстовом", так и в "жизненном", т. е. в "стандартной" реальности) не бывает *очень маленьких (крошечных) башен*, а также *гигантских кресел, карандашей* и т. п. (их можно себе представить и даже изготовить для каких-то специальных целей, но это уже будут, по сути дела, предметы другого вида). Т. е. некоторые предметы не выдерживают трансформаций увеличения или уменьшения и на каком-то этапе такой трансформации перестают быть "самими собой". Существуют уже отмечавшиеся промежуточные случаи — и мы говорим *маленький домик* или *небольшая (игрушечная) башенка*, отмечая, что соответствующий предмет уже как бы не совсем настоящий.

³Описывая семантику слов-оценок (и выражений), иногда говорят, что их значение размыто (*fuzzy, vague*, последнее слово употребляется, например, в [Partee 1994]). Как уже говорилось, эта размытость существует и внутри данной ситуации, когда мы решаем, какую дискретную оценку дать, например, величине какого-нибудь объекта, и тем более при переходе от одной ситуации к другой. Но этот механизм соотношения дискретных оценок и зон непрерывной шкалы, на мой взгляд, не лингвистический, в том смысле, что не стоит пытаться описывать его в лингвистике.

Конкретные измерения. Если *величина* — понятие, грубо говоря, универсальное, в том смысле, что можно говорить о величине любых предметов, то о конкретных измерениях этой величины — *высоте, длине, ширине, толщине* или *глубине* — уже можно говорить только при условии, что предмет обладает соответствующей *формой* (а иногда, как в случае с *высотой* и *глубиной*, еще и соответствующим образом *расположен в пространстве*).

Высота. Как известно, можно говорить о *высоте* предметов, только если они стоят на земле, на полу или другой горизонтальной поверхности или к этой поверхности жестко прикреплены. При этом предметы эти должны быть достаточно высоки по сравнению с другими их размерами. Более того, высота этих предметов (физическая, которая всегда существует, а не "языковая") не должна быть вычислима (например, в силу симметрии) по другим их параметрам (по этой причине мы предпочитаем не говорить о высоте *шара* или *куба*, а говорим, скорее, о *диаметре* или *стороне*).

Длина. О *длине* предметов можно говорить, только если они, так сказать, достаточно продолговаты, и то только тогда, когда эта длина не является их *высотой*. Обладающие длиной предметы не обязательно закреплены в пространстве. Типичные образцы предметов, обладающих длиной — это палки, веревки, просто линии (может быть, предмет обладает длиной, если его в каком-то смысле можно отождествить с линией и можно мысленно двигаться вдоль этой линии).

Ширина. Шириной, по-видимому, обладают плоские предметы, длинные или высокие (высокие, если они не длинные, и длинные, если они не обладают высотой). Ширина перпендикулярна длине или высоте. Иногда существенно и положение предмета в пространстве, а также относительно наблюдателя (о ширине "фасадов" см., например, [Журицкий 1971]). Шириной обладают так же отверстия (дыры). Причем не ясно (мне), называется ли этим одним словом одно и то же свойство (для дыр и предметов), или это два разных (хотя и близких) свойства (скажем, для пятна той же формы, что и дыра, назовем ли мы то же измерение шириной?).

Толщина. Толщиной обладают *слои* (или отождествляемые с ними вещи — виды одежды и т. п.), плоские и достаточно тонкие предметы, а также обладающие длиной предметы типа палок, веревок или линий. Могут быть толстыми или тощими люди, животные и их

части — животы, носы и т.п. Опять же не очень ясно, сколько различных классов (свойств) скрывается за этим словом.

Глубина. Глубиной, видимо, обладают некоторые сосуды (вместилца) и углубления (но не на всех поверхностях, не знаю, насколько естественно говорить о глубине впадин на потолке). По-видимому, нечто обладает **глубиной**, если туда можно что-нибудь **погрузить**. Можно говорить о глубине некоторых **слов** (снега, песка), если мы в эти слои проникаем.

Другие формы и размеры. Существуют, наверное, и другие формы, для которых в языке есть свои размеры. Так, про уже упоминавшиеся симметричные тела и фигуры говорят, упоминая какой-нибудь "базисный" размер, например, *диаметр для шара* или того же *пятка*, или что-нибудь более житейское, типа *в поперечнике*. Оценки *крупный* и *мелкий* относятся, прежде всего, к совокупностям однородных предметов (хотя могут относиться и к отдельным экземплярам).

Приведенные выше описания в какой-то мере тавтологичны (утрируя, можно сказать, что предметы обладают **высотой**, **длиной** и т. д., если мы причисляем их к **вертикальным**, **продолговатым** и т. п. классам вещей). Но основная цель этих описаний в том и состоит, чтобы подчеркнуть эту банальность — наше языковое сознание выделяет классы предметов, обладающих высотой, длиной и т. д. (или, что то же самое, выделяет предметы, обладающие этими свойствами). По каким причинам, по каким признакам мы относим предметы к соответствующим классам — это другая (и подлинно когнитивная) задача, которой я здесь, конечно, всерьез не занимаюсь, и приведенные выше описания ее только обозначают. Ее решение, т. е. детальное описание когнитивной структуры предметов, относимых к этим классам, могло бы прояснить метафоры, связанные с теми или иными измерениями (почему, например, *характер* бывает *широким*, а *исследование* — *глубоким*). Или наоборот, осмысление соответствующих метафор поможет понять эту структуру.

Функции размеров и шкалы. Точно так же, как и для **величины**, в нашем сознании существуют, видимо, "всеобщие" непрерывные шкалы **высоты**, **длины** и т. п. — мы можем сравнивать самые разные предметы по этим измерениям. Более того, для конкретных измерений порядок на этих шкалах линсен, и шкалы могут быть так или иначе проградуированы. Но как и о **величине**, так и о **высоте**, **длине** и т. п. мы говорим тогда, когда для данного вида

предметов эти свойства **переменны**. И каждому виду таких "переменных" по соответствующему признаку предметов соответствует "индивидуальная" непрерывная шкала его размера (по данному признаку).

Дискретные шкалы по отдельным измерениям аналогичны дискретной шкале величины. И функция размера для каждого конкретного измерения принимает значения на этих шкалах и, тем самым, на непрерывной шкале каждого вида предмета, с которой индивидуальным образом соотносится дискретная шкала. Но, может быть, для некоторых измерений (скажем, для толщины) дискретные шкалы менее подробны (содержат меньше дискретных значений). Шкалы для отдельных видов предметов могут быть ущербны (как уже говорилось выше, *дом* вряд ли может быть *коротким*, а *низким* или *низеньким*, скорее, будет *домик*).

Но в общих чертах все эти шкалы устроены одинаково. Поэтому естественно согласиться с Ньютоном и предположить, что в сознании нашем существует единая прототипическая шкала свойства с некоторым набором дискретных оценок, а все конкретные шкалы являются ее частными случаями.

Усложнения. Рассмотрим более сложные случаи. Начнем с примеров. Они, в основном, заимствованы из статьи [Partee 1994].

- (1) a. *My two-year-old son built a really tall snowman yesterday.*
b. *The D. U. fraternity brothers built a really tall snowman last weekend.*
- (2) a. *Bobo is a midget giant.*
b. *Bobo is a giant midget.*
- (3) Одно и то же здание может быть названо *высоким домом* и *небольшим небоскребом*.
- (4) a. *Win is a tall 14-year-old.*
b. *Win is a basketball player.*

c. ^{??}*Therefore Win is a tall basketball player.*

- (5) *Низкий забор* может быть *высоким барьером* для собаки или лошади.

(1). Этот случай естественно назвать вторичным масштабированием (recalibration, см. [Partee 1994]). Уже говорилось о том, что шкала размеров индивидуальна для каждого предмета. Иногда удобно считать, что индивидуальное соотношение дискретной шкалы с непрерывной для каждого вида предметов получается масштабированием такого соотношения для некоторой прототипической шкалы размеров. Но в данном случае (и ему подобных) происходит как бы вторичное масштабирование. "Обычная" шкала величины для снежной бабы преобразуется в шкалу величины этой снежной бабы для мальчика, соотносимую с его ростом и т. п., просто с ним, с тем, что для него является большим. Аналогичным образом меняется шкала и для гигантских снежных баб, сооружаемых студентами. В [Partee 1994] это (и подобные вещи) называется Context-Dependence.

(2). Слово *гигант* в применении к людям имеет типовую структуру: *очень высокий человек* (или *очень большой*, в данном случае это несущественно), аналогично, *карлик* — *очень низкий (низкого роста) человек*. Но каждому такому понятию, воспринимаемому как нечто целое (с уже "упакованным" размером), сопоставляется уже новая шкала величины (или высоты). И *карликовый* или *гигантский* — это уже значения на таких новых шкалах. Невозможность *гигантского гиганта* или *карликового карлика* объясняется уже стилистическими соображениями.

(3). Этот пример аналогичен предыдущему. Добавляется то, что один и тот же предмет может быть назван по-разному. Из этого следует, что мы говорим о размере предмета в том качестве, в котором он назван, в соответствии с тем, как мы его воспринимаем. И каждому восприятию соответствует своя шкала.

(4) и (5). Неправомoрность вывода (4) и два названия одного и того же предмета в (5). Тут к тому, что уже было сказано по поводу примера (3), добавляются разные способы номинации. Связь семантики определений и различных способов номинации — тема чрезвычайно интересная, но она требует специального исследования. Я здесь буду рассматривать только сочетания определений размера с именами предметов, соответствующими, так сказать, их непосредственному чувственному восприятию (в отличие от функциональных или ролевых имен).

2.3. Семантические типы размера. Какие же типы связаны с размером и как эти типы управляют сочетаемостью, в частности, объясняют те ограничения на сочетаемость, о которых говорилось выше? Попробуем описать их, пользуясь приведенным выше фрагментом "когнитивной картины мира".

Начнем с примера — того же *камня*. *Камень* (как и всякий конкретный предмет) относится к классу предметов, обладающих величиной, и, более того, к подклассу предметов с переменной величиной. У него своя индивидуальная шкала величины. По-видимому, эта шкала содержит весь диапазон дискретных оценок величины, но, может быть, оценки "маленьких размеров" относятся уже не к *камню*, а к производному понятию *камешек*, так сказать, семантическому диминутиву, но об этом чуть позже.

Для сочетаемости слова *камень* с обозначениями размера существенны именно принадлежность его к классу переменных по величине предметов и вид дискретной шкалы величины, на которой принимает значения функция размера. Наверное, в первом приближении можно принять, что эта пара — соответствующий класс и функция размера с фиксированной шкалой — определяют семантический тип *камня* с точки зрения его *величины*. Конечно, к этому типу относятся и другие реалии. А *камень* можно соотносить и с другими типами размера — он, наверно, может быть и *высоким*, и *длинным*, и *широким*.

Слова *большой*, *маленький* и подобные им обозначения величины соотносены с соответствующими оценками на дискретной шкале величины.

Выражение *большой камень* будет правильным (с точки зрения глубинного, **типового** синтаксиса), так как оценка, соответствующая слову *большой*, принадлежит дискретной шкале *камня*. Тип выражения *большой камень* — это уже тип предметов "постоянной" величины (поэтому, в частности, с этим выражением уже не могут сочетаться другие обозначения величины).

Мы, таким образом, имеем дело с тремя типами — типом предмета, типом оценки (соответствующей тому или иному обозначению размера), и так сказать, типом сочетания: <има предмета> <обозначение оценки>.

Если шкала для *башни* дефектна и не содержит оценки *маленький* (точнее, оценки, соответствующей слову *маленький*), то выражение *маленькая башня* уже не будет правильным (опять же, с точки зрения глубинного синтаксиса). А дискретная шкала величины таких предметов, как *камень* или *дерево* может быть соотносена с "рекомендательной" диминутивной функцией, переводящей для оценок *маленький*, *очень маленький* и т. д. соответствующие виды предметов в производные от них виды предметов — диминутивы. Тогда выражения *крошечное дерево*, *маленький камешек* будут предпочитаться выражениям *крошечное дерево* и *маленький камень*.

Типы для других измерений строятся аналогичным образом. Шкала *длины* для *дома* может не содержать оценки *короткий*, и выражение *короткий дом* не будет правильным.

Несколько замечаний к приведенному выше описанию типов:

1. Я сознательно не занимался здесь формализмом, хотя можно было бы пытаться строить его на языке формальной семантики. Но может быть, стоит с этим повременить и продолжать изучать и осмысливать материал. Степень точности описания должна, по-видимому, соответствовать степени понимания.

2. Типы, как и всякая классификация, существуют в какой-то мере независимо от классифицируемых объектов. Относится ли конкретная реалия к тому или иному типу — решает носитель языка в той или иной ситуации. Например, если стандартный лист писчей бумаги лежит на столе, то один его размер естественно назвать *длинной*, а другой — *шириной*. Но если мы читаем текст, напечатанный на этом листе, то *длина* листа перестанет быть *длинной*, недаром мы в тексте делаем ссылки на то, что *выше* или *ниже*. Точно также *широкий диван* может превратиться в *короткую постель* и т. п. Конечно, принимаемые нами решения такого рода в большинстве "стандартных" ситуаций предопределены коллективной языковой практикой. Но всегда остается свободная зона решений, принимаемых в момент речи. Не совсем обычное типовое соотношение может подкрепляться соответствующим контекстом.

3. Шкалы и связанные с ними метафоры.

Размер — это, конечно, только один из примеров использования шкал в языке (хотя, в каком-то смысле, основной пример). Многие другие шкалы устроены аналогично шкалам размеров.

Часть дискретных шкал используют собственные обозначения оценок, другие пользуются "чужими", в частности, оценками размеров.

Часть таких "заимствований" воспринимается как метафоры — *большой ученый*, *узкий специалист*, *глубокое исследование*, *высокий авторитет*. Другие — *большой урожай*, *небольшой завод*, *маленький коллектив* — обычно не считаются метафорами, хотя используемые оценки не относятся к собственно физическим размерам соответствующих объектов (или относятся не только к физическим размерам), и можно встать на ту точку зрения, что их "расширительное" толкование осуществляется тем же механизмом переноса значений, что и

в метафорах. Этот механизм — механизм образования метафор — в значительной мере использует типовую структуру соответствующих реалий.

Во всякой метафоре мы как бы накладываем одну реалию на другую, совмещая их типовые структуры (такое наложение является **морфизмом** этих типовых структур).

Так, в *большом* *ученом* нас интересует место этого ученого на шкале "учености", точнее, на шкале "качества" ученого. Вместо этого мы пользуемся шкалой величины, отображая ее оценки на оценки качества ученого. Можно считать, что мы обобщаем эту шкалу до прототипической шкалы степени любого свойства (и поступаем так же, говоря *большой завод*, *большой авторитет*, *большой скандал* и т. д.).

Использование шкал объясняет выбор оценок, но не объясняет выбора в метафорах **типа** самой шкалы для характеристики того или иного свойства (величины, высоты, ширины и т. д.). Важны, по-видимому, какие-то типовые характеристики и ассоциации, связанные в нашем сознании с соответствующими классами (высоких, продолговатых, широких/узких и т. п. предметов). Так, можно предположить, что шкала **величины** — самая нейтральная, лишняя специфики формы, и она ассоциируется у нас с абстрактными понятиями объема, количества и т. п., что *длина* отождествляется с протяженностью, с линией и отрезками на ней. А, скажем, в метафоре *широкий/узкий специалист* этот специалист (точнее, его умения, знания или другие качества, которые должны быть присущи специалисту) как бы отождествляется с "полосой" на всей "поверхности" этих качеств (с тем, какую долю этой поверхности эта полоса занимает). В то же время *широкая натура*, *широкий характер* используют, видимо, другие ассоциации, связанные с нашими представлениями о ширине.

Для понимания структуры метафор естественно пользоваться самими метафорами, в частности, метафорически толковать понятия **аксиоматизации** в математике. Математик, извлекая из "чувственных" представлений о плоскости, о прямой и т. п. их формальную структуру, отбрасывает эти чувственные образы, заменяя их соответствующей аксиоматикой, и применяет потом такого рода структуры для описания других объектов. Так и мы, пользуясь метафорами, извлекаем из одних реалий их структуру и "аксиоматику" и используем их для описания других реалий. И как в математике один и тот же объект может быть описан разными системами аксиом, так и разные метафоры могут извлекать из одной и той же реалии разные типовые структуры.

Метафоры можно классифицировать по степени освоенности этой аксиоматики. Так, в простых метафорах размера, таких, как *большой ученый* или *длинный день*, эта аксиоматика как бы известна заранее, до рождения метафор. Но уже в *сети дорог* осознание *сети*, как топологической структуры, выявляемой в *рыбацких* (или каких-то других) *сетях*, произошло, видимо, в момент рождения метафоры, а затем уже выявленная аксиоматика штамповалась в других аналогичных метафорах — *электрические, локальные* и прочие *сети*. А вот *озера глаз* задают, видимо, только сходство "непрерывных" образов, содержащиеся в них "дискретные" элементы сопоставляемых типовых структур — *глубина, голубизна, контур глаза как берег озера* и т. п. — выделяются при прочтении уже индивидуально, каждым читателем по-своему.

Но вернемся к размеру. Изучение метафор размера могло бы помочь в выявлении характеристик и ассоциаций, связанных с соответствующими классами, с "аксиоматикой" этих классов. Интересно было бы понять, существует ли (в нашем сознании) какой-то ограниченный набор "пространственных" характеристик этих классов, объясняющий (классифицирующий) все метафоры такого рода.

Благодарности. Я признателен Е. В. Падучевой, Барбаре Х. Парти, Н. В. Перцову, Е. В. Рахилиной, Р. И. Розиной и Т. Е. Янко, которые прочли этот текст и замечания которых способствовали его существенной переработке. Е. В. Падучева, естественно, не подозревала, для какого издания он готовится.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1974 — АПРЕСЯН Ю. Д., *Лексическая семантика*. М.: Наука, 1974.
- Апресян 1985 — АПРЕСЯН Ю. Д., *Личная сфера говорящего и наивная модель мира*. — В кн.: *Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Школа-семинар "Кутаиси-1985". Тезисы докладов и сообщений*. М., с. 263 - 268.
- Апресян 1994 — АПРЕСЯН Ю. Д., *О языке толкований и семантических примитивах*. — Изв. РАН. Сер. лит. и яз., 1994, т. 53, № 4, с. 27 - 39.
- Арутюнова 1988 — АРУТЮНОВА Н. Д., *Типы языковых значений*. М.: Наука, 1988.
- Борщев, Кнорина 1990 — БОРЩЕВ В. Б., КНОРИНА Л. В., *Типы реалий и их языковое восприятие*. — В кн.: *Вопросы кибернетики ("Язык логики и логика языка")*. М., 1990, с. 106 - 134.

Вольф 1978 — ВОЛЬФ Е. М., *Грамматика и семантика прилагательного*. М.: Наука, 1978.

Журинский 1971 — ЖУРИНСКИЙ А. И., *Семантическая структура пространственных прилагательных*. — В кн.: *Семантическая структура слова*. М.: Наука, 1971, с. 96 - 124.

Кнорина 1988 — КНОРИНА Л. В., *Классификация лексики и словарные дефиниции*. — В кн.: *Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре*. М., 1988, с. 60 - 63.

Кнорина 1993 — КНОРИНА Л. В., *Металексика и ситуативная классификация действий в тексте*. — Научно-техническая информация, сер. 2, 1993, № 3, с. 17 - 19.

Кнорина 1995a — КНОРИНА Л. В., *Металексика: попытка выделения*. — В кн.: *Лингвистика на исходе XX века. Тезисы международной конференции*. Т. 1, М.: МГУ, 1995, с. 228 - 230.

Кнорина 1995b — КНОРИНА Л. В., *Природа языка в лингвоконструировании XVII века*. — Вопросы языкознания, 1995, № 2.

Ньютон 1988 — НЬЮТОН И., *Об универсальном языке (перевод, послесловие и комментарии Л. В. Кнориной)*. — Семиотика и информатика, вып. 28, 1988, с. 122 - 158.

Кустова, Падучева 1994 — КУСТОВА Г. И., ПАДУЧЕВА Е. В., *Словарь как лексическая база данных*. — Вопросы языкознания, 1994, № 4, с. 96 - 106.

Падучева 1985 — ПАДУЧЕВА Е. В., *Семантические типы ситуаций и значение всегда*. — Семиотика и информатика, 1985, вып. 24, с. 96 - 116.

Падучева, Розина 1993 — ПАДУЧЕВА Е. В., РОЗИНА Р. И., *Семантический класс глаголов полного охвата: толкование и лексико-семантические свойства*. — Вопросы языкознания, 1993, № 6, с. 5 - 16.

Рахилина 1995 — РАХИЛИНА Е. В., *Семантика размера*. — Семиотика и информатика, 1995, вып. 34, с. 58 - 81.

Селиверстова 1982 — СЕЛИВЕРСТОВА О. Н. (ред.), *Семантические типы предикатов*. М.: Наука, 1982.

Bach 1986 — BACH E., *Natural language metaphysics*. In: Barcan MARCUS et al. (Eds.), *Logic, Methodology and Philosophy of Science, VII*. Elsevier Publ., 1986, 573 - 595.

Bach 1989 — BACH E., *Informal Lectures on Formal Semantics*. State University of New York Press, 1989.

Bierwisch 1967 — BIERWISCH M., *Some semantic universals of German adjectivals*. — Foundations of language, 1967, v. 3, No. 1, p. 1 - 36.

Knorina 1994 — КНОРИНА Л. В., *The range of biblical metaphors in*

smikhut. (Unpublished).

Montague 1970 — MONTAGUE R., *English as a Formal Language*. — In: VISENTINI et al. (Eds.), *Linguaggi nella società e nella tecnica*. Milano: Edizioni di Comunità, 1970, p. 189 - 224.

Montague 1974 — MONTAGUE R., *Formal Philosophy*. New Haven, Connecticut: Yale University Press, 1974.

Partee 1994 — PARTEE B. H., *Lexical Semantics and Compositionality*. — To appear in: OSHERSON D. (Gen. Ed.), GLEITMAN L., LIBERMAN M. (Eds.), *Invitation to Cognitive Science. Part I: Language*. Second edition. MIT Press.

Sapir 1944 — SAPIR E., *Grading, a study in semantics*. — Philosophy of Science, 1944, vol. 11, No. 2, p. 93 - 116 (русский перевод: СЕПИР Э., *Градуирование. Семантическое исследование*. — В кн.: *Новое в зарубежной лингвистике, вып. XVI*. М.: "Прогресс", 1985, с. 43 - 78).

Talmy 1983 — TALMY L., *How Language Structures Space*. — In: PICK H., ACREDOLA L. (Eds.), *Spatial Orientation: Theory, Research, and Application, vol. 3 (Grammatical Categories and Lexicon)*. Cambridge University Press, 1983.

Wierzbicka 1971 — WIERZBIЦКА A., *Porównanie — Gradacja — Metafora*. — Pamiętnik literacki, 1971, LXII, № 4 (русский перевод: ВЕЖБИЦКАЯ А., *Сравнение — градация — метафора*. — В кн.: *Теория метафоры*, М.: "Прогресс", 1990, с. 133 - 152).

ЕЛЕНЕ ВИКТОРОВНЕ ПАДУЧЕВОЙ

Т. В. БУЛЫГИНА, А. Д. ШМЕЛЕВ

На мотив песни В. Высоцкого "Утренняя гимнастика"

Вырос класс лингвистов в мире,	Изучайте до упаду
стал и выше он и шире ¹	вы труды Елены Паду-
сильно возрастает конкуренция.	чевой и не будьте, люди, хмурыми.
Знают дети во дворе	Если в том, что вы прочли,
про de dicto и de re ²	что-то вы понять смогли,
потому что в моде ре-	занимайтесь впредь импли-
ференция ³	катурами ⁴ .
Все знакомы непременно	Если ж ВыПАДЕт УДАЧа
с денотатом переменной ⁴	и В Походе иЛЬ НА ДАЧЕ ⁷
и понятен всем ⁵ язык дескрипторный,	ты услышишь Падучевой пение,
и лежат по всей земле	то крича со всеми: "Бис!", -
у лингвистов на столе	на ее ж пример сошлись ⁸ -
книги и труды Еле-	мол, великолепно ис-
ны Викторны.	полнение.

¹ О неоднозначности слова *класс* и связанных с этим особенностях его сочетаемости см. существующие толковые словари русского языка.

² См. описание этого противопоставления в работе [Падучева 1983].

³ В особенности после исследований Е. В. Падучевой.

⁴ См. [Падучева 1979].

⁵ Кто знаком с изданиями ВИННИТИ.

⁶ См., в частности, [Падучева 1985: 42-47].

⁷ Стихотворение сочинено в преддверие похода на дачу в Абрамцево в честь юбилея Е. В. Падучевой в 1985 г. Отметим, что в указанных двух строчках анаграммируется некоторое имя собственное.

⁸ См. [Падучева 1974: 205].

НЕСПЕЦИФИЦИРОВАННЫЙ ПОЛ И СОГЛАСОВАНИЕ ПРИ АНАФОРЕ¹

Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев
(Москва)

UNSPECIFIED GENDER AND ANAPHORIC AGREEMENT

T. V. BULYGINA, A. D. SHMELEV
(Moscow)

При выборе рода анафорического выражения в случае референции к лицу возможны две стратегии: род может определяться родом antecedента (выбор "по форме") или полом референта (выбор "по содержанию")², ср.: *Можно упрекнуть диссертанта за то, что он не включил в работу указатель проанализированных лексем* (выбирается местоимение *он*, несмотря на то, что диссертант — женщина) vs. *Я был у врача, и она мне сказала, что ...* (выбор местоимения *она* обусловлен полом врача).

При этом для языков типа английского, в которых в качестве стандартного средства референции к лицу используются существительные "общего рода" (*I had a conversation with the secretary, and she advised me that ...* или *he advised me that ...* — в зависимости от пола секретаря), нормальным является согласование "по содержанию". В то же время в русском языке в некоторых случаях единственно возможным оказывается согласование "по форме", хотя говорящий может испытывать определенный дискомфорт при использовании анафорического выражения. Показательны затруднения Виктора Некрасова при повторной референции к Анне Самойловне (Асе) Берзер, которую он попытался защитить от нападок В. Лакина, обвинившего ее в нежелательности к Твардовскому: *Я похолодел, прочитав такое. Ведь сказано это о человеке, для которого ... Твардовский <был> кумиром, несмотря на все его слабости и незаслуженно прохладное отношение к нему, т. е. к Асе.*

Особую проблему представляет выбор анафорического выражения в тех случаях, когда пол референта не специфицирован, т.е. при ат-

¹Работа выполнена в рамках проекта "Субъективность в грамматике", поддержанного Российским гуманитарным научным фондом (Проект № 94 06 19717).

²О согласовании "по форме" и "по содержанию" ср., в частности, [Падучева 1985: 99].

рибутивной определенной (в смысле К. Доннеллана), общеродовой, нефиксированной неопределенной или даже фиксированной неопределенной референции (ср. *Кто-то постучал в дверь. Я открыл стучавшему <стучавшей?>*). Здесь согласование "по содержанию", как правило, вообще оказывается невозможным. Согласование же "по форме" связано с некоторыми проблемами, внимание к которым было вновь привлечено в связи с феминистическим движением.

В большинстве европейских языков традиционным немаркированным способом оформления анафорического выражения при неспецифицированном поле референта (в частности при коассигнации³) является выбор мужского рода, ср., напр.: *God has no pleasure in the death of a sinner, but rather that he should turn from his wickedness and live; If you feel your intellectual superiority to anyone with whom you are conversing, do not seek to bear him down; Каждый человек хочет, чтобы его уважали.* В английском языке при общеродовом antecedенте иногда используется местоимение *they*, но такое употребление считается ненормативным. Ср. рекомендацию одного из пособий по культуре речи: *"Let each esteem others as good as themselves", should be, "Let each esteem others as good as himself".*

Но представители феминистического движения (феминисты? феминистки?) возражают против использования форм мужского рода в подобных случаях, видя в этом проявление сексизма и мужского шовинизма. Всевозможные "Guidelines for non-sexist usage" рекомендуют при референции к лицу, пол которого не специфицирован, использовать форму *he or she* (на письме иногда *s/he*), а наиболее "экстремистски" настроенные феминистки для компенсации "вековой несправедливости" выбирают форму *she*. Так, именно местоимение *she* последовательно используется в книге Миры Ариел "Accessing to noun phrases antecedents" при анафоре к таким существительным, как *speaker* или *linguist* в родовом употреблении; если же она цитирует работу, в которой для анафоры к таким словам используется традиционный способ, т.е. местоимение *he*, то делает вид, что интерпретирует соответствующее утверждение как относящееся только к мужчинам, используя уточнение в скобках: напр., *the [male] speaker* и т.п. Впрочем, такое употребление все же является довольно экзотическим. Однако использование анафорического выражения *s/he* является почти общепринятым, так что мы можем констатировать, что феминистам удалось "обогатить" систему анафорических

³Термин "коассигнация" был введен в русский лингвистический обиход Е. В. Падучевой со ссылкой на [Evans 1977] (см. [Падучева 1979]).

местоимений английского языка, введя в нее дополнительный элемент. Лишь немногие в настоящее время решаются использовать более традиционный способ анафоры, нередко испытывая при этом колебания: ср. замечания А. Вежбицкой, которая в книге "Speech Acts" нередко использует местоимение *he* при анафоре к общеродовому *speaker*: "To begin with a matter of phrasing, I regret that it wasn't possible to avoid the frequent use of the generic pronoun *he* to refer to an unspecified person. I would have preferred to use the neutral form *they*, and other similar solutions. Given the nature of the present work, however, where the unspecified speaker and the unspecified addressee have to be referred to all the time, and where the language of the explications has to be unconventional and hard to process anyway, I saw the use of *he* in the generic sense as preferable to its consistent replacement with more clumsy substitutes" [1987: 30]. Впрочем, в этой же книге она прибегает и к использованию выражения *he or she*.

Для русского языка характерна иная ситуация, делающая невозможным последовательное использование "нейтрального" анафорического обозначения лица, неспецифицированного в отношении пола. Дело в том, что основное средство референции к лицу, неспецифицированному по полу, в русском языке — это не слова общего рода, а существительные мужского рода, нейтральные в отношении признака 'пол', такие, как *человек, говорящий, лингвист* и т. д. Поскольку для русского языка характерно "согласование по форме", нейтральный способ обозначения часто оказывается невозможным не только в силу "неуклюжести", но и просто в соответствии с требованиями грамматической правильности: ср. *Каждый человек хочет, чтобы его уважали*, но не **Каждый человек хочет, чтобы его или ее уважали*. Ср. также: *Каждый человек имеет право на счастье. И если он будет счастлив, живишь (или выйдя замуж), никто не вправе ему мешать* (из телепередачи, 11 апреля 1995 г.). По-видимому, можно согласиться с Е. А. Земской, М. В. Китайгородской и Н.Н.Розановой, заметившими по аналогичному поводу, что "подобные факты ... не свидетельствуют о неравноправном положении женщин и не ведут к их дискриминации" [1993: 94].

С другой стороны, вновь пробудившийся интерес к указанной проблематике привлекает внимание к собственно языковым явлениям, к некоторым особенностям согласования в русском языке, ранее оставшимся вне поля зрения исследователей и, как кажется, представляющим независимый лингвистический интерес.

В частности, к недостаточному исследованному вопросам согласования в русском языке относится вопрос о согласовательных свойствах (грамматическом роде) синтаксических нулей. К числу синтаксических

нулевых элементов, входящих в местоименную систему русского языка, относится, в частности, местоимение *Ø/ты* [Булыгина, Шмелев 1990; 1992]. Это местоимение имеет как нулевой вариант, так и нулевой вариант, омонимичный местоимению 2-го лица единственного форм *ты*, и при согласовании оно требует тех же личных глагольных форм, что и *ты*⁴. Это местоимение обозначает находящегося в фокусе эмпатии протагониста некоторой переменной ситуации, причем пол референта может быть как неспецифицирован, так и специфицирован (последнее — когда речь идет об обобщении личного опыта некоторого индивида, как правило — говорящего).

Интерес представляют особенности этого местоимения с точки зрения согласования с ним по роду. В [Булыгина, Шмелев 1990] отметили, что при неспецифицированном поле или специфицированном мужском поле референта выбирается мужской род, а когда обобщается личный опыт лица женского пола возможно согласование как в мужском, так и женском роде. Отметим, что мужской род и в этом случае встречается чаще, хотя иногда такое согласование приводит к непривычным сочетаниям типа *родился девочкой или вышел замуж*. Ср.: *Глядя на другого, ясно понимаешь, до чего же изменился сам, и сразу с ходу начинаешь утешительную работу ("Да не так уж... Я б вас сразу узнала!")* (Н. Ильина) [женский род в *Я б вас сразу узнала!* ясно показывает, что в фокусе эмпатии — женщина, очевидно, сам автор; несмотря на это *Ø/ты* требует мужского рода местоимения *сам*]; *Родился девочкой — терпи подножки и пинки* (Г. Остер); *И было в тот момент в них обоих такое сиротство, что тоскливо сжалось сердце. Впрочем, не первый уже раз. Казалось, что и твоя вина была в чем-то: что-то ты упустил и не сделал, что-то, что было нужно сделать сейчас, немедленно, не размышляя, не откладывая на потом ...* (автор — женщина, а именно — Мария Белкина; ясно, что местоимения 2-го л. и субъект описываемого эмоционального и ментального состояния указывают на одно и то же лицо, а именно — на говорящего, но

⁴Тем не менее его нельзя рассматривать как особый тип употребления местоимения *ты*. Не является нейтральным в отношении рода и другой синтаксический нулевой элемент, входящий в систему русских личных местоимений, а именно — \emptyset_{3p} . Ср. видоизмененные примеры из [Булыгина 1980: 334]: *В таких ситуациях о себе самом уже не думают и в таких ситуациях о себе самой уже не думают*. Аргументы в пользу включения местоимения *Ø/ты* в систему личных местоимений русского языка в качестве особой единицы см. в [Булыгина, Шмелев 1992].

несмотря на это, мы наблюдаем рассогласованность между семантическим полом референта местоимения и родом связанных с последним глагольных форм)⁵. Представляется, что примеры такого рода удобнее всего описывать, приписав местоимению *Ø* ты мужской род, а более редкие случаи выбора форм женского рода (ср. *Быстро забываешь себя, ту, какую была когда-то* — Н. Ильина) объяснять семантическим согласованием.

Труднее найти (или хотя бы сконструировать) контекст, который бы иллюстрировал синтаксическую релевантность родовой (согласовательной) характеристики другого нулевого элемента, входящего в систему русских личных местоимений, а именно — *Ø*_{3р}. Примеры вроде *Эгоизм — это когда любят одного себя, а о других не заботятся; Известно, что когда курят во время беременности, наносит вред не только самой себе, но и будущему ребенку* выглядят не совсем естественно (особенно второй) и в любом случае чрезвычайно редки. Ср. в то же время реальный пример местоименной анафоры из "рассказа-поучения" семидесятилетней жительницы Петербурга, как будто сознательно следующей рекомендациям феминистки: *Язык наш — вот враг. Лучше не с соседями "бала-бала", а молиться. А если кто обидит — не ругать! Ругать — его или ее никак нельзя! А надо помолиться и сказать: "Прости ей господи, ибо не знает, что делает". И тебе будет лучше, а ее Бог накажет.*⁶

Представляется, что приведенные наблюдения позволяют присоединиться к следующим замечаниям Л. Л. Иомдина [1990: 5]: "согласование как свойство естественного языка представляется нам необыкновенно интересным само по себе совершенно независимо от задачи формального описания [которую ставил перед собой автор]. Оно тесно связано с целым рядом других свойств, характеризующих не только синтаксический уровень языка, но и его морфологический, семантический, а частично и прагматический уровни, а тот факт, что, с виду такое обыденное и простое, это свойство таит в себе массу нерешенных проблем, в полном смысле слова бросает вызов исследователю".

⁵Ср. также пример Е. В. Красильниковой: "Но все равно/ бывают моменты такие/ когда хочется побыть одному // [женщина о себе]" [1990: 94].

⁶Текст записан со стенографической точностью В. Н. Топоровым в 1982 году от одной из почитательниц Блаженной Ксении на Смоленском кладбище в Петербурге. Жанровая характеристика текста: "рассказ-поучение, рассказ-быль", "не без элемента импровизированной проповеди"; речевой портрет говорящей включает в себя характеристики "из простых", "северный говор, хотя и не очень ярко выраженный" [Топоров 1995: 373].

ЛИТЕРАТУРА

Булыгина 1980 — Булыгина Т. В., *Аспекты семантических исследований*. М., 1980.

Булыгина, Шмелев 1990 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д., *Синтаксические нули и их референциальные свойства*. — В кн.: *Типология и грамматика*. М., 1990.

Булыгина, Шмелев 1992 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д., *Персональный дейксис. Общие замечания* — В кн.: *Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис*. М., 1992.

Земская, Китайгородская, Розанова 1993 — Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н., *Особенности мужской и женской речи*. — В кн.: *Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект*. М., 1993.

Иомдин 1990 — Иомдин Л. Л., *Автоматическая обработка текста на естественном языке: модель согласования*. М.: Наука, 1990.

Красильникова 1990 — Красильникова Е. В., *Имя существительное в русской речи. Функциональный аспект*. М.: Наука, 1990.

Падучева 1979 — Падучева Е. В., *Денотативный статус именной группы и его отражение в семантическом представлении предложения*. — НТИ. Сер. 2, 1979, № 9.

Падучева 1985 — Падучева Е. В., *Высказывание и его соотношения с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений)*. М.: Наука, 1985.

Evans 1977 — EVANS G., *Pronouns, quantifiers and relative clauses*. — *Canadian J. of Philos.*, 1977, Vol. 3, No. 3.

Wierzbicka 1987 — WIERZBICKA A., *Speech acts*. Sydney e. a.: Academic press, 1987.

Anna WIERZBICKA
(Australian National University)

СЕМАНТИКА "ЛОГИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ"

Анна ВЕЖБИЦКА
(Австралийский национальный университет)

1. Basic Assumptions

There are two types of concepts: complex and simple ones. Complex concepts can be analyzed into simple concepts, simple concepts cannot be analyzed at all. Before we attempt to analyze any concepts, therefore, it is essential to establish to which category they belong. If they are simple, there is no point in trying to decompose them. If they are complex we can try to decompose them into simple concepts; but then we need to know what simple concepts we can decompose them into. Either way, it is essential to know which concepts can be regarded as simple — so that we do not try to analyze simple concepts mistaking them for complex ones, and do not try to analyze complex concepts into other complex concepts, instead of analyzing them directly into simple ones.

In natural language, concepts are "embodied" in words (and morphemes), so what applies to concepts, applies also — *mutatis mutandis* — to words (and morphemes). In trying to define words, it is essential to try first to determine which words embody simple concepts, so that we do not try to define those words which are inherently indefinable; and also, that when we try to define those which are definable, we try to define them, as far as possible, in terms of indefinable ones*.

For reasons which cannot be discussed in detail here (see, however, [Wierzbicka 1980; 1992; in press; Goddard & Wierzbicka 1994]), I assume that simple concepts are innate and universal; and that they are expressed as words or bound morphemes in all natural languages, so that in all languages — apart from polysemy and allomorphy/allo-

* See notes in the end of the article.

lexy — "simple concepts" correspond to "indefinable words" (or morphemes).

The proviso referring to polysemy and allomorphy/allolexy is important, but it can only be discussed here very briefly (for detailed discussion, see [Goddard & Wierzbicka 1994] and [Wierzbicka, in press]). Polysemy must never be postulated lightly, and it always requires careful justification, but it would be foolish to rule it out on dogmatic a priori grounds. For example, in the theory on which this paper is based, both the concept KNOW and HEAR are regarded as universal semantic primitives, even though in some languages their exponents may coincide. Thus, in the Australian language Yankunytjatjara [Goddard 1994] both KNOW and HEAR are realized by the verb *kulini*. Since, however, each of these meanings is linked with a distinct syntactic frame, the verb *kulini* can be regarded as polysemous, and the language can be said to have distinct lexical exponents for both these concepts (*kulini*₁ and *kulini*₂).

As for allomorphy/allolexy, the first of these notions does not need an explanation, and the second constitutes a natural extension of the first. For example, if in English *I* and *me* can be regarded as allomorphs, then *someone* and *somebody* can be regarded as "allolexes" (that is, alternative exponents of the same concept).

2. The semantic status of "logical concepts"

Words which logicians are particularly interested in include *or*, *and*, *if*, *some*, *exist*, *all*, *not*, and *the same* and their counterparts in other languages. The question which I want to address in this paper concerns the status of these words and of the concepts embodied in them. Are these words definable or indefinable? are the concepts embodied in these words simple or complex? do all languages have words (or bound morphemes) for these concepts or can some languages do without such words?

In trying to answer this question, I will discuss these "logical" primitives one by one. First, however, it is necessary to give the reader some idea of what the whole set of primitives is currently assumed to look like. I will do this simply by reproducing here the latest version of this set (cf. [Wierzbicka, In press]):

[substantives] I, YOU, SOMEONE, SOMETHING, PEOPLE
[determiners, quantifiers] THIS, THE SAME, OTHER/ELSE, ONE,
TWO, SOME, MUCH/MANY, ALL

[mental predicates] THINK, KNOW, WANT, FEEL, SEE, HEAR, TOUCH

[speech] SAY, WORD

[action, event, movement] DO, HAPPEN, MOVE

[existence, life] EXIST/THERE IS, LIVE/ALIVE

[time] AT A TIME, BEFORE, AFTER, FOR SOME TIME, FOR A LONG TIME, FOR A SHORT TIME, NOW

[space] IN A PLACE, ABOVE, UNDER, FAR, NEAR, SIDE, INSIDE, HERE

[evaluators] GOOD, BAD

[descriptors] BIG, SMALL

[intensifier, augmentor] VERY, MORE

[taxonomy, patronymy] KIND OF, PART OF

[linkers] IF, IF... WOULD, BECAUSE

[metapredicate] NO, CAN, MAYBE, LIKE

Given the privileged status of "logical concepts" in logic and in logical analysis of language, and the privileged status of universal semantic primitives in semantic theory, it is interesting to compare the two sets. Is it possible that the "logical concepts" constitute simply a subset of universal semantic primitives?

The answer which emerges from three decades of empirical cross-linguistic investigations is that by and large — but only by and large — this indeed appears to be the case.

Linguists sometimes write about the logical favorites in an ironic tone, implying that from a linguistic point of view there is nothing special about them. For example, Haiman [Ms.] starts his paper on conditionals as follows:

Conditional, or *if*-clauses, chiefly differ from other adverbial clauses of circumstance by virtue of having been adopted for special treatment by logicians. The logicians' hook has been associated with "and", "or", and negation as one of the handful of primitive semantic operators on sentences, and the social consequences of this prestigious status are everywhere apparent. A recent symposium on conditionals, for example (Traugott et al. 1986) drew together scholars from linguistics, psychology, and formal philosophy: it would be difficult to imagine a comparable interdisciplinary symposium on the properties of purpose or result clauses.

Nevertheless, recent linguistic studies (among them, Marchese 1977, Haiman 1978, Longacre and Thompson 1985) have shown that the conditional protasis clause has much more in common with traditional adverbial clauses of circumstance than its exalted logical status would lead one to believe. More-

over, work in the burgeoning field of discourse analysis (for example Ford and Thompson 1986) gives promise of reducing the gap between them even further.

But cross-linguistic investigations reported in "Semantic and lexical universals" [Goddard & Wierzbicka, 1994] suggest that the concept of "if" — unlike some other logical favorites — deserves more respect than Haiman's tone would allow. What has emerged from these investigations is that in all probability all languages have a word, or a bound morpheme, meaning IF — a fact which suggests that IF has indeed special claims to an "exalted" status, being a universal semantic primitive.

Of course, in principle a concept could be a semantic universal without being a conceptual primitive, but in this case the results of conceptual analysis agree with those of a cross-linguistic search for universals: while the concept of IF is, as far as we know, lexically embodied in all languages, it cannot be analyzed into other concepts which would be universally so embodied.

But the fact that logicians were, so to speak, right in assuming that IF is an indispensable element of human thought does not mean that they were necessarily right about all the other "logical concepts". The question of which concepts are and which are not indispensable elements of human thought is, in my view, extremely important, and it is intimately bound with the issue of linguistic universals; and I hypothesize that all those concepts which are truly indispensable for human thought are indeed lexically embodied in all languages. If this is true — or even likely — then evidence from language universals has an important bearing on the status of all "logical concepts".

3. The status of "or"

In his authoritative grammar of the Australian language Dyirbal, Dixon [1972] has included a special section entitled "Dyirbal logic", in which he writes (p. 361):

As part of what appears to be a continuing campaign to denigrate Australian languages (thereby demonstrating the supposed lack of intellect of their speakers) it has been pointed out that 'logical connectors' — 'or', 'because', 'if', and so on — are frequently lacking. Love [1938: 119] remarked of Worora, 'Alternative propositions do not occur. The Worora man does not say, Shall I do this or that? He says, Shall I do this? No. I shall do that. If asked

in English. Will you have this or that? he will invariably reply, Yes, desiring both.'

Dyirbal does not have any particles exactly corresponding to English 'or', 'if' or 'because' (any more than English has words corresponding to Dyirbal *mugu*, *biri* or *wara*). The language is, however, quite as capable as English of expressing conditions, alternatives and implications.

I have no doubt that Dixon is right in his claim that Dyirbal is capable of expressing "conditions, alternatives and implications", but I also think that it is not unimportant how the relevant concepts are expressed, and in particular, whether or not they are lexically embodied as separate words or morphemes, for lexical embodiment makes it easier to express certain concepts and provides evidence for their salience within a given culture.

The data provided in Dixon's book make it clear that the concepts of IF and BECAUSE are lexically embodied in Dyirbal by means of bound morphemes (occurring in specific grammatical contexts). On the other hand, "or" is not lexically embodied in Dyirbal — neither in a separate word nor in a separate morpheme.

What would one do, then, in Dyirbal if one wanted to express something like an alternative (usually expressed in English by means of the word *or*)?

What one could do in Dyirbal, (as in many other Australian languages which do not have a word for 'or') would be to use a particle meaning 'maybe'. To quote Dixon:³

Dyirbal, on the other hand, [in contrast to English, — A. W.] deals mainly with open disjunction, through the particle *yambe* 'perhaps, might be'. Thus the only way in which Dyirbal can translate 'I saw a fish, it was either a barramundi or a red bream' is through:

(693) *ḡaḡa guya buran / ḡilabayḡi miḡa / yuḡar yamba / yaḡḡal yamba*

I saw a fish, what was it down there? — it might have been a barramundi or a red bream.

That is, the Dyirbal sentence leaves open the possibility that it was some other type of fish. (Although Dyirbal could add a rider stating that it could not have been anything else, i. e. closing the disjunction, just as English can create an open disjunction by including 'or something else'.)

Thus, to say something like "it was either an A or a B" in Dyirbal one would say, literally, "maybe it was an A, maybe it was a B". It is

interesting to note in this connection that crosslinguistic evidence indicates that 'maybe' — unlike 'or' — is in fact a semantic universal, lexically embodied in all languages (Cf. [Wierzbicka, in press]).

But 'maybe' does not mean exactly the same as 'or'. For example, the sentence

Maybe John is sick.

— cannot be paraphrased, without a change of meaning, via 'or':

John is sick or is not sick.

Either John is sick or is not sick.

By saying *maybe* the speaker is, so to speak, putting forward a hypothesis, or a conjecture; by saying *maybe* twice (e. g. "maybe A, maybe B"), the speaker is putting forward two hypotheses; but this is not the case with 'or'. For example, if I say:

I know that Mary is either in Canberra or in Sydney.

— I am not putting forward any hypotheses whatsoever. This means that the meaning of English sentences with the word *or* cannot be accurately expressed in Dyirbal or other Australian languages via a word meaning 'maybe'.

In my view, however, this does not matter from point of view of the expressive powers of these languages; for any concept which is not universal (such as 'or') can be, if necessary, constructed out of those which are universal. Being not universal (i. e. not lexically embodied in all languages), 'or' is not a conceptual primitive, and if necessary, it can be built out of other concepts, which are conceptually primitive and universally available.

Let us consider again Dixon's sentence:

I saw a fish, it was either a barramundi or a red bream.

Strictly speaking, this sentence does not mean:

I saw a fish, maybe it was a barramundi, maybe it was a red bream.

Rather, it means something along the following lines:

I saw a fish
I don't know what kind of fish
I know it was one of these two kinds: barramundi, bream.

Although a word meaning 'maybe' can provide the means for a rough pragmatic equivalent of an 'or' sentence, for an exact semantic paraphrase we would need words meaning 'one (of)' and 'this'; and for an exact paraphrase of an 'either-or' sentence we would need 'one (of)', 'this/these', and 'two'.

What is important from the point of view of languages' expressive powers is that all the necessary ingredients of 'or' and 'either-or' ('one', 'this', 'two') are universally available. The semantic molecule 'or' is habitually used in some languages (e. g., in English), but not in others (e. g., Dyirbal). Since, however, it is a "semantic molecule", not a "semantic atom", its non-universality does not really matter. But if a language lacked an overt lexical exponent of a true "semantic atom" (e. g., of ONE, TWO, THIS or NOT), this would matter a great deal from the point of expressive power and intertranslatability of meanings across languages and cultures. No such cases, however, have so far come to light.⁴

4. The status of "and"

What applies to "or", applies also, mutatis mutandis, to "and". To begin with "phrasal conjunction", the analogues of sentences such as

Jack and Jill went down the hill.

— would look in many Australian languages as follows:⁵

Jack, Jill, the two of them went down the hill

In a fully articulated semantic explication, this would look as follows:

I'm thinking of Jack
at the same time, I am thinking of Jill
I say: the two of them [went down the hill].

Since all the "semantic atoms" used in this explication are universally available, the absence of a word for "and" in some languages is simply

irrelevant from the point of view of universal transferability of meanings: the above explication of the conjoined noun phrase could be translated into any language whatsoever, without any word, or morpheme, for "and".

It hardly needs to be added that in everyday discourse people do not speak in full semantic explications; but a habitual phrasing such as "Jack, Jill, the two of them went down the hill" is no less efficient than that including "and" ("Jack and Jill went down the hill").

As for linking sentences together, here, too, "and" appears to be dispensable; and, not surprisingly, it is not universal. To quote Dixon [1980: 458] again:

Most Australian languages have a fair number of syntactic processes whereby a number of simple clauses are linked together into coordinate and subordinate constructions. Only a minority of languages have a class of words that specifically mark coordination (like English *and*, *but*, *because*, and the like); coordination can be shown by intonation patterns, by the deletion of a repeated NP — often under rather strict syntactic conditions, to be described below — and sometimes by special verbal inflections.

Speaking specifically of Dyirbal, Dixon [1994: 12] notes (with reference to sentences such as "Father returned and mother saw him"): "the whole biclausal construction can make up one intonation group (note that here is no overt coordinating particle in Dyirbal, similar to English *and*)". This is illustrated with the sentence:⁶

<i>ɲuma</i>	<i>banaga-n^yu</i>	<i>yabu-ŋgi</i>	<i>bura-n</i>
father+ABS	return-NONFUT	mother-ERG	sec-NONFUT
father(S) returned and mother(A) saw him(O)			

I am not suggesting, however, that the interclausal "and" can be dispensed with because it is semantically empty. Rather, I am suggesting that the meaning of "and" (in the relevant sense) is another semantic molecule which is habitually used in English, but not, for example, in Dyirbal. The meaning of this molecule can be represented as either "I want to say more about this" or "I want to say something else about this". For example:

Father returned.
I want to say something else about this:
(or: I want to say more about this):
Mother saw him.

Again, what matters most from the point of view of expressive power of languages is that they all have words (or morphemes) for "semantic atoms" such as I, WANT, SAY, SOMETHING, OTHER/ELSE, MORE, and THIS, not whether they have words (or morphemes) for semantic molecules such as "and".

5. IF

As noted earlier, however, what applies to "or" and "and" does not apply to "if", which, I would argue, is a true indefinable. In logic, "conditionals" (*if*-sentences) are defined in terms of truth conditions: "if p then q " is taken to mean that either p and q are both true, or p and q are both false, or p is false and q is true. It has often been pointed out, however, that this definition does not correspond to the use of *if*-sentences in natural languages. As Comrie [1986: 80] notes, according to the logical definition "the only relation that need hold between protasis and apodosis is that expressed in the truth table, so that otherwise totally unrelated propositions may appear as protasis and apodosis, subject only to the condition that they have appropriate truth values, as in

If Paris is the capital of France, two is an even number.

According to Comrie, in natural language (in contrast to the artificial language of logic) sentences of this kind are anomalous because in natural language *if*-sentences require a causal connection between the two propositions in question. Comrie's own definition proposed for conditionals "combines material implication with the relevance of a causal relation from the protasis to the apodosis" (p. 96).

This amounts to an attempt to define *if*-sentences via a combination of concepts such as 'or', 'and', 'true', 'false' (not true), and 'because', along the following lines:

If it rains, I will stay at home. =
 either it will rain and because of this I will stay at home
 or it will not rain and because of this I will not stay at home
 or it will not rain and I will stay at home (despite this?)

This analysis may seem like an improvement on a purely truth-functional definition, but in my view, it is not tenable either, if only because it is not the case that 'if' always implies 'because'. It is true that 'if' im-

plies some sort of connection between two propositions, and also that a causal link is often involved, too; I claim, however, that the 'if' connection is *sui generis*, and cannot be reduced to anything else; and that a link with 'because' is not always present. For example, the sentence:

If he insults me, I will forgive him.

— does not imply that I will forgive him BECAUSE he has insulted me: it is true that I can forgive him only if he has done something bad to me (e. g., if he has insulted me), but it is not true that the insult will be the "cause" of my forgiveness. Similarly, the sentence:

If he invites me to dinner I will not go.

— does not mean that I will not go BECAUSE he has invited me: if he doesn't invite me I will not go either.

As Haiman and others have noted, a truth-functional analysis of *if*-sentences is highly counter-intuitive, as well as inadequate from the point of view of natural language (because of the lack of the requirement that the two clauses should be somehow connected). Since attempts to make it less inadequate by adding to it a causal component do not work, the conclusion suggests itself that — from the point of view of natural language — this analysis is simply irrelevant and should be abandoned altogether. Instead, we must conclude that the IF-relation is fundamental, irreducible to anything else; in other words, that it is a conceptual primitive.

For this reason, it is disturbing when one reads reports that for example, in Australian languages, there is no way to express the idea of "if". Closer examination of evidence shows, however, that claims of this kind usually stem from a failure to recognize lexical polysemy. For example, McConvell [1991: 15] notes:

Lack of a formal distinction between *if* and *when* in Aboriginal languages, in contrast to English, is supposedly linked to absence of hypothetical conditional statements in Aboriginal discourse.

Rejecting such claims McConvell argues that Aboriginal languages do have lexical and grammatical resources to mark hypotheticality, and he points out that even if the words for 'if' and 'when' are identical, they appear in different frames. For example:

In the Ngarinman language the concept of *if* is distinguished from *when* by the use of the doubt suffix *nga* following the subordinate clause marker *nyami* and the pronoun clitic complex. [McConvell 1991: 16]

Another interesting example of polysemy of the primary exponent of IF has been reported for yet another Australian language, Arrrente, by Harkins and Wilkins [1994]. In a simple clause, the word *peke* means 'perhaps', but if a dependent clause is present, then it means 'if'. For example:

Ingwenthe peke kwayte urnte-me.
tomorrow maybe water fall-NPP
'It could rain tomorrow' ('Perhaps it will rain tomorrow').

Kwayte peke urnte-me ayenge petye-tyekenhe.
water maybe fall-NPP ISG:S come VB NEG
'If it rains I won't come'.

(If the dependent clause is affirmative rather than negative as above, then the verb carries a special "subsequent" marker, *-tyenhenge*.) Data of this kind provide strong evidence for the presence of a linguistically encoded concept of 'if' (even if this encoding involves a polysemous lexical item).

6. SOME

The English word *some* is polysemous. To make it clear which of its senses I propose as a primitive, I will adduce a passage from a text in the Australian language Guugu-Yimidhurr ([Haviland 1979: 163]; Haviland's numbers):

32. *Dhana gada-y waguurr-nganh,*
3sg+NOM come-PAST outside-ABL
They came from the outside [i. e., from inland];
33. *gurra buurraay-nganh dhalun-nganh galmba gada-y,*
and water-ABL sea-ABL also come-PAST
and they also came from the water, from the sea;

34. *mundal bubu-wi badi=badiimbarr gada-y,*
some+ABS ground-LOC under=underneath come-PAST
some [of them] came underneath the [surface of] the earth;
35. *mundal wanggaar=nggarr bubu-wi gada-y,*
some+ABS above=REDUP ground-LOC come-PAST
others came above the ground;
36. *mundal birri wanggaar gada-y.*
some+ABS river- above come-PAST
and others came up the rivers.

The primitive proposed here is realized in Guugu-Yimidhurr as *mundal*. As Haviland's glosses show, in English this sense can sometimes be rendered as *some*, and sometimes as *others*. It is important to stress, however, that it is a concept which functions as a quantifier, situated somewhere between ONE and ALL.

In works on language and logic, the English word *some* is frequently linked with the so-called "existential quantifier". For example, McCawley [1981: 101-102] writes:

The so-called universal quantifier corresponds to several different English words: *all, every, any, each*; the existential quantifier corresponds to certain uses of the words *some* and *alan*. (...) The existential quantifier, henceforth represented by the symbol \exists , is also the common element in a number of things that natural languages often distinguish, for example, various uses of *alan* and *some* in English.

McCawley goes on to point out that the English language distinguishes obligatorily between singular and plural, but that the logical concept of existential quantifier is indifferent to this distinction:

The formula $(\exists x) (x \text{ admires } \text{Hitler})$ is supposed to be true if at least one man admires Hitler and false if no man admires Hitler. It is noncommittal on whether exactly one man or more than one admires Hitler. However, English sentences must draw the distinction between one and more than one:

- a. Some man admires Hitler.
b. Some men admire Hitler.

But the concept SOME proposed here as a semantic primitive corresponds only to sentence (b) above, not to sentence (a). What is

meant could perhaps be better expressed as SOME OF, as in the following sentences:

*Some of them admire Hitler.
Some of them turned right, and some (of them) turned left.*

In Polish, the word *część* 'part' can sometimes be used as an exponent of this notion, for example:

*Część z nich poszła na prawo, a część na lewo.
'Part of them turned right, and part turned left.'*

Similarly, in many other European languages the exponent of the primitive PART can be used as a quantifier, to express the primitive SOME. Curiously, as Cliff Goddard (personal communication) notes, the same is true of the Australian language Yankunytjatjara. But in many other languages, there is no lexical overlap between SOME and PART. (Moreover, even in English, sentences with SOME cannot always be paraphrased in terms of the word *part*. For example, *sometimes (at some times)* cannot be defined as 'part of the time'.)

It is important to note that while in works on language and logic *some* may be regarded as an equivalent of the verb *exist* (or the expression *there is*), from a semantic point of view SOME and THERE IS are two different notions, which cannot be reduced to one. For example, it seems clear that the Guugu Yimidhirr passage adduced at the outset cannot be paraphrased in terms of *exist* and *there is*. One could of course say, (in English), "there were people among them who went under the ground, there were people among them who went above the ground"; but a paraphrase of this kind relies on a relative clause — a structure which is not universally available (as well as on the expression "among them", which looks suspiciously like another way of saying "some").

Similarly, it is true that a sentence such as "some people admire Hitler" does seem to be paraphraseable (in English) as "there are people who admire Hitler". But if we try to define away the complex and language-specific relativizer "who", on which this paraphrase depends, we have to fall back on *some* ("some people admire Hitler"):

Some people admire Hitler. ≠
there are people
these people admire Hitler

Finally, it might be suggested that *some* (in the relevant sense) can be defined away as "not all", along the lines of "some people admire Hitler = not all people admire Hitler". But a paraphrase of this kind is not valid, since "not all" — in contrast to *some* — implies something like "most".

7. THERE IS

Cartesians regarded it as self-evident that 'existence' (in French *l'existence*) was among those ideas which are so clear that no definitions could make them any clearer (cf. e. g. [Arnauld 1964/1662: 66]).

For many years, I have rejected this view, in the belief that 'existence' could be defined in terms of, so to speak, "possible reference", that is, along the following lines (cf. e. g. [Wierzbicka 1972; 1980]):

there are no unicorns (ghosts, black swans) =
one can't say about something: "this is a unicorn (ghost, black swan)"

Paraphrases of this kind never seemed to me quite right, but I believed that with time they could be amended in some minor way and thus be rendered quite credible.

But after more than two decades of trying, and failing, to find the necessary "minor amendments", I now believe that the time has come to give up any attempts to define 'existence' away and to recognize that the Cartesians were right on this point.

Perhaps the only qualification which I would make is that both the noun *existence* (French *existence*) and the verb *to exist* (French *exister*) belong to philosophical, not everyday, vocabulary, and that it is more justified to nominate the expression *there is/are* (in French *il y a*) as the basic lexical exponent of the primitive in question. The point is not trivial, because the difference is not merely stylistic. Apart from stylistic differences, in some contexts, *exist* and *there is/are* may seem to be interchangeable, but in others they are not:

1. There are no unicorns. -
Unicorns don't exist
2. There are no cockroaches here. ≠
?Cockroaches don't exist here.

As sentence 2 above illustrates, the verb *exist* does not co-occur with a place phrase. It is a verb used to make absolute statements, statements about the world as a whole, or about whole classes of entities rather than about individuals or groups. By contrast, the concept THERE IS (ARE) can apply both to the world as a whole and to specific individuals in specific places:

3. There are no ghosts (ghosts don't exist).
4. There are no ghosts in this place
([?]ghosts don't exist in this place).

If the proposed primitive ALL (to be discussed next) approximates logicians' "universal quantifier", the proposed primitive THERE IS/(ARE) approximates logicians' "existential quantifier". Although doubts have sometimes been expressed as to the availability of these two concepts in all the languages of the world, cross-linguistic investigations suggest that all languages do in fact have a lexical counterpart of the English *there is/are*. This lexical counterpart may of course be homophonous with the exponents of some other meaning or meanings, but if so, then we can confidently expect some basis for establishing polysemy (such as different grammatical properties linked with the different meanings). For example, in Polish (as in many other languages, cf. [Verhaar 1966-1973]) the concept THERE IS/(ARE) is expressed by the same verb which (in a different grammatical construction) serves also as copula, but the grammatical frames available to the two meanings are different.

The hypothesis that all languages have a lexical exponent of the concept THERE IS should not be misconstrued as a claim that every language has an existential verb, or a verb phrase comparable to the English phrase *there is*. For example, in the Austronesian language Tolai [Mosel 1984: 157] 'existence' is expressed by means of the definite article (in a verbless sentence), as in the following examples:

A *kilala-na-mulumulum*.
ART season-C-hunger
'There was famine'.

Pata taina, a tava parika.
no salt ART water all
'There was no salt, only water'.

Ma amana a vaden parika.
and formerly ART women all
'In former times only women (existed)'.

But the fact that in other types of sentences the element *a* means, roughly speaking, 'the' (that is, 'I think you know which one I am talking about') does not invalidate the observation that in verbless sentences of the kind cited above it means 'there is'. Nor does the grammatical status of the element *a* (as a constituent of the noun phrase) disqualify it as a lexical exponent of the primitive THERE IS: there is no reason to expect that this conceptual element should always be lexically encoded as a verb, or a verb phrase.

8. ALL

ALL is proposed as a semantic primitive by Goddard [1989]. In "Lingua Mentalis" [Wierzbicka 1980] I had argued that this concept was not undefinable because it could be analyzed along the following lines:

All dogs are faithful. =
one can't say thinking of a dog:
"this (dog) is not faithful."

As pointed out by Goddard, however, this kind of analysis may seem convincing from a purely logical point of view, but not from the point of view of psychological plausibility. The suggested analysis seems particularly unconvincing when applied to volitive or expressive utterances, such as "Regards to all!" or "To the hell with it all!"; it seems hardly plausible to paraphrase them as follows:

Regards to all. =
one can't say thinking of someone:
I don't (send) regards to this person

To hell with it all. =
one can't say thinking of something:
I don't want this to go to hell

Similarly, the expression "that's all", which frequently occurs in the transcripts of young children's speech (cf. e. g. [French & Nelson 1985]), can hardly be paraphrased along those lines.

ALL plays an important role in both lexicon and grammar. For example, English particles and conjunctions such as *at all, almost, altogether, all the same, also, already, all right*, by their very form hint at the presence of the semantic component 'all' in their meaning, as do also adverbial and pronominal expressions such as *always, all over, overall, everywhere, everyone, whatever, whenever* and so on; and similar examples could be quoted from other languages.

As mentioned earlier, the universality of exponents of "all" in natural languages, has sometimes been questioned, like the universality of "if" and "some". For example, Hallpike [1979: 181-182] wrote:

'Some' and 'all' are thus fundamental notions of logic and basic to propositions of inclusion which relate parts to wholes. 'All' denotes the totality of a set *A*, while 'some' denotes '*A - x*' (where *x* is greater than 0). In primitive usage, however, it is possible that while words are used that ethnographers translate as 'some' and 'all', 'all' does not denote 'all possible members of set *A*', but 'all those in our experience' or simply 'a lot'. In so far as primitive thought is not usually concerned with working out the theoretically maximum number of items in a set, it will tend to use 'all' in the sense of 'very many'; while if all possible members of a set are physically present, the primitive may indeed say 'all', but in the sense of 'full' or 'complete', which is derived from a spatial conception, as of a container that has been filled up.

Dr Neil Warren, for example, tells me (private communication) that the Kamano of the New Guinea Highlands use their word for 'many' to do duty for what we would translate 'all'. In the same way, among the Tauade I found that the word that I was initially inclined to translate as 'all', *kuparima*, was more accurately rendered as 'many'. *Kuparai* is the word for 'two' or 'pair', *-ai* being the dual suffix, and *-ma* is one of the plural suffixes; thus *kuparima* seems to have the literal meaning of 'pairs' — that is, 'many' — and is certainly so used in conversation. It should also be noted that *kuparima* is not an adjective, but a noun, and refers to a state of affairs, 'multiplicity', rather than being a property of a class.

I believe, however, that Hallpike's conclusions are fundamentally wrong (cf. [Wierzbicka, in press]). It is true that in many languages the word glossed by ethnographers as 'all' is in fact a nominal rather than a determiner (that is, grammatically more like the expression *the lot* in English than the determiner *every*), and that sentences including a word whose basic meaning is 'many' can sometimes better be translated with the English word *all* than *many*.

But this does not mean that these languages make no clear distinction between the concepts 'all' and 'many' (cf. [Wierzbicka 1994]). No

doubt everyday life in a tribal community does not generate much need for open-ended generalizations such as the following one [Evans 1985]:

maarra diya-a-n-kur
all eat-DT-FUT
(Speaking of yams): '(they) are all edible.'

But if generalizations of this kind are not made frequently, it is not for lack of conceptual or linguistic resources (cf. [Luria 1976]). I conclude that as far as we know there is no human language that would not have some lexical means for expressing the concept of 'all' — not something roughly comparable to 'all' but exactly the same concept.

I think Hallpike is right in assuming that without a word (or some other lexical component) for 'all' a language would not be able to express certain thoughts — more than that, that in a language without 'all' one would not be able to think certain thoughts. But I believe Hallpike's conviction that such languages exist is not supported by the evidence.

9. Negation: NOT

The *not*-relation is one of the simplest and most fundamental relations known to the human mind. ([Royce 1917: 265; quoted in [Horn 1989: 1])

Negation is probably the least controversial of all the lexical universals which have ever been proposed. Nobody has ever reported coming across a language without negation, and exponents of negation — unlike those of most other conceptual primitives posited here — are routinely reported in all descriptive grammars.

But while the question of negation as a lexical universal is quite straightforward, the same cannot be said about its status as a conceptual primitive. In fact, to many readers' surprise and even dismay, negation was missing from the list of primitives which I postulated in «Semantic primitives» [Wierzbicka 1972] and in «Lingua Mentalis» [Wierzbicka 1980]; instead, my 1972 and 1980 lists included the elements 'don't want' ('diswant') or 'I don't want' ('I diswant'). (Cf. also [Wierzbicka 1967]).

In postulating 'diswanting' rather than negation as a semantic primitive, I was trying to come to grips with the fact that the semantic relation between the phrases "I want" and "I don't want" seems to be different from that between, say, "I know" and "I don't know", or "I do" and "I don't do". "I don't know" (or "I don't do") means, roughly speaking, that 'it is not the case that I know (or do)'. "I don't know, however, (on one reading at least), does not seem to mean 'it is not the case that I want' (as in "I don't particularly want"); rather, it seems to mean that I positively 'diswant' something. It is also true that the interjection *No!* can be used to express a strong 'diswant' ('rejection'), rather than merely a denial of wanting. By assuming that 'diswanting' was semantically simpler than negation, I thought I was able to explain such facts. (What was more difficult to explain in that approach was the use of negation in declarative sentences — a point to which I will return below.)

But although my analysis of negation as "rejection" was consistent with a long philosophical tradition of thinking about negation (cf. e. g. [Bergson 1911]) and although there is considerable empirical evidence which appears to support it, I have now come to doubt whether it is tenable.

Undoubtedly, acts of "rejection" ('I don't want this!') play an important role in human life, and it is not surprising that "rejection" should have special lexical exponents in many languages (e. g. in Acehnese, Longgu, Samoan, or Kayardild, cf. [Goddard & Wierzbicka 1994]). But although these exponents of "rejection" are often identical with the exponents of negation, this does not necessarily mean that "rejection" is a simple semantic notion, which can be said to underlie all negation. After all, many languages (e. g. Samoan) have also special negative imperatives ('don't!') — despite the fact that 'don't!' is not a simple concept but a semantic molecule analyzable as 'I don't want you to do this'.

While accepting the old philosophical notion that all negation implies "rejection", I experimented with a whole series of analyses of declarative sentences, such as, for example, A, B and C below (for "this is not black"):

- A. I don't want to say: "this is black".
- B. I don't want someone to think: "this is black".
- C. I don't want to say: I can think: "this is black".

But none of these analyses seemed quite right, and "details" seemed always impossible to work out. In particular, it has always seemed difficult to see how complex sentences (e. g., with negation embedded

in an *if*-clause) could be plausibly analyzed via 'not wanting'. What has finally convinced me that this whole approach to the semantics of negation was probably misguided was a closer examination of data from child language acquisition. Since negation appears very early in children's speech (in the second year of life, cf. e. g. [Braine 1976]), it is very hard to believe that spontaneous utterances such as "no wet" (meaning 'I'm not wet', cf. [Braine 1976: 7]) can be somehow based on the idea of 'not wanting someone to think or say something'.

I have come to accept, then, that 'not' is simply 'not', and that it cannot be reduced to anything else — not even to the intuitively appealing notion of 'rejection'.

Having reached this conclusion, I would now interpret the three earliest uses of negation identified in child language as 'nonexistence', 'rejection', and 'denial' (cf. [Bloom 1991]) along the following lines: 1. 'there isn't an X (here)', 2. 'I don't want this', and 3. 'this is not an X', assuming that all these uses involve the use of the same semantic primitive NOT. For example [Bloom 1991: 163]:

"nonexistence"

(Kathryn not finding a pocket in Mommy's shirt, which had no pocket):
Kathryn: no pocket. [i. e. 'there is no pocket here']

"rejection"

(Kathryn pushing away a sliver of worn soap in the bathtub, wanting to be washed with new pink soap):
Kathryn: no dirty soap. [i. e. 'I don't want dirty soap']

"denial"

(Kathryn, Mommy, and Lois looking for the truck). Where's the truck?
(Mommy picking up the car, giving it to Kathryn). Here it is. There's the truck.
Kathryn: no truck. [i. e. 'this is not the truck']

Horn [1989: 163] comments on Bloom's "rejection" category of negation as follows:

Bloom's rejection category corresponds to what philosophers — at least since Peirce — have long identified as the SUBJECTIVE or PRELOGICAL negative. Heinemann (1944: 138) glosses this 'prelogical use of negation' as 'I

do not wish (will, desire, etc.) that' or 'It is not in my interests that', alongside the 'logical' negation of 'It is not true that'. On this view, the rejection category should antedate both nonexistence and denial; that it does not (at least in Bloom's data) may reflect the difference between possessing a concept and expressing it syntactically.

From a "semantic primitives" point of view, the question boils down to choosing between two solutions to the problem of negation (A and B): should the "rejection" use of negation be seen as based on a simple semantic element 'I don't want' (in Latin, *nolo*), and the "non-existence" or "denial" use be seen as based on a combination of 'I don't want' and 'say' (solution A), or should rather the 'non-existence' and 'denial' use be seen as based on a simple semantic element 'not', and the "rejection" use, as based on a combination of three primitives: 'I + not + want' (solution B)?

In earlier work [Wierzbicka 1967; 1972; 1980] I opted for solution A (despite strong opposition from my colleague Andrzej Bogusławski, who for a long time had argued for negation as a semantic primitive and against my attempts to reduce it to a simpler notion of 'rejection'); but the language acquisition data suggesting that 'rejection' does not antedate 'non-existence' and 'denial' have finally convinced me that solution B is more justified, after all.

What remains to be explained (on the assumption that NOT is always NOT) is why the semantic relation between the phrases "I don't want" and "I want" does not seem to be the same as that between "I don't know" and "I know", or "I don't do" and "I do", and why "I don't want to do X" often appears to imply that I positively want "not to do X". At present, I do not have a fully satisfactory answer to this question; but the possibility of an analysis in terms of invited inferences (perhaps along Gricean lines) is no doubt worth exploring.

10. THE SAME and OTHER

The "determiners" THE SAME and OTHER appear to be used, universally, in sentences such as the following ones:

*It happened in the same place, not in another place.
It happened at the same time, not at another time.
She did (said/thought/wanted) the same.
I saw it, and two other people saw it.
It was not the same fish, but it was the same kind of fish.*

(English sentences such as "Give me another beer!" illustrate a language-specific, not a universal, use of the word *other*.)

The element THE SAME corresponds to a fundamental logical relation of 'identity', which occupies a prominent place in the philosophical and logical literature on thought, knowledge, and logical relations in general. OTHER may seem to be no more than a negated version of identity (as I argued myself in [Wierzbicka 1989]), but in fact, a phrase such as "I and two other people" cannot be reduced to 'the same' and negation.

Both concepts THE SAME and OTHER are lexical universals, and they both play a considerable role both in the lexicon and in grammar. For example, they are needed to account for the meaning of many conjunctions and particles, such as *also*, *too* or *otherwise* (cf. [Goddard 1986; Wierzbicka 1986; 1991]), as well as for that of grammatical "reference-tracking" devices, such as, for example, "switch reference".

Exponents of both THE SAME and OTHER are often involved in common polysemic patterns, in particular, one linking THE SAME with ONE, and another, linking OTHER with SOMEONE (cf. [Goddard and Wierzbicka 1994]); in each case, however, the polysemic knots can be disentangled and the distinctness of the two concepts in a given language can be upheld.

II. Conclusion

As this brief survey shows, most of the so-called "logical concepts" do correspond to universal semantic primitives, as they have emerged from empirical cross-linguistic investigations. Linguistic evidence suggests that, (if due note is taken of polysemy), all languages have words or morphemes for the concepts IF, SOME, THERE IS, ALL, NOT and THE SAME. The same does not apply, however, to two other logical favorites, namely "and" and "or".

The apparent universal availability of lexical exponents of IF, SOME, THERE IS, ALL, NOT and THE SAME suggests that these concepts are indeed indispensable elements of human thought, rather than widespread "cultural artifacts" enshrined in some languages but not in others.

On the other hand, the fact that "and" and "or" are not linguistic universals tallies well with the view that these two concepts are not indispensable "semantic atoms" but rather "conceptual molecules", habitually relied on by some cultures but not by others. The absence of "and" and "or" in some languages is not evidence of any cognitive deficit or inherent limitations in these languages' expressive power, but

rather a reflection of the fact that these two concepts do not have the same status of irreducible elements of human thought as do IF, SOME, THERE IS, ALL, NOT and THE SAME.

As Leibniz clearly foreshadowed, the search for semantic universals is closely related to the search for universal logic; and the task of the semantic analysis of the contents of human speech is closely related to the task of the logical analysis of the contents of thought.

It was only with Leibniz, who restored the problem of language to the context of *universal logic* that the problem of a universal language was seen in a new depth. (...) Any "characteristic", which is not content to remain an arbitrary sign language but aspires to be a *characteristica realis*, representing the true fundamental relations of things, demands a logical analysis of the contents of thought. But this "alphabet of thought" no longer seems an unlimited, insoluble problem so long as one goes consistently along the road laid down by the newly established theory of combinations and the newly established mathematical analysis instead of starting with random, more or less accidental classifications of the whole conceptual substance. Algebraic analysis teaches us that every number is constructed from definite original elements, that it can be broken down into "prime factor" and represented as their product, and this applies to any content of cognition. The breakdown into prime numbers has its parallel in the breakdown into primitive ideas — and it is one of the basic tenets of Leibniz' philosophy that essentially the two can and must be effected in accordance with the same principle and method. [Cassirer 1953, v. 1: 129 – 130]

From the perspective of modern semantics, with its broad basis of cross-linguistic investigations, it seems equally clear that the search for universal conceptual primitives and for universal "logical concepts" must also "be effected in accordance with the same principle and method", and that in fact the universal logical concepts can only be a subset of the universal "alphabet of human thought", reflected in the shared core of all natural languages.

FOOTNOTES

¹Not all semanticists accept the assumption that complex concepts should be defined, as far as possible, directly in terms of simple ones. Some argue that it is preferable to aim at using simpler rather than truly simple concepts in the definitions.

I agree that in some cases — but only in some cases — the use of simpler rather than truly simple concepts may be preferable or even necessary

(for reasons of clarity and readability). In my view, however, the notion of a "simpler concept" makes sense only with reference to a set of indefinables because only simple concepts can give us a reliable measure of semantic simplicity: if we don't know which concepts are truly simple then we can never be sure that something is really simpler than something else.

²For example, this is the case in Kaititj (Harold Koch, personal communication) and in Marathiel (Ian Green, personal communication).

³The word *or* used in the English gloss has clearly been added for stylistic reasons, for the whole point of the example is that there is no "or" in Dyirbal.

⁴On the analysis proposed here there is no compositional semantic link between "or" and "maybe", despite the fact that their exponents can sometimes function as approximate translation equivalents. The existence of such rough "translation equivalents" without compositional relationships is commonplace in semantic analysis. (Cf. [Goddard & Wierzbicka, 1994]).

⁵This is the case in Kaititj (Harold Koch, personal communication) and in Marathiel (Ian Green, personal communication).

⁶The symbols A, S, and O used in Dixon's gloss are meant to refer to transitive subject (A), intransitive subject (S), and direct object (O).

LITERATURE

- Arnauld 1964/1662 — ARNAULD, Antoine, *The art of thinking*. Transl. by James DICKOFF and Patricia JAMES. Indianapolis: Bobs-Merrill, 1964.
- Bergson 1911 — BERGSON, Henri, *Creative Evolution*. Transl. by A. MITCHELL. London: MacMillan, 1911.
- Bloom 1991 — BLOOM, Lois, *Language development from two to three*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
- Braine 1976 — BRAINE, Martin D. S., *Children's first word combinations*. — Monographs of the Society for Research in Child Development, serial No. 164, vol. 41, no. 1.
- Cassirer 1953 — CASSIRER, Ernest, *The philosophy of symbolic forms*. Trans. by R. MANHEIM. Vol. 1, 1953.
- Comrie 1986 — COMRIE, Bernard, *Conditionals: A typology*. In: [Traugott et al. 1986], p. 77 – 99.
- Dixon 1972 — DIXON, Robert M. W., *The Dyirbal language of North Queensland*. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.
- Dixon 1980 — DIXON, Robert M. W., *The languages of Australia*. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.

- Dixon 1994 — DIXON, Robert M. W., *Ergativity*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Evans 1985 — EVANS, Nicolas, *Kayardild: The language of the Bentinck Islanders of North West Queensland*. Ph. D. Thesis, Australian National University, 1985.
- Ford & Thompson 1986 — FORD, Cecilia E., and Sandra THOMPSON, *Conditional in discourse: a text-based study in English*. — In: Elizabeth TRAUOGOTT (Ed.), *On conditionals*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- French & Nelson 1985 — FRENCH, Lucia A., and Katherine NELSON, *Young children's knowledge of relational terms: Some ifs, ors and buts*. — New York: Springer-Verlag, 1985.
- Goddard 1986 — GODDARD, Cliff, *The natural semantics of too*. — *Journal of Pragmatics*, 10(5), p. 635 - 643.
- Goddard 1989 — GODDARD, Cliff, *Issues in Natural Semantic Metalanguage*. — *Quaderni di Semantica*, 10(1), p. 51 - 64.
- Goddard 1994 — GODDARD, Cliff, *Lexical primitives in Yankunytjatjara*. — In: [Goddard & Wierzbicka 1994], p. 229 - 262.
- Goddard & Wierzbicka 1994 — GODDARD, Cliff, and Anna WIERZBICKA (Eds.), *Semantic and lexical universals: Theory and empirical findings*. Amsterdam: John Benjamins, 1994.
- Haiman, ms. — HAIMAN, John, *Conditionals*.
- Hallpike 1979 — HALLPIKE, Christopher Robert, *The foundations of primitive thought*. Oxford: Clarendon Press, 1979.
- Harkins and Wilkins 1994 — HARKINS, Jean, and David P. WILKINS, *Mparniwe Arrernte and the Search for Lexical Universals*. — In: [Goddard & Wierzbicka 1994], p. 285 - 310.
- Haviland 1979 — HAVILAND John, *Guugu Yimidhirr*. — In: R. M. W. DIXON and Barry BLAKE (Eds.), *Handbook of Australian Languages*. Vol. 1. Canberra: ANU Press, 1979, p. 27 - 180.
- Horn 1989 — HORN, Laurence R., *A natural history of negation*. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1989.
- Longacre & Thompson 1985 — LONGACRE, Robert, and Sandra THOMPSON, *Adverbial clauses*. — In: Shopen TIMOTHY (Ed.), *Language typology and syntactic description*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Luria 1976 — LURIA, A. R., *Cognitive development: Its cultural and social foundations*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1976.
- McCawley 1981 — MCCAWLEY, James D., *Everything that linguists have always wanted to know about logic* (*but were ashamed to ask)*. Chicago: Chicago University Press, 1981.

McConvell 1991 — McCONVELL, Patrick, *Cultural domain separation: Two-way street or blind alley? Stephen Harris and the neo-Whorfians on Aboriginal education*. — *Australian Aboriginal Studies*, 1991, 1, p. 13 - 24.

Mosel 1984 — MOSEL, Ulrike, *Toloi syntax and its historical development*. — *Pacific Linguistics*, 1984, Series B, No. 92 (Canberra: Dept. Linguistics, Research School of Pacific Studies, Australian National University.)

Traugott et al. 1986 — TRAUOGOTT, Elizabeth Closs, Alice TER MEULEN, Judy SNITZER REILLY, and Charles A. FERGUSON (Eds.), *On conditionals*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

Verhaar 1966 - 1973 — VERHAAR, John M. (Ed.), *The verb 'be' and its synonyms: philosophical and grammatical studies*. Dordrecht: D. Reidel, vol. I - V, 1966 - 1973.

Wierzbicka 1967 — WIERZBICKA, Anna, *On the semantics of verbal aspect in Polish*. — In: *To Honor Roman Jakobson: essays on the occasion of his 70th birthday*. The Hague: Mouton, 1967.

Wierzbicka 1972 — WIERZBICKA, Anna, *Semantic primitives*. asion of his 70th birthday. The Hague: Mouton, 1967.

Wierzbicka 1972 — WIERZBICKA, Anna, *Semantic primitives*. Frankfurt: Athenäum, 1972 (Linguistische Forschungen, 22).

Wierzbicka 1980 — WIERZBICKA, Anna, *Lingua mentalis: the semantics of natural language*. Sydney: Academic Press, 1980.

Wierzbicka 1986 — WIERZBICKA, Anna, *Precision in vagueness: The semantics of English approximatives*. — *Journal of Pragmatics*, 1986, 10, 2, p. 597 - 613.

Wierzbicka 1989 — WIERZBICKA, Anna, *Semantic primitives and lexical universals*. — *Quaderni di Semantica*, 1989, 10 (1), p. 103 - 121.

Wierzbicka 1991 — WIERZBICKA, Anna, *Cross-cultural pragmatics: The semantics of human interaction*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1991.

Wierzbicka 1992 — WIERZBICKA, Anna, *Semantics, culture and cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations*. New York: Oxford University Press, 1992.

Wierzbicka 1994 — WIERZBICKA, Anna, *Semantic primitives across languages: A critical review*. — In: [Goddard & Wierzbicka 1994], p. 445 - 500.

Wierzbicka, in press — WIERZBICKA, Anna. In press. SPU.

ПОРЯДОК СЛОВ "ОПРЕДЕЛЕНИЕ — ОПРЕДЕЛЯЕМОЕ"
В СТИХАХ И ПРОЗЕ

М. Л. ГАСПАРОВ
(Москва)

THE WORD ORDER "DETERMINANDUM — DETERMINATUM"
IN VERSE AND IN PROSE

M. L. GASPAROV
(Moscow)

У Кантемира в «Письме Харитона Макентина о сложении стихов русских» (параграф 5) есть такое высказывание:

Как я не чаю, что стихотворство русское одно и то же с французским, так и не могу согласиться, что... без рифм стихи некрасивы на русском языке для того, что у французов не в обыкновении. Язык французский 1) не имеет стихотворного наречия; те же речи в стихах и в простом сложении принужден он употреблять. К тому ж 2) непременно поставлять местоимение прежде имени, имя прежде слова, слово прежде наречия и, наконец, управляемую словом речь в своем падеже, то есть не позволено на французском языке предложение частей слова, без которых двух помочей необходимо нужно украшать стих рифмою; а инако был бы он речь простосложная. Наш язык, напротив, изрядно от славенского занимает отменные слова, чтоб отдалиться в стихотворстве от обыкновенного простого слога и укрепить тем стихи свои; также полную власть имеет в предложении, которое не только стих, но и простую речь украшает.

Это значит вот что. В 1730 - 1740-х гг. одновременно происходило становление русского литературного языка и русского литературного стиха. Стих, чтобы иметь право на существование, должен был ошутимо отличаться от прозы. В. Третьяковский в своем трактате 1735 г. смело предложил ввести в привычные силлабические стихотворные размеры силлаботонический метр — это было бы заведомо ошутимым отличием стиха от прозы. Кантемир в своем «Письме» 1743 г. счел такую меру ненужным максимализмом: по его мнению, стих достаточно отличается от прозы уже своими языковыми особенностями, так что метр и даже рифма в нем необязательны. Этих языковых особенностей — две: славянизированная лексика и прихотливый порядок слов. Сам Кантемир работал преи-

мущественно в низком жанре — в сатире: по-видимому, это ограничивало его возможности пользоваться славянизированной лексикой и побуждало вместо этого шире пользоваться перестановками слов.

Эти две особенности остались характерны для всей русской классической поэзии. Наблюдений над высокой лексикой поэтического языка сделано много, над порядком слов в стихе — меньше. Работы И. Ковтуновой о поэтическом синтаксисе заслуженно считаются образцовыми. Однако кое-что здесь ускользало от внимания исследователей просто потому, что они мало пользовались точными подсчетами.

Как менялся порядок слов в стихах от XVIII в. к XX в.: по интуитивному читательскому опыту напрашивается ответ: постепенно, от все большего к все меньшему количеству инверсий, от искусственных конструкций у Ломоносова к исчезновению их у Пушкина и, тем более, у поэтов XX в. Однако, по-видимому, это не так.

Мы сделали подсчет по самому заметному типу словосочетаний с ошутимым порядком слов: "существительное с согласованным определением". Прямым, т. е. более частотным порядком слов здесь является "определение - определяемое", обратным — "определяемое - определение". Для подсчета были взяты по 100 первых атрибутивных словосочетаний из Ломоносова («Ода на день брачного сочтения...» 1745), из Пушкина («Евгений Онегин», гл. 7, строфы 1 - 19) и из Блока («Под шум и звон разнообразный...», «На островах», «Идут часы, и дни, и годы...», «Авиатор», «Ночь, улица, фонарь, аптека...», «Говорят черти», «Говорит Смерть», «Демон», «Она, как прежде, захотела...»; размер — всюду 4-стопный ямб. Для сравнения были взяты по 100 таких же словосочетаний из прозы тех же авторов: «Слова похвального... Елисавете Петровне...» (1749), «Пиковой дамы» и «Молний искусства». Выборки, конечно, невелики, но тенденции порядка слов в них настолько устойчивы, что показатели могут считаться надежными.

Подсчитывались отдельно словосочетания, выходящие в рифму ("Гонимы вешними лучами", "Сближаем думую смущенной") и словосочетания внутри строки ("К слепому солнцу над трибуной", "Как чудище морское, в воду"); в строках типа "Моей мечтательницы милый" учитывалось два словосочетания (с прямым и с обратным порядком слов). Кроме контактных словосочетаний, учитывались немногочисленные дистанционные ("Как в тяжких Таврских нутр горах", "Цветут во днях уе младых"). Из подсчета исключались словосочетания, в которых определение было развернуто дополнительными словами ("Недоуменья полный взор", "На душу< > мертвую

давно»). В нижеследующей таблице пары чисел "31 + 30" и т. п. означают: "31 случай в рифме, 30 случаев внутри строки" и т. п.

	С т и х и			П р о з а		
	прямой	обратн.	всего	прямой	обратн.	всего
ЛОМОНОСОВ:						
Контакт.	31 + 30	14 + 8	83	71	22	93
Дистанц.	12 + 2	3 + 0	17	7	—	7
Всего	43 + 32	17 + 8		78	22	100
ПУШКИН:						
Контакт.	40 + 15	38 + 4	97	94	6	100
Дистанц.	3 + 0	0 + 0	3	—	—	—
Всего	43 + 15	38 + 4		94	6	100
Б Л О К:						
Контакт.	54 + 18	19 + 5	96	99	1	100
Дистанц.	2 + 0	2 + 0	4	—	—	—
Всего	56 + 18	21 + 5		99	1	100

Из таблицы видно:

1) Самые резкие перемены происходят в прозе. Обратный порядок слов в «Слове похвальном» Ломоносова составляет 22% случаев, затем резкий спад, и у Пушкина остается лишь 6% обратного порядка (все — с местоимениями, типа "бабушка моя"), а у Блока — 1% ("в холод воспоминаний невозвратных"). Для сравнения мы дополнительно сделали подсчет по научной прозе Ломоносова («Российская грамматика»); здесь показатель обратного порядка — промежуточный: 15%. Видно, что обратный порядок определения и определяемого является в первую очередь знаком высокого стиля (а не вызван особыми потребностями стиха, как могло бы показаться). Об источниках обратного порядка слов в русской стилистике мы здесь не решаемся рассуждать; конечно, он восходит к латинскому и (через церковнославянский) греческому языку, но подробности требуют особого исследования. Заметим лишь, что в XVII в. стилистическая роль обратного порядка слов, видимо, еще не определи-

лась: высокий слог Симеона Полоцкого («Энкомион» из «Орла Российского») дает 32% обратного порядка, а низкий (?) слог «Жития» Аввакума — целых 44% (впрочем, из них 15% — это инверсии местоимений типа "дом мой", которые, по-видимому, всегда ощущались более стилистически нейтральными).

2) Разница между показателями обратного порядка слов в высокой прозе и в высоком стихе у Ломоносова почти незначительна: 22% в прозе, 25% в стихе. Разница между показателями в низкой прозе и низком стихе тоже невелика: 15% в «Российской грамматике», 19% в «Притчах» Сумарокова (у Ломоносова здесь нет достаточного количества материала). Высокая ораторская проза и высокий стих в одинаковой мере противопоставляются низкой прозе и низкому стиху, а друг другу не противопоставляются. (Это использование обратного порядка слов в качестве приметы высокого стиля наметилось в поэзии еще до Ломоносова.)

Мы подсчитали дополнительно по сотне атрибутивных словосочетаний у Кантемира в «Сатирах» и в «Петриде»: показатель обратного порядка слов в низких «Сатирах» — 28%, в высокой поэме — целых 49%; и это несмотря на то, что в силлабическом стихе Кантемира изменить обратный порядок на прямой было очень легко. Потом, с исчезновением ораторской прозы из литературы, остается только противопоставление стиха низкой, не ораторской прозе: по-прежнему Пушкина и очеркам Блока.

3) Дистанционное расположение слов не меньше, если не больше отличает стих от прозы, чем пропорции прямой и обратного порядка. (Источник его — тоже греческий и латинский синтаксис: в латинской версии того же «Слова похвального...» Ломоносова показатель дистанционного расположения — 36%, в славянизированном «Энкомионе» Симеона — 28%, тогда как у Аввакума — только 2%). В XVIII в. показатель дистанционного расположения для высокой прозы — 7%, для высокого стиха — 17%, для научной прозы — 3%, для притчевого стиха — 18%. (Строки типа "С великим пастухи в долине были стадом" не менее характерны для притч Сумарокова, чем "Как в тяжких Таврских нутр горах" для од Ломоносова. У Кантемира показатель дистанционного расположения в «Сатирах» — 15%, в «Петриде» — 12%: разница так же невелика, как между одами и притчами). Разрыв между прозой и стихом здесь гораздо заметнее, чем по показателям обратного порядка слов. После XVIII в. дистанционное расположение определения и определяемого исчезает из прозы полностью, из поэзии — почти полностью (3 - 4%

у Пушкина и Блока). По этому признаку, поэзия и проза сближаются друг с другом, тогда как по пропорциям прямого и обратного порядка слов, как мы видели, они расходились.

4) В самом деле, неожиданное всего в нашем материале оказывается удивительная сохранность обратного порядка слов в поэзии на протяжении XVIII - XX вв. Показатель обратного порядка слов у Ломоносова — 25%, у Блока — 26%, за двести лет — никаких изменений. (Разве что у Ломоносова словосочетаний с обратным порядком слов на рифмующем конце строки вдвое больше, чем внутри строки, а у Блока — вчетверо больше: у Ломоносова обратный порядок слов вызывался больше потребностями стиля, у Блока — потребностями рифмы).

5) Но даже на этом фоне удивительным кажется резкое учащение обратного порядка слов у Пушкина: в «Евгении Онегине» показатель обратного порядка слов — не 25 - 26, а целых 42% (причем в конце строки — вдесятеро больше, чем внутри строки). Из-за привычности мы обычно не ощущаем этих инверсий в «Пчела за данью полевой Летит из кельи восковой» и т. п. Образное содержание пушкинского «романа в стихах» по сравнению с традиционными поэмами было ошутимо прозаизировано; вероятно, для компенсации этого потребовалось усиление поэтизации на другом, стилистическом уровне — накоплением сле заметных поэтизмов-инверсий. Может быть, можно даже проследить локальную семантику порядка слов: скопление прямого порядка слов в строках «Гонимы вешними лучами, С окрестных гор уже снега Сбежали мутными ручьями На потопленные луга» может восприниматься как «собственный голос» автора, а скопление обратного порядка слов в строках «...за могилой В пределах вечности глухой Смутился ли певец унылый Измени вестью роковой, Или над Летою усыпленной Поэт, бесчувствием блаженный, Уж не смущается ничем» — как «несобственный голос», стилизация под элегическую топику.

Наконец — эпилог. Начиная с 1920-х гг. 4-стопный ямб постепенно выходит из употребления, уступая место 5-стопному ямбу: он ощущается как уже «отработанный» размер, и всякое обращение к нему кажется невольной стилизацией, цитатой из прошлого. Это ощущается не только в ритме, но и в синтаксисе. Мы подсчитали дополнительно показатели по начальным главам поэмы Твардовского «За далью — даль» (1950):

Порядок: прямой обратн. всего

ТВАРДОВСКИЙ:

Контакт.	52 + 17	17 + 3	89
Дистанц.	11 + 0	—	11
Всего	63 + 17	17 + 3	

Мы видим: обратный порядок слов держится здесь почти на классическом уровне, нехотя снижаясь лишь с 25% до 20% (на рифмующем конце — вшестеро больше, чем внутри строки): «Зубов казенных блеск унылый...» Мало того: следуя своей установке на классику, Твардовский не только архаизирует, но и гиперархаизирует свой синтаксис — у него вдруг вновь появляются случаи дистанционного расположения атрибутивных словосочетаний, почти начисто исчезнувшие у Пушкина и Блока: целых 11%, почти как у Ломоносова («Заветный свой хранит секрет...»).

«На какие темы, какими бы словами ни писать сейчас стихов, — поскольку эти стихи будут написаны четырехударным ямбом, они непременно будут звучать, как стихи, написанные сто лет тому назад», — пронизательно писал О. Брик («Ритм и синтаксис», 1927). Наш маленький обзор истории такого элемента ритмико-синтаксических клише, как атрибутивные словосочетания в русском 4-стопном ямбе, как кажется, подтверждает это суждение.

СЛОВАРНАЯ СТАТЬЯ В ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОМ СЛОВАРЕ
РУССКИХ ЖЕСТОВ, МИМИКИ И ПОЗ*

С. А. ГРИГОРЬЕВА, Н. В. ГРИГОРЬЕВ, Г. Е. КРЕЙДЛИН
(Москва)

ENTRY OF THE EXPERIMENTAL DICTIONARY OF RUSSIAN BODY
AND FACIAL GESTURES AND POSTURES

S. A. GRIGORYEVA, N. V. GRIGORYEV and G. E. KREIDLIN
(Moscow)

Коммуникативная деятельность человека включает в себя несколько подсистем различного типа. Безусловно, центральная роль в общении людей принадлежит естественному языку, однако в коммуникации могут также использоваться единицы других систем. Так, в устной коммуникации очень важное место отводится *жестам, мимике и позам*, объединяемым в западной терминологии понятием *body language* (язык тела). В дальнейшем мы будем рассматривать все эти единицы как части единой жестовой системы и называть *жестами*.

Попытки описания русской кинетической системы уже предпринимались. Так, можно упомянуть существующие нормативные описательные словари А. А. Акишиной, Х. Кано и Т. Е. Акишиной [Акишина и др. 1991], словарь А. А. Акишиной и Х. Кано [Акишина, Кано 1992], сопоставляющий описания русских и японских жестов. Имеется много специальных работ, посвященных анализу различных жестовых систем. Это работы Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова [Верещагин и Костомаров 1976; 1981], Т. М. Николаевой и Б. А. Успенского [1966], Л. А. Капаназе и Е. В. Красильниковой [1973], из зарубежных авторов — работы А. Кендона, Р. Бирдстела, А. Пиза и др., содержащие ряд важных и полезных сведений, которые были учтены нами в данной работе. Между тем, на сегодняшний день не существует полного научного лексикографического описания русской жестовой системы. Такое описание должно было бы включать в себя анализ не только собственно жестов, но и всех других коммуникативно значимых единиц кинетической природы — мимики, тело-

* Работа выполнена в рамках проекта, который в 1994–95 гг. финансировался Международным научным фондом.

движений и статических поз. Оно должно опираться на достижения современной лингвистики, в полной мере используя возможности, предоставляемые значительно расширенным и существенно уточненным в последнее время понятийным и терминологическим аппаратом. При этом хотелось бы ориентировать словарь не только на лингвиста-профессионала, но и на преподавателя языка или рядового читателя, не обладающего специальными лингвистическими знаниями. Столь широкий и разнородный круг потенциальных читателей предполагает особую тщательность при разработке языка словарного описания. Этот язык должен сочетать простоту и ясность с научной строгостью.

Нашей целью является построение экспериментального словаря языка русских жестов, мимики и поз, удовлетворяющего всем изложенным требованиям. Кроме того, современная лексикография выдвигает на первый план *принцип интегральности* лингвистического описания (см. [Апресян 1986]). Одним из проявлений этого принципа является согласование словарного и грамматического описания. Такой *внутренней согласованностью* должен, по замыслу, обладать и наш словарь. Кроме того, паралингвистический характер описываемой знаковой системы, существующей параллельно естественному языку, налагает дополнительные требования на структуру создаваемого словаря и форму словарного описания. Этот словарь должен удовлетворять условию *внешней согласованности* — согласованности лексикографических представлений жестовой и естественноречевой систем.

Словарь состоит из нескольких частей. Это — инструкция пользователю словаря, списки условных обозначений и словарных помет, всевозможные указатели и, разумеется, основная часть — собственно словарь. *Инструкция пользователю* объясняет структуру указателей и содержит правила пользования словарем. Кроме того, в инструкции вводятся понятия и термины, специфические для описания жестовой системы.

Основная часть открывается обширным теоретическим разделом, получившим название *грамматики словаря*. Грамматика словаря служит сразу нескольким целям. Во-первых, она содержит общие сведения о жестовых системах и выделяемых основных классах жестов, об основных типах знаков, применяемых в русской жестовой системе. Во-вторых, теоретическая часть включает в себя информацию грамматического, прагматического и другого характера, свойственную жестам в целом или большой группе жестов. В частности, она может включать в себя правила комбинаторного характера: например, о сочетаемости классов жестов между собой, образовании жестовых

фразаологизмов и т. д. Именно на основе этой информации формируется лексикографический тип жестов и строится соответствующая типологическая классификация.

В соответствии с традицией, принятой для описания естественного языка, словарная статья состоит из двух частей: *входа* и *интерпретации*. Специфика жестов состоит в том, что не существует очевидных и общепринятых способов точно зафиксировать на бумаге их означающее. Поэтому вход статьи имеет существенно более сложную организацию. Он состоит из трех частей:

- *схематического изображения жеста* (рисунка);
- *номинации жеста*;
- *тезаурусно-классификационной характеристики*.

Статичность рисунка не позволяет отразить всю динамику жеста; поэтому при необходимости вместо одного рисунка могут быть даны несколько изображений жеста, фиксирующих различные фазы или варианты его воспроизведения.

Теперь о номинации. Как правило, одному жесту соответствует не одно, а несколько языковых выражений. В этом случае в качестве входа выбирается одно из них, наиболее частотное и устойчивое. Остальные приводятся в особой зоне словарной статьи (см. ниже).

Тезаурусно-классификационная часть задает парадигматические связи данного жеста, опираясь на следующие важные противопоставления. По признаку участия в актуальной жестовой коммуникации части тела делятся на *активные органы* (орудия) и *пассивные органы*. Функция активных органов состоит в конкретном задании с п о с о б а реализации жеста. Пассивные органы определяют м е с т о его реализации. Деление органов на активные и пассивные и последующая группировка словарных статей по названию активных органов не только фактически приняты в существующих жестовых описаниях, но и, как показывает практика, естественны и удобны для пользователя. Прежде чем привести примеры, отметим, что указание активного органа-орудия с необходимостью входит в каждую словарную статью, а информация о пассивном органе может отсутствовать. Например, для жеста *бить себя в грудь* выделяется активный орган *КИСТЬ* (кулак или ладонь) и пассивный орган *ГРУДЬ*; для жеста *почесать в затылке* — активный орган *КИСТЬ* (пальцы) и пассивный орган *ГОЛОВА*; для мимического жеста *зажмуриться* указывается лишь активный орган — *ГЛАЗА*; для жеста-позы *сидеть нога на ногу* активный орган — *НОГА*. Дальнейшая классификация жестов может строиться по ос-

новным частям тела, включающим в себя активный орган: например, жесты *указывать пальцем* и *прикрыть ладонью рот* попадут в соответствии с принятой классификацией в класс *РУКА*, а жест *топнуть ногой* и детский жест *ковырять носком землю* будут отнесены к классу *НОГА*.

Вход может быть снабжен *стилистическими пометами*. Назначение стилистических помет при входе отвечает прежде всего следующим задачам: отделить обычные ситуации использования жеста от игровых, стилистически немаркированные жесты от стилистически маркированных, разграничить ситуации использования жеста, например, по степени интимности. Так, при жесте *показать кукиш* стоит помета *грубый или детский*, а при жесте *показать язык* — помета *игровой*. Если жест допускает помимо маркированного употребления нормальное, то информация о возможности употребления его в маркированной ситуации описывается в отдельной зоне словарной статьи. Такое решение принято прежде всего для удобства пользователя: ему нет необходимости заглядывать внутрь словарной статьи, чтобы понять, употреблять ли ему конкретный жест в той или иной ситуации.

Перейдем теперь от описания входа словаря к характеристике интерпретации. Она открывается очень важной зоной *физического описания жеста*. Если зона схематического изображения фиксирует статический результат создания жеста, то зона физического описания ориентирована на последовательный синтез жеста. Физическое описание жеста осуществляется на специальном языке. Этот язык включает в себя названия основных частей тела и движений, совершаемых ими. Последние описываются обычными глаголами русского языка. Что же касается частей тела, то выбор единиц определяется прежде всего ориентацией словаря на массового пользователя. Поэтому мы старались избегать узкоспециальных анатомических терминов, обращаясь к ним лишь в случае крайней необходимости. В большинстве случаев для обозначения соответствующей части тела подбирается референциально тождественное термину выражение обычного языка. Например, важной для описания физической реализации жеста *заткнуть уши* является часть ушной раковины, имеющая анатомическое название *козелок* (слово узкоспециальное, отсутствующее в толковых словарях). Мы, однако, заменили это слово эквивалентным ему выражением *выступ ушной раковины, находящийся над ушным отверстием ближе к виску*. В тех случаях, когда бытовые названия частей тела не совпадают с анатомическими (напр. *плечо*), мы также стараемся придерживаться бытовых. Только в тех случаях, когда использование выражений обычного языка де-

дает описание слишком громоздким и малопонятным, мы вводим терминологические обозначения частей тела (*фаланга, ушная раковина, корпус* и др.). Все эти термины приводятся в инструкции и снабжаются необходимыми пояснениями.

Один и тот же жест может иметь несколько альтернативных способов физической реализации. Основным считается физиологически наименее маркированный, или наиболее удобный, вариант. *Физиологически удобным* называется жест, для которого место реализации согласовано с наиболее естественным способом его осуществления. Так, жест *покрутить пальцем у виска* (у правой) нормально осуществляется правой рукой у правого виска, и не следует помещать эту информацию непосредственно в словарной статье жеста. В физическом описании жеста *заткнуть уши* не должно указываться, что левая рука затыкает левое ухо, а правая — правое. Принцип выбора физиологически естественного варианта эксплицитно формулируется в грамматике словаря. Следование этому принципу позволяет дать экономное описание физической реализации жеста.

Интересно, что некоторые физические характеристики жеста могут коррелировать с элементами значения жеста или его употребления. Возьмем, например, жест *барабанить пальцами по столу*. Медленные движения пальцев отвечают эмоциональному состоянию задумчивости, а быстрые — состоянию нетерпения или волнения. Демонстративно медленное складывание пальцев в жесте *показать кукиш* и последующее замедленное движение руки в направлении адресата свидетельствует об экспрессивном характере жеста. Вообще, многократная реализация какого-либо жеста обычно показывает более высокую по сравнению с однократной степень передаваемой эмоции. Так, *грозить кулаком* (= несколько раз *показать кулак*) представляет собой *Magp* от жеста *показать кулак*.

Еще одно замечание: разные по характеру физические реализации жеста могут соответствовать разным социальным или ситуативным ролям участников ситуации. Так, чем больше социальная или ситуативная дистанция между участниками жеста *стукнуть кулаком по столу*, тем более приемлемой оказывается в этой ситуации большая громкость удара.

Зону физического описания дополняет информация об *удлинителях*. Удлинителями мы называем такие физические объекты, которые, не будучи частями тела человека, могут служить составным элементом того или иного жеста. Так, жест *показать пальцем* может осуществляться ручкой или другим подобным предметом, как бы составляющим продолжение руки. Между тем название жеста при этом сохраняется: жеста **показать ручкой* в русском языке

нет. Жест *помахать рукой* (при прощании) может осуществляться платком (женский вариант жеста) или шляпой (мужской вариант). В этой связи представляет отдельный интерес построение семантической классификации удлинителей, что может составить предмет особого исследования.

Помимо указания необходимых кинетических артикуляций, в зону физического описания жеста вносится информация об *обязательных* сопутствующих телодвижениях или мимике. Ср. такие выражения: *корпус подается вперед, губы сжаты, взгляд направлен на адресата*. Некоторые из таких телодвижений и мимических фигур могут являться самостоятельными единицами словаря; ср. *отвернуть глаза, сделать большие <круглые> глаза, играть желваками*. Для этих единиц сопутствующими могут оказаться отдельные физические элементы, например, для мимического жеста *нахмурить брови* физическое описание должно предусматривать в качестве факультативного элемента сжатие рук в кулак.

Теперь о зоне *толкования*. В качестве входа толкования жеста мы выбираем его номинацию, представленную в пропозициональной форме. Основным элементом входа толкования является глагол в одной из видо-временных форм — той, которая представляется исследователю наиболее удобной для отражения семантических особенностей жеста и одновременно максимально отвечает сущности его физической реализации. Например, для однократного действия *топнуть ногой* выбран вход *X топнул ногой* (переменные в составе входа толкования, как обычно, отражают семантические актанты предиката). Для протяженных во времени жестов-действий *помахать пальцем* и *почесать в затылке* выбирается глагол в форме актуально-длительного значения несовершенного вида: *X махит пальцем Y-а, X чешет в затылке*.

Текст толкования пишется на принятом Московской семантической школой метаязыке, что также обеспечивает внешнюю согласованность словарного описания (см. выше). Впрочем, семантическое разложение не всегда доводится до того уровня, который принят в современных словарях. В нем могут также использоваться единицы, входящие в основной фонд естественного языка и, строго говоря, не относящиеся к семантическому метаязыку. Это делается прежде всего для удобства массового пользователя; профессиональный же лингвист, опираясь на существующие современные словари, сам достигнет нужной ему глубины семантического разложения.

Структура толкования в основном соответствует той, что принята для языковых единиц в интегральной модели языка. Для многозначных жестов все значения нумеруются; каждое отдельное значе-

ние получает отдельное толкование. Если информация в некоторой зоне является общей для всех значений, то соответствующая зона помещается в начале статьи — перед разбиением на значения. В тексте толкования выделяются пресуппозиции и асертции; соблюдаются и такие стандартные требования, как отсутствие синонимии и омонимии; фиксируются необходимые причинно-следственные связи и т. п.

Зона толкования может сопровождаться более свободным по форме комментарием, куда включены сведения о мотивах перехода жестикулирующего от речевой формы выражения к жестовой, о модификации толкований в случае немотивированного использования жеста, о причинах, по которым те или иные компоненты толкования включены в текст и др. Так, часто переход от речевой коммуникации к жестовой имеет свои внутренние мотивы; например, жест *бить себя в грудь* свидетельствует о том, что сильное волнение жестикулирующего достигло той точки, когда его внутреннее состояние должно выражаться не речевой, а сугубо поведенческой реакцией (= 'уже нет слов'). Жест *помянуть пальцем* (в одном из значений: = 'подзывать') в случае немотивированного использования в ситуации, где можно обойтись одними словами, носит несколько оскорбительный оттенок, поскольку показывает, что адресат находится во власти жестикулирующего. Он демонстрирует ничем не оправданную доминацию одного из участников ситуации над другим.

Некоторые из значений многозначного жеста могут являться переносными по отношению к исходному. В этом случае мы стараемся проследить связь значений, фиксируя ее с помощью выделения общих компонентов. Такое выделение позволяет выявить связь между различными интерпретациями одного и того же жестового движения. Рассмотрим жест *схватиться за голову*. Полный текст толкования этого жеста передает идею о том, что жестикулирующий приходит в состояние отчаяния, ужаса или растерянности от неожиданной для него информации. Это значение можно считать переносным по отношению к значению физиологического (не являющегося жестом) движения *схватиться за голову*, указывающего на то, что у жестикулирующего болит голова. (Интересно отметить, что номинация симптоматического жеста *схватиться за голову* имеет ударение на предлоге, а физиологическое движение чаще называется *схватиться за голову*. Это указывает на большую фразеологизованность языкового обозначения жеста по сравнению с названием жестового дви-

жения; ср. также *стукнуть кулаком по столу* vs. *стучать молотком по столу*).

Возможная сочетаемость жеста, ситуативные и прагматические условия его употребления, социальные статусы коммуникантов составляют основное содержание зоны *условий употребления*. Например, для жеста *схватиться за голову* указывается, что он свойствен преимущественно взрослым, а этикетный жест *поцеловать руку* обычно осуществляется мужчиной по отношению к женщине или лицами любого пола по отношению к лицу высокого духовного сана; ритуальная поза *стать на колени* характерна для речевого акта молитвы; жест *показать нос* указывает на шуточный или игровой характер ситуации.

Важной зоной является зона *однословной характеристики семантики жеста*. Во-первых, она создает основу для полезной семантической классификации жестов: ср. жесты отчаяния, угрозы и т. п. Во-вторых, выбранная однословная характеристика позволяет указать ту единицу естественного языка, которая теснее всего связана с данным жестом: например, для жеста *топнуть ногой* в этой зоне приведены слова *УПРЯМСТВО* и *КАПРИЗ*, а для *бить себя в грудь* — слово *УБЕЖДЕНИЕ*.

В зону звукового сопровождения жеста включаются те звуковые последовательности, которые с необходимостью или с высокой степенью обязательности воспроизводятся вместе с жестом. Например, для жеста *провести ладонью по горлу* указывается звуковое сопровождение: "Во!" ("Во, где!", "Во, как!"), а для жеста *приложить палец к губам* — "Тс-с-с!".

К зоне звукового сопровождения примыкает зона *сопутствующих жестов*. В этой зоне указываются телодвижения и жесты (в т. ч. мимика и позы), которые факультативно исполняются одновременно с описываемым жестом. Для жеста *стукнуть кулаком по столу* в этой зоне указывается, что жестикулирующий может привстать, а для жеста *схватиться за голову* — что он может расквашиваться из стороны в сторону. Помимо названия сопутствующего жеста, в этой зоне могут указываться семантические компоненты, которые обеспечивают его сочетание с описываемым (см. жест *заткнуть уши*, о котором пойдет речь ниже). Для некоторых единиц может указываться их роль в сочетании: так, для жеста *пожать плечами* втягивание головы в плечи играет усиливающую роль (аналог лексической функции Magn), а для жеста *стукнуть кулаком по столу* такую же роль выполняет движение *привстать*.

Есть также зоны *звуковых и жестовых аналогов*. В них приводятся те коммуникативные единицы (звуковые последовательности,

слова и выражения естественного языка, жесты, позы, мимика и т. д.), которые близки по смыслу к описываемому жесту и поэтому могут заменять его в процессе общения. Так, речевыми аналогами для жеста **помянуть пальцем** будут "Эй!", "Поди сюда!", для **кивка** — "Да"; жесты **показать нос** и **показать язык** будут аналогами друг друга. Поскольку языку жестов не свойственна синонимия, мы решили не заводить специальной зоны синонимов. Близкие по значению единицы попадают в разряд аналогов.

В отдельной зоне приводятся *другие номинации* того же жеста. Это нужно для того, чтобы "узнать" жест в тексте. Для **схватиться за голову** это будут *браться за голову, сжать <стиснуть, обхватить> голову руками*.

Зона *энциклопедических и культурных сведений* о жестах содержит сведения различного характера. Во-первых, в нее помещается этимологическая и историческая информация о жестах. Например, жест **стоять руки в боки** ранее означал браваду и допускался только в обществе военных; людям штатским предписывалось его избегать. (М. Ямпольский, *Жесты палача, оратора, актера*. — Ad marginem, 1994). По свидетельству Эразма Роттердамского, рукопожатие ввели квакеры в конце XVII века, не желая кланяться или снимать шляпу перед другим человеком и показывая, что у них в руках нет оружия.

Во-вторых, в эту зону попадут сведения о культурной мотивации жеста и о его коннотациях. Так, для жеста **воздеть руки к небу** отмечается его религиозная мотивация, а для жеста **захлопать в ладоши** — его ассоциация с театральным действием. Жест **засучить рукава** несет коннотацию грязной (в разных смыслах) деятельности, к которой собирается приступить человек, а жест **тянуть за уши** (в день рождения), который применяется к детям, связан с идеей роста.

В эту же зону попадут и любые другие сведения о жесте, могущие представлять интерес для читателя. Если жест связан с культурно выделенным фактом или лицом, то эта связь фиксируется в данной зоне. Например, для жеста выброшенной вверх рукой со сжатым кулаком, носящего историческое название "**кулак Дантова**", приводятся необходимые сведения о Дантоне, позволяющие правильно интерпретировать данный жест; для "**позы мыслителя**" будет дано указание на известную скульптуру Родена, и т. п.

Завершается словарная статья *зоной иллюстраций*. Иллюстрации являются языковые выражения, описывающие данный жест. Они берутся из произведений классической и современной литературы.

В качестве примера приведем одну словарную статью:

часть тела: РУКА
рабочий орган: КИСТЬ

ПОКАЗАТЬ БОЛЬШОЙ ПАЛЕЦ

физическое описание

Рука сжата в кулак, при этом большой палец распрямляется перпендикулярно ребру ладони. Ладонь располагается так, чтобы большой палец располагался вертикально и был направлен вверх.

толкование

X показывает большой палец = 'Обсуждая некоторый объект или событие P, жестикулирующей [X] показывает, что P ему очень нравится'.

однословная характеристика

ОДОБРЕНИЕ/ВОСХИЩЕНИЕ

звуковое сопровождение

— *Вó!* [Данный жест может служить аналогом обобщенно-указательного местоимения. Его звуковое сопровождение может быть конструктивным элементом фразы на естественном языке. Ср. разговорное — *Я вчера вó (показывает палец) чего придумал. Я вó какой фильм видел!*];
— *На большой!*

речевой аналог

— *Здóрово!*
— *Класс!*

ЛИТЕРАТУРА

Акишина и др. 1991 — А. А. АКИШИНА, Х. КАНО, Т. Е. АКИШИНА, *Жесты и мимика в русской речи*. М., 1991.

Акишина, Кано 1992 — А. А. АКИШИНА, Х. КАНО, *Словарь русских жестов и мимики*. Токио, 1992.

Апресян 1986 — Ю. Д. АПРЕСЯН, *Интегральное описание языка и толковый словарь*. — Вопросы языкознания, № 2, 1986.

Верещагин, Костомаров 1976 — Е. М. ВЕРЕЩАГИН, В. Г. КОСТОМАРОВ, *Язык и культура*. М., 1976.

Верещагин, Костомаров 1981 — Е. М. ВЕРЕЩАГИН, В. Г. КОСТОМАРОВ, *О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами (на материале русского языка)*. — Вопросы языкознания, № 1, 1981.

Николаева, Успенский 1966 — Т. М. НИКОЛАЕВА, Б. А. УСПЕНСКИЙ, *Языкознание и паралингвистика*. — В кн.: *Лингвистические исследования по общей и славянской типологии*. М., 1966.

Капанадзе, Красильникова 1973 — Л. А. КАПАНАДЗЕ, Е. В. КРАСИЛЬНИКОВА, *Жест в разговорной речи*. — В кн.: *Русская разговорная речь*. М., 1973.

ТРИ ИНВЕНЦИИ НА ГРАНИ ЛИНГВИСТИКИ И ПОЭТИКИ

А. К. Жолковский
(Лос-Анджелес)

THREE INVENTIONS ON THE BORDER BETWEEN LINGUISTICS AND POETICS

A. K. ZHOLKOVSKY
(Los Angeles)

Интересы многих лингвистов нашего поколения, включая юбилера, постепенно сдвигались от синтаксиса к семантике, прагматике и далее структурной поэтике, а у некоторых — и к постструктурным инвенциям. Предлагаемые заметки посвящены роли лингвистических тонкостей в обогащении смысла художественного дискурса. В первой, идя от языковых деталей к идейным обобщениям, я держусь строго в рамках текста, написанного, правда, на языке кино, но включающего богатый естественно-языковой компонент. Во второй решаюсь — в поисках жизнетворческой сути авторского дискурса — выйти из литературного текста в биографический. А в третьей, ради насыщения духовкой довольно-таки несолидного материала, прибегаю (Мельчук, прости) к еще более мощным дозам "инвенционизма".

1. Эйзенштейн: власть, магия и перформативы

В «Иване Грозном» хронологически первым проведением центрального мотива — "насилъственного воцарения" Ивана — является один из эпизодов его детства.^{1*} Сцена развертывается в хоромы Ивана непосредственно вслед за произошедшей в приемной палате демонстрацией сугубой номинальности власти маленького Ивана: вопрос, кому платить за доступ к европейским рынкам, был решен не сидящим на престоле "Великим князем Московским", не дотягивающимся ножками до пола, а — от его имени — громадного роста боярином Шуйским, реальным главой государства. Этому предшествовал приход бояр к власти путем отравления матери Ивана Елены Глинской и (в эпизоде, не вошедшем в фильм) ареста Шуйским ее фаворита Теллепнева-Оболенского, напрасно апеллирующего к подростку Ивану.

*Примечания см. в конце статьи.

В сцене в великокняжеских хоромах гигант Шуйский и миниатюрный Бельский продолжают доругиваться между собой, когда Иван вдруг подает свою первую антибоярскую заявку на власть.

"Никому платить не обязаны!... Добром не отдадут — силой отберем!... Сила русская вами расторгована... По боярским карманам разошлась!"
Общий хохот. Шуйский нагло, с ногами разваливается на постели:
"Уморил еси!..."

Иван: "Убери ноги с постели! Убери, говорю. Убери с постели матери... матери, вами, псами, изведенной..."

Шуйский: "Я — пес?" Подымаясь: "Сама она — сукою была!" Хватая Ивана за грудки, а затем отбрасывая: "С Теплевым-кобелем путалась, неизвестно, от кого она тобою оценилась!" Замахиваясь на Ивана железом: "У, суочь племя!"

Иван, закрываясь от удара: "Взять его!... Взять!"

Вбегают царевы слуги, уволакивают Шуйского. Маленький боярин Бельский в ужасе комментирует: "Старшего боярина — псарям выдал!"

Иван: "Сам властвовать стану... без бояр. Царем буду!..."²

Драматический и идейный смысл сцены очевиден: зарвавшись в уписании властью, Шуйский унижает Ивана и в официальном, и в личном плане (это, так сказать, его трагическая ошибка); Иван принимает вызов, повышает ставку, мстит за мать и вообще за прошлые и нынешние унижения; привлекая к борьбе с боярами низшее сословие, он делает первый шаг к воцарению. Эпизод подчеркнуто переключается с двумя предыдущими сценами детства. С самой первой — зеркальностью места: там Шуйский так же и в тех же выражениях решал судьбу Теплевева: "Взять его!";³ и с обемии — мотивом 'ноги': ногам Шуйского на царской постели предшествуют наглядная картинка 'ноги коротки' (на престоле), фреска с апокалиптическим ангелом, попирающим вселенную (на стене за престолом), и топтание Теплевева ногами слуг Шуйского (в сценарии).

Сама же интересующая нас сцена выделяется последовательным проведением "собачьего" мотива, в терминах которого разворачивается и разрешается вся эта минидрама. Ее сверхзадачей, или, выражаясь по-риффатерровски [Риффатерр 1978], матрицей, является фраза "они собачатся", и юному Ивану удается "пересобачить" бояр.

С точки зрения так наз. поэзии грамматики особый интерес представляет работа Эйзенштейна с перформативными аспектами словоупотребления.⁴ Это неудивительно, поскольку иллокутивная сила, а именно — перформативность, речевых актов является прямым и

естественным языковым аналогом "властной" тематики эпизода, да и всего фильма. Обратимся к перформативной динамике сцены.

Первый осторожный шаг делает Иван, обзывая Шуйского "псом". Красноречивая сценарная ремарка гласит: "Сквозь зубы добавляет: «... матери, вами, псами, изведенной...»". Этому "сквозь зубы" соответствует изощренная синтаксическая структура всей реплики Ивана, начинающейся повелительным "Убери". Иван трижды повторяет этот приказ, постепенно, с амейбейными повторами, наращая его более консонными членами: предложным дополнением (Убери... с постели), вводным членом (Убери, говорю), несогласованным определением (Убери с постели матери) и, наконец, приложением (псами) к творительному агента (вами) при пассивном причастии, определенному это несогласованное определение (... матери, вами, псами, изведенной...). Тем самым осуществляется, с одной стороны, неуклонное нарастание, а с другой, — одновременное приглушение вырывающегося сквозь зубы оскорбления. Собачья кличка появляется, так сказать, задвинутой в самый дальний грамматический угол трехкратного приказа — характерный контрапункт типа анализировавшихся Эйзенштейном и, скорее всего, выстроенный сознательно. На приглушение работает и множественное число "собачьей" лексемы: формально приложение псами отнесено к 'боярам вообще', и его применение лично к Шуйскому как бы еще требует семантической обработки информации.

С такой инференции и начинается ответная реплика Шуйского, которого, разумеется, не обманывает грамматическая завуалированность оскорбления. Перчатка брошена, и он ее поднимает. Он — правда, сначала в вопросительной форме (точнее, вопросительно-угрожающей, если не упустить из виду иллокутивного аспекта его речевого акта) — относит оскорбительных "псов" к себе самому, переводя их в единственное число и именительный падеж именного сказуемого — куда уж прямее. В сценарной ремарке он при этом символически превращается в животное: "«Я — пес?!» — заревел Шуйский, зверем с кресел побьмается"; в фильме это реализовано зверским видом и выражением лица Шуйского, облаченного в тяжелые меховые одежды.

Затем Шуйский начинает языковую работу по обращению оскорбления против Ивана. Начинает, так сказать, издали: в наиболее констативном — изъясительном — наклонении, в прошедшем времени, с третьих лиц и в косвенных падежах ("она сукою была", "с Теплевым-кобелем путалась"). Однако единственное число и переход на личности сохраняются. Более того, градус оскорбления возрастает, поскольку к простой унижительности отождествления

с животным Шуйский добавляет морально-сексуальные инсинуации по адресу матери Ивана и одновременно напоминает ему о своей победе над всеми тремя — Глинской, Телепневым и Иваном — в первой из сцен детства. Тем самым он решительно перекрывает приглушенное — *свозь зубы* — упоминание Иваном этого эпизода в словах об *изведенной* матери.

Подготовив таким образом почву, Шуйский, опять-таки сначала в косвенном падеже и грамматически трансформированной — глагольной — форме (*"тобою ошенилась"*), возвращает "собачью" лексему Ивану. Не дожидаясь, пока Иван произведет соответствующие операции семантического вывода, Шуйский сам в максимально прямой форме — в именительном падеже единственного числа (хотя и собирательного существительного) — обзывает Ивана не только *псом*, но и *сухим сыном*, чем заодно ставит под сомнение легитимность его притязаний на власть. Грамматический статус его эллиптического восклицания не совсем прояснен — то ли это предикативное *"<Ты / вы все —> сучье племя!"*, то ли аппозитивно-обзываетельное *"<Ах ты>, сучье племя!"*. Второе вероятнее — и по общему ситуативному и языковому (*У...!*) контексту, и в свете сопровождающего эти слова замаха жезлом, и в качестве усиленного (переводом в прямую иллокуцию) обращения более косвенной начальной реплики Ивана (*... вами, псами...*).

На это предельное повышение Шуйским политических и иллокутивных ставок Иван отвечает — как это будет характерно для него на протяжении всего фильма — еще более превосходящим насилием, перформативным в самом буквальном смысле. Дважды повторенный императив *"Взять (его)"* замыкает рамку, открытую гораздо более скромным повелением *убрать ноги*, а в более широком плане — завершает сюжет с отравлением Глинской и взятием Телепнева.

"Собачья" тема в этом перформативном акте, на первый взгляд, отсутствует. Правда, в сценарии говорится, что приказ *взять* отдается псарям, однако визуально, в фильме, статус слуг хватающих Шуйского, остается неопределенным. Таким образом, в развитии "собачьего" мотива наступает ретардация. Лишь последующий комментарий шокированного Бельского поясняет зрителю, что это именно псари. Реплика Бельского (в прошедшем времени и изъясительном наклонении) уже сугубо констативна — она лишь резюмирует развязку после максимального напряжения в кульминации. Однако ретроспективный свет, бросаемый ею на кульминацию, крайне существенен в плане речевых актов.

Согласно Остину [1975], необходимым условием актуализации перформатива является соответствующий социальный, как правило,

властный, статус участников ситуации. (Фраза *"Объявляю вас мужем и женой"* действительна лишь в устах священника, мэра и т. п. и лишь по отношению к холостым лицам соответствующего пола, возраста и т. д.) Но борьба за высшую власть и составляет драматический нерв рассматриваемой сцены и всего фильма. Иван становится царем — намерение, о котором он впервые заявил в заключительной реплике сцены — именно благодаря тому, что он решается и оказывается способен на деле "переперформативить" своих противников. В чисто фабульном плане он побеждает Шуйского уже тем, что слуги выполняют его приказ *взять* боярина. Но его символическое торжество наступает лишь тогда, когда выясняется, что эти слуги — псаря, т. е. лица, уполномоченные работать с собаками. Тем самым подтверждается соблюдение ролевых presupпозиций данного перформатива в еще одном — "магическом" — отношении: схваченный именно псарями, Шуйский как бы на деле оказывается превращенным в того *пса*, с чисто словесного приравнивания к которому начался словесный поединок, вернее, даже не в пса, а в зверя, которого псари травят собаками.

В масштабе всего фильма этот символический элемент встраивается в контекст целого ряда подобных сем, начиная с "собачьего" лейтмотива в образе Малюты и других опричников. Таковы, в частности, мотивы 'охоты на бобра' и 'бобровой шапки' в завершающей сюжет «Ивана Грозного» сцене в соборе: образуя аналогичный аккомпанемент к закланию главного представителя боярской партии — Владимира Старицкого, они метафорически превращают его в 'убитого охотниками бобра'.⁵ Параллель подкрепляется эмблематическим соответствием между сценами детства, задуманными в качестве пролога к фильму, и фильмом в целом. В рамках этого соответствия взятие Шуйского псарями предвещает убийство Старицкого, а финальная, вынесенная в зону после развязки, реплика юного Ивана о намерении стать царем служит прообразом статичной заставки к фильму с Иваном, резюмирующим, сидя на престоле, смысл своей борьбы и победы и монархической власти вообще.

2. Ахматова: парадоксы сора, стыда и долженствования

Разговор о власти может быть продолжен на совершенно, казалось бы, неожиданном в этом смысле материале ахматовской поэзии.

Мне ни к чему одические рати
И прелесть эгегических затей.

По мне, в стихах все быть должно некстати,
Не так, как у людей.

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.

Сердитый окрик, дегтя запах свежий,
Таинственная плесень на стене...
И стих уже звучит, задорен, нежен,
На радость вам и мне.

21 января 1940 г.

(«Тайны ремесла», 2)

Это программное метапоэтическое стихотворение Ахматовой — одно из самых знаменитых и цитируемых. Однако оно вовсе не так бесстыдно-просто и импровизационно, как кажется.

Начать с того, что отмежевание от одичности-элегичности действительно звучит несколько *задорно* на фоне поэзии Ахматовой в целом, переполненной классическими фигурами и цитатами и пометами знаменательных дат и мест, да и написанной чем дальше, тем более чеканными размерами [Гаспаров 1993/1989], — т. е. вовсе не ограничивающей свою творческую подпочву лопухами и плесенью на стене.

Собственно, уже отказный зачин стихотворения *"Мне ни к чему..."* и вся риторика "минус-затей" — вполне традиционны и особенно типичны для поэтической поэмы с установкой на "простоту и подлинность". И действительно, в ахматовской декларации о ненужности затей скрыто присутствует классик из классиков Пушкин:

Ужель и впрямь, и в самом деле,
Без элегических затей,
Весна моих промчалась дней
(Что я шутя твердил доселе)?

(«Евгений Онегин» VI, 44)

— тем более, что Пушкин обыгрывает ту же тему еще раз (причем акцентирует именно уходящую в литературную древность борьбу

стилей), когда поминает в «Графе Нулине» "... Роман классический, старинный, / ... // Без романтических затей."

В модернистской поэзии сознательная переориентация с "высокой, но затхлою литературности" на "низкую, но свежую реальность" может восходить у Ахматовой к Верлену — к его «Искусству поэзии», кончающемуся следующей метапоэтической декларацией:

[Букв.] "Пусть твой стих будет нагаданной удачей, растрепавшейся на кусачем утреннем ветру, который несется, благоухая мятой и чабрецом... А все прочее — литература".

Но в таком случае ахматовские запахи, растения, вообще стихи растут не из природного сора, а именно из литературы. Пользуясь словарем другого фрагмента «Тайн ремесла» («4. Поэт»; 1959), игрово обнажающего многие из затей ахматовской поэтики, стихи подслушиваются не столько у леса и сосен, молчаливца на вид, сколько из чьего-то *весело[го] скерцо*, и потому вопрос о "неведении стыда" — *взятый налево... и направо... без чувства вины* — оказывается вовсе не праздным.

Одним из важнейших литературных источников Ахматовой был Михаил Кузмин, у которого она даже позаимствовала предмет своей профессиональной гордости — строфику «Поэмы без героя». Сложные литературные счеты Ахматовой с Кузминым — особая тема, но сора и стыда в них, по-видимому, было немало. Так или иначе, подслушав у него строчки:

Сухой цветок, любовных писем связка,
Улыбка глаз, счастливых встречи две, —

(«О, быть покинутым — какое счастье!...»)

— Ахматова, шутя, выдает их за свои, казалось бы, целиком принадлежащие *жизни лукавой*:

Сердитый окрик, дегтя запах свежий,
Таинственная плесень на стене...

Сходства очевидны — от размера, рифмовки и синтаксиса до общей несколько кокетливой эстетики "довольствования малым и случайным".

В общем, далеко не все в ахматовском стихотворении *не так, как у людей*, но лишь посвященным дано проникнуть в подлинную тайну

плесени на стене и, значит, поэтического ремесла вообще. Так, дальнейшие переключки с Кузминым обнаружатся с привлечением мотивов "плесени" и "стены" из «Подвала памяти», написанного всего тремя днями ранее «Одических ратей» и отсылающего к роману Кузина «Плавающие-путешествующие» (1915; см. [Тименчик и др. 1978: 227 – 228]), а самый образ подлежащего расшифровке узора на стене отыщется у Леонардо да Винчи [Тименчик 1989: 22]. Этот-то лабиринт аллюзий и должна прикрыть собой таинственная *плесень*.

Характерная ахматовская стратегия изысканной элитарности, маскирующейся под убогую эгалитарность, уже стала предметом внимания исследователей [Щеглов 1979; Келли 1994: 220]. Не поднимая эту проблему во всей ее сложности, отмечу несколько иное проявление в тексте «Одических ратей» постоянного конфликта между установками на 'слабость, непритязательность...' и одновременно на 'силу, классицизм, власть...'

Строчка *По мне, в стихах все быть должно некстати* выражает любовь к поэтической нестандартности не только прямыми декларациями (*по мне, некстати*) и искусной инверсией (*все быть должно вместо все должно быть*), но и своей исключительной — *некстати* — длиной, особенно по сравнению с усеченной следующей строкой (ср. [Тименчик 1975: 213]). Однако по этим неконвенциональным фасадом скрывается железная поэтическая дисциплина.

Прежде всего, своей перегруженностью строка отклоняется от принятых норм в сторону не только импровизационной анархии, но и классической, "лomonосовской" полноударности. Перед нами, так сказать, элегический 5-стопный ямб с одическими ударениями на каждой стопе. Еще интереснее, что "воля к власти и порядку" выражена в этой зацитированной в локс строчке и впрямую, хотя и оставалась до сих пор не замеченной. Что, однако, значит спрятанное на видном месте слово *должно*, как не жесткую программу тщательного отделения небрежности? Впечатление, производимое *лица необщим выраженьем* авторской музыки, Ахматова не пускает на самотек: вместо ненавязчивых *поражен бывает мелком свет и ее почти небрежной похвалой*,⁸ ахматовское *некстати* оксюморно вводится под конвоем категорического *быть должно*. Рукой мастера верленовская "растрепанность" фиксируется в виде "естественной", якобы необщей, не *как у людей*, а на самом деле "должной", образцовой, волосок к волоску, прически.

О "железном" начале в ахматовской поэтике уже писалось. Известно замечание Маяковского об одном читавшемся им стихотворении Ахматовой, что оно "выражает изысканные и хрупкие чувства, но само оно не хрупкое, стихи Ахматовой монолитны и выдержат дав-

ление любого голоса, не дав трещины" [Коваленко 1992: 167]. Существовало, однако, что художественным построением является и "хрупкость" самих чувств, а точнее — поз, ахматовской лирической героини, как о том писал уже Н. В. Недоброво [1989 / 1915]:

"... очень сильная книга властных стихов... Желание впечатлеть себя на любимом, несколько насильническое... Несчастливая любовь... своею способностью мгновенно вдруг исчезнуть внушающая подозрение в выдуманности... Самое голосоведение Ахматовой, твердое и уж скорее самоуверенное... свидетельствует не о плаксивости... но открывает лирическую душу скорее жесткую, чем слишком мягкую, скорее жесткую, чем слезливую, и уж явно господствующую, а не угнетенную...

Не понимающий... не подозрева[ет], что если бы эти самые жалкие, исцарапанные юродивые вдруг забыли бы свою нелепую страсть и вернулись в мир, то железными стопами пошли бы они по телам его, живого, мирского человека; тогда бы он узнал жесткую силу... по пустякам слезившихся капризниц и капризников".

С этими формулировками (поразительно предвосхищающими гройсовское соотношение ницшеанского художника-авангардиста и вождя-тоталитариста; см. [Гройс 1993]) не спорила и сама Ахматова, ценившая статью Недоброво и с благодарностью следовавшая ее урокам.

Наличие за лопухами и лебедой железной силы, недаром сникавшей Ахматовой репутацию повелительницы, королевы, богини и статуи; ее постоянная и все возрастающая озабоченность своей славой и борьбой с соперниками; сознательная работа над ретушированием собственной биографии, включая правку воспоминаний о ней современников и даже писавшихся и лпившихся с нее портретов; одним словом, напряженная деятельность по само-презентации поэтической личности ААА как властной в самом своем кенозисе харизматической фигуры — вот в чем состоял тот реальный, нуждавшийся в раскрытии и сложной сублимации *сор*, из которого росли ее стихи и весь тщательно мифологизованный текст ее жизнотворчества, — а огнюдь не в безобидной лебедке, стыдиться которой, действительно, было бы ни к чему. В этой подмене нештучной подоплеки жизнотворчества таинственностью плесени на стене и кроются подлинные тайны ахматовского ремесла.

Что касается *лебеды*, то в стихотворении 1940 года она вырастает опять-таки не столько из подзаборного сора, сколько из собственных ранних стихов: "... *На коленях в огороде / Лебеду полю!*" («Песенка», 1911). Этот знаменитый образ — знаменитый, в частности, благодаря

оригинальности использования декадентской поэтессой маски простой полудельцы — стал одной из сигнатур Ахматовой, и, разумеется, проблема его "подлинности" вызвала напряженное любопытство поклонников. В разговоре с Лидией Чуковской Ахматова "авторизовала" соответствующую "органическую" — жизненную, детскую, эмоциональную, природную — историю создания "лопухов и лебеды": "Это с детства... в Царском, в переулке... в канаве росли лопухи и лебеда ... я так их с тех пор люблю" (Чуковская 1989: 119), запись 20 июня 1940 года). Но в другой аудитории великая мастерица поз и автории могла разыгрывать и противоположные, сугубо литературные роли: "Анна Андреевна как-то вызвалась помочь <в прополке лебеды>: «Только вы, Наташенька, покажите мне, какая она, эта лебеда»" (Гинзбург 1991: 133), запись 1927 года).⁷

... Литературность литературы, а тем более акмеистической поэзии, — не большая новость. Жизнетворческая практика (пост)символистов от Вяч. Иванова до Маяковского — вещь тоже хорошо известная. В общем виде осознана, пожалуй, и возникающая на их пересечении опасность буквального приятия эстетико-политических затей этих харизматических учителей жизни. Наше читательское наслаждение поэтическими масками Блока и Маяковского не означает, что это образцы для подражания, *делать бы жизнь с кого*.

В случае Ахматовой амбивалентная ориентация одновременно на сверхсерьезных магов Серебряного века и на безыдейного протест-Пушкина скрадывает настойчивость учительских претензий и одновременно повышает их действенность и священность. Тем более назревшей представляется задача переставить стихи Ахматовой из красного угла обратно — на книжную полку.

3. Еврейский анекдот: точки зрения и теология

От демифологизации высокой поэзии обратимся к противоположной задаче — ремифологизации текста, относящегося к низшему из прозаических жанров.

" — Рабинович, почему вы дома сидите в галстук? — Ну, знаете, а вдруг кто-нибудь придет...? — Почему же вы тогда сидите в одном галстук? — Ай, ну кто ко мне придет?..."

Тут все, как в анекдоте вообще и в типовом еврейском анекдоте в частности: нелепость и автории; неожиданый поворот к демонстрации голого тела; еврейская фамилия и призыв акцента ("Ай,

ну..."). Но одна черта — особенная. Заметить ее помогает современное внимание к дискурсу — к тому, кто, что, зачем и от имени кого говорит.

Амбивалентная игра с 'приходом / неприходом' потенциальных гостей проведена не только в фабуле, но и на уровне нарративной рамки. Анекдот построен в форме диалога между героем и некой вопрошающей инстанцией. Этого интервьюера можно воспринимать как более или менее бестелесную повествовательную условность (ср. в пушкинском «Отроке» то ли божий, то ли авторский глас свыше: *Отрок, оставь рыбака...*). Но можно видеть в нем и физический конкретный собеседник. Однако в таком случае проблематичность прихода гостей снимается: к герою уже пришел "кто-то" и уже созерцает его во всей его телесной определенности и неприглядности.⁸

Кто же этот загадочный посетитель? Явно не член семьи и не близкий родственник, ибо к хозяину он обращается на "вы" и по фамилии. Значит ли это, что Рабинович, так и не одевшись, вошел в дом постороннего — несмотря на свое еврейское недоверие к окружающим (могут прийти вдруг, а могут и вообще никогда не прийти)? Если так, то, действительно, не только мысли, но и поступки Рабиновича воплощают его провербиальную амбивалентность. Более того, доводят ее до абсурда, поскольку он обсуждает вероятность виртуального прихода с уже пришедшим реальным посетителем, да к тому же невозмутимо толкует с ним о коде одежды, уже нарушив и продолжая нарушать этот код самым вызывающим образом.⁹

Абсурд, несомненно, витает над текстом, но не обязательно в буквальном смысле абсурдного — т. е. безумного — поведения реального персонажа. Абсурд вообще склонен именно витать, а не релятивизоваться буквально. Обращение по фамилии, да еще фамилии номер один в еврейских анекдотах, естественно интерпретировать не столько как речевую характеристику ситуации с малознакомым посетителем, сколько как цитатное обозначение типового, "масочного" персонажа данного жанра, а тем самым — как метаотсылку к этому типу текста. Интервью о сидении в галстук берется не у первого попавшегося конкретного еврея по фамилии Рабинович, а у 'Рабиновича из еврейского анекдота'.

Но тогда бестелесной повествовательной условностью оказывается не только интервьюер (как в нашем первом предположении), но и сам интервьюируемый персонаж. Причем условностью даже более специфической и интересной, нежели просто 'Рабинович из еврейского анекдота'. Дело в том, что среди форм талмудического умствования распространен вопросно-ответный жанр диалога с раввином, но его

фоне наш анекдот может читаться как своего рода современный диспут с Рабби Новичем, так сказать, с неким новичским раввином.

Тем более, что чисто "земная" трактовка этого текста как еще одного еврейского анекдота грешит чрезмерной однозначностью, противопоставленной подлинному абсурду. Скорее, действие анекдота разворачивается — витает — где-то между "землей" забот о галстук и прочих деталях туалета и "небом" метаигры с жанром. Интервьюер соотносится с Рабиновичем одновременно и как Высшая Инстанция (подобная гетевским Господу и Мефистофелю в «Прологе на небе»), и как более или менее равноправный ему персонаж (подобный Мефистофелю, взаимодействующему с Фаустом в самой трагедии). Эта двойственность вторит амбивалентностям на других уровнях, но, пожалуй, не сгущает, а разрежает атмосферу абсурда, поскольку частично мотивирует ее метаориентацией анекдота на, так сказать, философию самого жанра.

Бог, Дьявол и Философия поминуются здесь не всуе. В конце концов, центральной темой данного анекдота в любом его понимании является проблема одиночества, а если выражаться на языке экзистенциализма, проблема человеческой "заброшенности". Ее решение находится именно на путях общения с Высшей Инстанцией, которая и выступает в роли необходимого человеку Другого, завязывая с ним Диалог, а впрочем, оставляя ему свободу не доверять ее призрачному метаприсутвию.

Бог как Идеальный Другой — общее место современного околопсихоаналитического дискурса. Но в "богоскательской" интерпретации этого анекдота можно пойти и дальше, усмотрев в нем непосредственную парафразу одного из наиболее авторитетных религиозных текстов.

"... И открылись глаза у них обоих, и они узнали, что наги они, и собрали листья смоковницы, и сделали себе пояса. И услышали они голос Яхве-Бога, прохаживавшего по дневному ветру, и спрятались Человек и его жена от Яхве-Бога среди деревьев Сада. И воззвал Яхве-Бог к Человеку, и сказал ему: «Где ты?». И он сказал: «Твой голос я услышал в Саду и испугался, ибо я наг, и спрятался». И Он сказал: «Кто поведет тебе, что ты наг? Не от дерева ли, от которого Я велел тебе не есть, ты поел?...» (Быт. 3: 7 - 11; Учение 1993: 59).

В этом контексте детали истории с Рабиновичем обретают знаменательные параллели. Голос загадочного вопрошателя соотносится с голосом Яхве; галстук — с новым костюмом Адама; абсурдность поведения Рабиновича — с нелостью попыток Адама спрятаться от

глаза Божия; туалетные колебания Рабиновича — с двойкой трактовкой ногаты Адама (невинной до и постыдной после грехопадения); а чувствующаяся за непоследовательностями и колебаниями экзистенциальная тревога Рабиновича — с сознанием вины (первородного греха), постигающим Адама и его потомков.

... Академику Я. Б. Зельдовичу приписывается следующая острота:

"Почему большевики пишут бога с маленькой буквы? — Потому, что они боятся, что если его написать с большой, то как бы он и на самом деле не засуществовал".

Этим орфографическим доказательством бытия Божия я вдохновлялся, развивая свое, нарратологическое.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В сценарии детство Ивана образует пролог [Эйзенштейн 1971: 203 - 215], а в фильме оно появляется близко к началу II серии — как воспоминания взрослого царя, служащие аргументом в его споре с Федором Кольчезым.

2. Цитирую по фильму; см. тж. сценарий, с. 213 - 215.

3. Это есть в сценарии (с. 205), но не в фильме.

4. Разговор о поэзии грамматики напрашивается ввиду тщательной разработки Эйзенштейном языковой фактуры фильма. Данный эпизод особенно богат параллелизмами, аллитерациями, ассонансами и внутренними рифмами, приближающими текст к поэтическому. Ср.: *Сама она суюю была... с Теленевым-кобелем пугалась... от кого она тобой... У, сучье... Старшего боярина псарям... и мн. др. Приподнятый, ритмизованный и фонетически оркестрованный язык "Ивана Грозного" может считаться современным аналогом стиха классической трагедии.*

5. Известна роль мотива 'охоты' и превращения охотника в дичь в художественном и теоретическом мышлении Эйзенштейна вообще и в частности в глубинном сюжете «Ивана Грозного» [Иванов 1976: 90 - 93, 105 - 107], изобилующего репликами вроде: "Дикого зверя деяния твои!", "Изначитиожим зверя!", "Умер зверь!" — "Гончий пес чего творит, коли зверь хитрит — в нору стрелой летит... зверя обходит...", подаваемыми, с одной стороны, боярами, а с другой — Иваном.

Согласно Ю. Г. Цивьяну (устное сообщение), исторический факт выдачи Шуйского псарям лишь по ходу работы над сценарием был осознан Эйзенштейном как эффектное предвестие опричнины с ее "собачьей" символи-

кой, широко использованной в фильме (песни головы; Малюта — "рыжий пес"; и даже травля собаками боярина, которого Иван предварительно обдлачивает в медвежью шкуру [!] в одном из набросков). А применение собаководческой команды "Взять!" к ситуации ареста представляет собой один из немногих эйзенштейновских анахронизмов, по-эзоповски намекающих на лексикон сталинской эпохи.

6. См. знаменитую «Музу» Баратынского, тоже открывающуюся отказным начинном (*Не оследлен я музою моею...*) и образующую три четверостишия пятистопного ямба.

7. Подобно лебеду, автореминисценцией в "простецком" ключе является и *дегтя запах свежий*, восходящий, с одной стороны, к «Рыбаку» (1912), а с другой, к пресловутым устрицам из «Вечером» (1913). Автоцитаты и другие детали стихотворения.

8. Определенности — потому, что в costume Адама Рабинович неизбежно обнаруживает свою еврейскость, а неприглядности — потому что он, судя по его неряшливой запущенности, немолод, да и вообще — согласно другому анекдоту, кончающемуся словами: "Я не еврей, я просто сегодня плохо выгляжу", — скорее всего, малопривлекателен.

9. Именно 'сидение' голым особенно ощутимо: оно неестественно (по сравнению, скажем, с лежанием), неудобно, акцентирует так наз. материально-телесный низ, стабильно (по сравнению со стоянием или хождением) и, значит, демонстративно. Демонстративно и сидение в одном галстуке (а не, скажем, в одних трусах), ибо носит не столько вынужденный и прожегучотный, сколько по-своему щегольской и окончательный характер.

ЛИТЕРАТУРА

Гаспаров 1993 / 1989 — M. L. GASPAROV, *The Evolution of Akhmatova's Verse*. — In: Sonia I. KETCHIAN (Ed.), *Anna Akhmatova. 1889 - 1989. Papers from the Akhmatova Centennial Conference, June 1989*. Oakland, CA: Berkeley Slavic Specialties, 1993, p. 68 - 74. (Рус. вар.: Литературное обозрение, 1989, 5: 26 - 28.)

Гинзбург 1989. — ГИНЗБУРГ Л. Я., *Ахматова (Несколько страниц воспоминаний)*. — В кн.: Виленкин В. Я., Черных В. А. (сост.), *Воспоминания об Анне Ахматовой*. М.: Советский писатель, 1989, с. 126 - 141.

Гройс 1993 / 1988 — Гройс Б., *Стиль Сталин*. — В кн.: *Утопия и обмен. Стиль Сталин. О Новом*. Статьи. М.: Знак, 1993, с. II - II2.

Иванов 1976 — ИВАНОВ Вяч. Вс., *Очерки по истории семиотики в СССР*. М.: Наука, 1976.

Келли 1994 — Catriona KELLY, *Anna Akhmatova (1889 - 1966)*. — In: *A History of Russian Women's Writing. 1820 - 1992*. Oxford: Clarendon Press, 1994, p. 207 - 223.

Коваленко 1992 — КОВАЛЕНКО С. А., *Ахматова и Маяковский*. — В кн.: Н. В. КОРОЛЕВА, С. А. КОВАЛЕНКО, *Царственное слово. Ахматовские чтения, вып. 1*. М.: Наследие, 1992, с. 166 - 180.

Недоброво 1989 / 1915 — НЕДОБРОВО Н. В., *Анна Ахматова*. — В кн.: А. Г. НАЙМАН, *Рассказы о Анне Ахматовой*. М.: Художественная литература, 1989, с. 237 - 258.

Остин 1975 — J. L. AUSTIN, *How to Do Things with Words*. Cambridge: Harvard University Press, 1975.

Риффатерр 1978 — Michael RIFFATERRE, *Semiotics of Poetry*. Bloomington: Indiana University Press, 1978.

Тименчик 1975 — ТИМЕНЧИК Р. Д., *Автометаописание у Ахматовой*. — Russian Literature, 1975, 10/11: 213 - 226.

Тименчик и др. 1978 — R. D. ТИМЕНЧИК, V. N. ТОРОРОВ, T. V. СТВ'ЯН. *Akhmatova i Kuzmin*. — Russian Literature, 1978, 6(3): 213 - 305.

Тименчик 1989 — ТИМЕНЧИК Р. Д., *После всего. Неакадемические заметки*. — Литературное обозрение, 1989, 5: 22 - 26.

Учение 1993 — *Учение. Пятикнижие Моисеево. Пер., введ. и коммент. И. Ш. Шифман*. М.: Республика, 1993.

Чуковская 1989 — ЧУКОВСКАЯ Л. К., *Записки об Анне Ахматовой. Книга 1. 1938 - 1941*. М.: Книга, 1989.

Щеглов 1979 — ШЕГЛОВ Ю. К., *Черты поэтического мира Ахматовой*. — Wiener Slawistischer Almanach, 1979, 3: 27 - 56.

Эйзенштейн 1971 — ЭЙЗЕНШТЕЙН С. М., *Избранные произведения в шести томах. Т. 6. Киносценарии*. М.: Искусство, 1971.

К СЕМАНТИКЕ РУССКИХ ПРИЧИННЫХ ПРЕДЛОГОВ
(ИЗ-ЗА любви ~ ОТ любви ~ ИЗ любви ~ *С любви ~ ПО любви)

Л. Н. ИОРДАНСКАЯ, И. А. МЕЛЬЧУК
(Монреаль, Канада)

ON SEMANTICS OF RUSSIAN CAUSAL PREPOSITIONS
(ИЗ-ЗА *lyubvi* 'because of love' - ОТ *lyubvi* 'from love' - ИЗ *lyubvi* 'out of love' - *С *lyubvi* 'of love' - ПО *lyubvi* 'according to love')

L. N. IORDANSKAJA, I. A. MEL'ČUK
(Montréal, Canada)

Лене-Крошке:
Memento Kareliae babaeque kareliensis!

0. Постановка задачи

Все пять предлогов, указанные в заглавии статьи, могут выражать причину и, таким образом, принадлежат — в соответствующих значениях — к семантическому полю 'КАУЗАЦИЯ'. Настоящая статья посвящена именно причинным, или каузальным, значениям предлогов ИЗ-ЗА, ОТ, ИЗ, С и ПО. Другие значения этих предлогов (например, пространственные — *из-за дома, от дома, из дома, с дома, по дому*) не рассматриваются. Не рассматриваются также и причинные союзные выражения, в состав которых входят предлоги ИЗ-ЗА и ОТ (*из-за того, что* и *от того, что*; предлоги ИЗ, ПО и С союзных выражений не образуют).

Настоящая статья преследует две цели:

а) Предложить полные словарные описания соответствующих предложных лексем — в соответствии с концепцией «Толково-комбинаторного словаря» (см., например, [Мельчук, Жолковский 1984; Mel'čuk et al. 1984, 1988, 1992]).

б) На основании этих описаний построить типологию каузальных смыслов. Мы не ставим перед собой задачу создания ОБЩЕЙ типологии каузальных смыслов: этому должен предшествовать этап разработки частных типологий для определенных групп каузальных

лексем. Насколько нам известно, для русского языка первый шаг в данном направлении был сделан в статье [Падучева 1992], где предлагается типология смыслов русских глаголов, содержащих в толкованиях компонент 'каузировать'. Мы попытаемся сделать следующий шаг на этом пути.

В работе над русскими причинными предлогами мы опирались на книгу [Всеволодова, Яшенко 1988], где собран богатый иллюстративный материал и намечены релевантные признаки русских выражений со значением каузации — такие, как "осознанное действие - ненамеренное действие", "внутренняя причина - внешняя причина", "общечное действие" и т.д.

Статья состоит из следующих разделов:

1. Семантические компоненты, используемые в толкованиях русских причинных предлогов.
2. Словарные статьи русских причинных предлогов.
3. Сопоставление смыслов русских причинных предлогов.
4. Типология смыслов русских причинных предлогов.
5. Несколько замечаний о лексикализации в процессе перехода от смысла к тексту.

Примеры нумеруются внутри каждого раздела, а в разделе 2 — внутри каждой словарной статьи.

1. Семантические компоненты, используемые в толкованиях русских причинных предлогов

Рассматриваемые пять предлогов описываются нами в терминах восьми лексем (предлоги ИЗ-ЗА, ОТ и ПО имеют по два причинных значения, а предлоги С и ИЗ — по одному). Мы начнем с перечисления и обсуждения семантических компонентов, используемых как строительные блоки в их толкованиях. Подчеркнем, что мы не можем дать этим компонентам настоящие определения (некоторые из них, возможно, являются семантически элементарными) и ограничиваемся содержательными пояснениями, которые, как мы надеемся, будут достаточны для понимания.

В качестве главного элемента толкований наших восьми предложных лексем выступает компонент 'У каузирует Р(Х)' — в виде [Р(Х)]₁ что скаузировано У-ом'. Здесь 'У' — каузатор (= причина), а 'Р(Х)' — следствие (= скаузированная ситуация); 'У' и 'Р(Х)' суть семантические актанты [= СемА] предиката 'каузировать'; 'Х' — первый СемА предиката 'Р' ('Х' может быть и пустым; например, в случаях типа *Здесь поздно светает из-за высоких гор*).

Соответственно, перечисляемые ниже компоненты 1 - 19 объединены в две группы: типы каузации vs. типы Сем-актантов каузации; вторая группа подразделяется, в свою очередь, на три подгруппы: общие типы обоих Сем-актантов каузации, частные типы каузаторов и частные типы следствий.

1.1. Типы каузации

Смысл 'каузировать' принимается нами как неопределяемый. Известно, однако, что в языках противопоставляются различные типы каузации; следовательно, чтобы отражать соответствующие различия в толкованиях, необходимо иметь компоненты-модификаторы, уточняющие смысл 'каузировать'.

В результате сравнения пяти анализируемых предлогов выделяются следующие семантические компоненты, которые удобно представить как значения (= values) двух следующих параметров каузации: природа данной каузации и место данной каузации в каузальной цепи.

- Природа данной каузации:
[каузация] воздействием - —

Для семантики русских причинных предлогов оказывается существенным различать каузацию воздействием (маркированный случай) и каузацию без уточнения ее природы (немаркированный случай). Это различие выражается посредством компонента 'У воздействует на X', выступающего в толкованиях в виде модификатора к 'каузировать':

- 1) 'У каузирует P(X)' воздействием на X'

Мы используем компонент 'У воздействует на X' в весьма широком смысле, покрывая воздействие факторов как внешних по отношению к X-у, так и внутренних (свойства и состояния X-а). Иначе говоря, этот компонент выражает две различные ситуации:

Воздействие внешних факторов

'У — нечто внешнее по отношению к X-у, находящееся в контакте с X-ом или с его некоторой частью X', — каузирует то, что изменяется состояние X-а или его некоторой части X'''. Ср.:

- (1) а. *Мать вздрогнула от его хохота <Дрожала от холода>.*
б. *Петр умер от наркотиков <потерял сознание от удара по голове>.*

Воздействие внутренних факторов

'Свойство или состояние Y X-а или его некоторой части X' каузирует то, что изменяется состояние X-а или его некоторой части X'''. Ср.:

- (2) а. *Петр умер от рака <от ожогов>.*
б. *Глаза Петра засияли от радости.*
в. *От дыр в потолке в комнате было светло.*

- Место данной каузации в каузальной цепи:
непосредственная - косвенная - первоначальная [каузация]

Здесь речь идет, в первую очередь, об известной оппозиции "непосредственная vs. косвенная каузация":

2) 'У каузирует P(X)' непосредственно' = 'У каузирует P(X)' так, что Y — последнее звено в каузальной цепи, ведущей к P(X)

3) 'У каузирует P(X)' косвенно' = 'У каузирует P(X)' так, что Y — не последнее звено в каузальной цепи, ведущей к P(X)'*

Для предлога ОТ2 (*Все беды в мире — от потери духовных ценностей*) понадобился также компонент, соответствующий первоначальной каузации:

4) 'У каузирует P(X)' первоначально' = 'У каузирует P(X)' так, что Y — первое звено в каузальной цепи, ведущей к P(X)

'Каузальная цепь' — это 'последовательность каузаций'; таким образом, первоначальная каузация может быть как косвенной, так и непосредственной (когда каузальная цепь состоит из одного звена).

1.2. Типы Сем-актантов каузации

1.2.1. Общие типы обоих Сем-актантов каузации

Для рассматриваемых предлогов потребовались следующие пять компонентов, выражающие общие типы (= таксономические категории) причин и следствий:

*Примечания см. в конце статьи.

- 5) 'ситуация' (в противопоставлении к 'объекту');
- 6) 'действие/совершает действие';
- 7) 'событие/происходит [с]';
- 8) 'состояние/находится в состоянии';
- 9) 'свойство/обладает свойством'.

Здесь косая черта разделяет существительное и синонимичное ему "оглаголивающее" выражение.

Действия, события, состояния и свойства являются частными типами ситуаций. Прочие типы ситуаций — процессы, отношения и т. п. — для толкований причинных предлогов нерелевантны.

Подчеркнем, что мы придерживаемся широкого понимания 'действий', относя к ним и неконтролируемые действия (ср. *В бессознательном состоянии человек способен совершить самые неожиданные действия; Петр нечаянно вынул кляпчик себе на ногу; От страха Петр спустил курок*). Быть ситуацией, действием и т. п. суть ингерентные, т. е. постоянные свойства явлений действительности: например, если нечто есть действие, то оно всегда действие, независимо от того, как именно оно совершается (сознательно или бессознательно). Напротив, свойство быть контролируемым/неконтролируемым' зависит от конкретного положения вещей (факт, отмеченный в [Зализняк 1992: 63]); в принципе, одно и то же действие может быть как контролируемым, так и неконтролируемым: *У переезда Петр нажал на тормоз* [контролируемое нажатие] vs. *От страха Петр нажал на тормоз* [неконтролируемое нажатие]. Ср. еще *Петр широко открыл глаза*: открывание глаз — контролируемое действие, если это реакция на просьбу врача раскрыть глаза, но неконтролируемое действие, если это — манифестация удивления?

Заметим, наконец, что отрицание не меняет таксономический тип глагола: выражения типа *не сказал* или *не пришел* рассматриваются как обозначения (несостоявшихся) действий.

1.2.2. Частные типы каузаторов Y

Смыслы причинных предлогов могут различаться семантическими ограничениями, накладываемыми на Y, т. е. типами каузатора. Для формулировки этих ограничений используются некоторые указанные выше общие типы, т. е. таксономические категории, плюс еще пять следующих компонентов:

10) 'соображения' [plurale tantum]: = 'утверждения, записанные в сознании субъекта, на которых основывается принятие им решения';

11) 'психическое [состояние/свойство]' = '[состояние/свойство] психики (некоторого существа)'.

(Психика человека включает волю, разум и эмоциональную систему.)

Следующие три компонента характеризуют разновидности психических состояний/свойств.

12) '[психическое состояние/свойство] такое, которое обычно каузирует стремление к определенному типу действий, проявлением чего является действие P(X)'.

В этой формулировке речь идет о названиях психических состояний и свойств, в смысле которых содержится неперемное указание на характерное поведение, обычно навязываемое данным состоянием/свойством: СТРАХ X-а перед Z-ом каузирует у X-а стремление как-то избежать того неприятного, чего он ожидает от Z-а (например, убежать от Z-а); УПРЯМСТВО X-а каузирует у X-а неразумное настаивание на принятой линии поведения; и т. д.

13) 'нежелательное для X-а эмоциональное состояние [существо X]';

14) 'реактивное эмоциональное состояние' = 'состояние эмоциональной системы [существа X], являющееся реакцией на некоторое событие действительности'.

Типичные эмоции-реакции — это, например, стыд, страх, восхищение, ярость и т.п.; к неактивным эмоциональным состояниям относятся скука, одиночество, уныние, тоска, грусть, депрессия, упадок духа и т. д. Названия эмоций-реакций имеют семантический актанта, соответствующий каузирующему событию или его субъекту: *восторгаться* Nтвор, *удивляться* Nдат, *страх, что ...*, *радость по поводу* N. Нерактивные эмоции обычно такого актанта не имеют.

Компоненты 10 - 14 суть подтипы общих таксономических типов; они определяют включение каузатора Y в некоторый семантический класс. В отличие от них, компонент 15 характеризует определенное отношение между Y-ом и X-ом:

15) '[Y], с которым связана цель X-а в P(X)'.

1.2.3. Частные типы следствий P(X)

При характеристике скаузированной ситуации P(X) используются, наряду с общими типами, перечисленными в 1.2.1, следующие два параметра: контролируемость и оценка говорящего.

- Контролируемость:
контролируемое ~ неконтролируемое [действие P(X)]

Важность понятия контролируемости для описания самой каузации — контроль со стороны каузатора — отмечалась неоднократно (Wierzbicka 1980, Падучева 1992, Зализняк 1992). Анализ причинных предлогов показал, что понятие контролируемости необходимо и для описания следствий (ср. [Всеголодова, Яценко 1988], где причинно-следственные выражения русского языка подразделяются в зависимости от того, является ли следствие намеренным или ненамеренным действием X-а).

Соответственно, используются два следующие компонента:

16) 'контролируемое [действие P(X)]' = '[действие P(X),] которое X совершает потому, что хочет совершать P'.

Компонент 'хотеть' нуждается в серьезном обсуждении и уточнении; отметим лишь, что это 'хотеть' противопоставляется 'хочется' и предполагает участие воли. Действия, совершаемые в состоянии аффекта, считаются неконтролируемыми. Подчеркнем, что в нашей трактовке контролируемые действия могут быть необдуманными/ненамеренными, в частности — импульсивными, например, *В ярости Петр нажал на тормоз и подвел машину к тротуару*. (Ср., однако, [Зализняк 1992: 64], где контролируемость действия предполагает его намеренность.)

17) 'неконтролируемое [действие P(X)]' = '[действие P(X),] которое X совершает не потому, что хочет совершать P' = '[действие P(X),] которое X совершает, хотя неверно, что X хочет совершать P'.

- Оценка:
желательная ~ нежелательная ~ неправильная [ситуация P(X)]

18) 'P не является желательным для X-а или для говорящего' Компонент 18 является условием, накладываемым на исходное Семантическое Представление [= СемП]; чтобы данный предлог мог быть употреблен при выражении данного СемП-а, требуется, чтобы в этом СемП-е ситуация P не была охарактеризована как желательная. Ср. раздел 5.2. (Компонент 'желательный' сам по себе в толкованиях рассматриваемых предлогов не встречается.)

19) 'P нежелательно для X-а или неправильно с точки зрения говорящего'.

2. Словарные статьи русских причинных предлогов

Описываемые предлоги разделяются на две группы:

- Свободные предлоги, сочетающиеся с любым подходящим по смыслу существительным S и подчиняющиеся любому подходящему по смыслу глаголу. Свободный причинный предлог не должен указываться ни в словарной статье подчиняемого S, ни в словарной статье подчиняющего глагола; его употребление полностью задается его собственной словарной статьей. Таковы ИЗ-ЗА и ОТ. (Мы отвлекаемся здесь от неизбежных исключений; ср. Комментарий 5 к ОТ1, стр. 181.)

- Фразеологизованные предлоги, сочетающиеся далеко не с любым подходящим по смыслу существительным S. Фразеологизованный причинный предлог образует со своим S коллокацию, или полуфразу; он должен указываться в словарной статье этого S, ибо его собственная словарная статья недостаточна для описания его поведения. Таковы ИЗ, ПО и С.

Свободные причинные предлоги способны образовывать причинные союзные выражения ИЗ-ЗА ТОГО, ЧТО и ОТ ТОГО, ЧТО; фразеологизованные предлоги, именно по причине своей фразеологизованности, этой способностью не обладают.

Предлагаемые ниже словарные статьи группируются в соответствии с указанным делением. Каждая словарная статья сопровождается короткими комментариями, расположенными по порядку комментируемых компонентов: P(X), затем Y и, наконец, сама каузация.

2.1. Свободные причинные предлоги

ИЗ-ЗА, предлог, + S_{род}

ИЗ-ЗА1

Толкование

[P(X)] из-за Y-a = [Имеет место ситуация P(X), которая не является желательной для X-а или для говорящего], что косвенно или без воздействия скаузирвано Y-ом.

Лексические функции

Суп _c	:	'потому что'
Суп _n	:	'по причине'; благодаря
V _{0c}	:	происходить [от S]
СопVВ _{2i} V _{0c}	:	приводить [к S]
S _i	:	следствие
S ₂	:	причина

Примеры

- (1) Дом разрушается из-за небрежности хозяев <из-за сырого климата>.
- (2) Он лег одетым из-за холода в спальне.
- (3) Он погиб из-за Маши.
- (4) В Монреале машины быстро ржавеют из-за большого количества соли на дорогах.
- (5) В тропиках на пляже люди сгорают мгновенно — из-за совершенно сумасшедшего солнца.

Комментарии

I. Ситуация P(X) не является желательной

Любопытной особенностью предлога ИЗ-ЗАI является то, что в одних высказываниях он имплицитно выражает нежелательность ситуации P(X) для X-а или для говорящего, а в других нет, т. е. оказывается абсолютно нейтральным. Ср.:

- (6) Петр переехал в Амдерму из-за вмешательства директора. переезд в Амдерму нежелателен для Петра.

Дело в том, что ИЗ-ЗАI не может быть употреблен при желательной P(X); в сфере человеческого существования факты, как правило, не бывают нейтральны: то, что не желательно, — нежелательно; следовательно, переезд в Амдерму нежелателен.

- (7) На большой высоте вода кипит при температуре ниже 100° из-за пониженного давления.
указанное свойство воды представлено как нейтральное.

Кипение воды — это, в принципе, объективный физический факт, который можно рассматривать вне человеческой сферы и, тем самым, вне человеческих оценок; поэтому здесь ИЗ-ЗАI не имплицитно выражает нежелательность.

- (8) *Петр сумел купить билет только из-за знакомства с кассиршей.

Семантическая неправильность данной фразы объясняется тем, что предлог из-за не может быть употреблен при обозначении желательной ситуации P(X), а в (8) глагол сумел как раз выражает желательность (для Петра!) ситуации 'Петр купил билет'.

Эта особенность предлога ИЗ-ЗАI отражается посредством компонента 'ситуация], которая не является желательной...' в его толковании: в человеческой сфере ИЗ-ЗАI характеризует ситуацию P(X) как нежелательную, а в сфере объективных фактов, рассматриваемых вне связи с интересами людей, вообще никак не характеризует P(X) по желательности/нежелательности. Если же ситуация P(X) охарактеризована в исходном семантическом представлении [= СемП-е] как желательная, то необходимо выбирать предлог БЛАГОДАРЯ, который выражает желательность P(X):

- (9) Петр сумел купить билет только **благодаря** знакомству с кассиршей.

- (10) Вода закипела практически мгновенно **благодаря** понижению давления.

В связи с компонентом 'желательность [ситуации P(X)]' представляются уместными два следующие уточнения.

Во-первых, желательность [ситуации P(X)] оценивается всегда с точки зрения говорящего, но ПРИМЕНИТЕЛЬНО (= 'для') либо к X-у, т. е. к субъекту ситуации, либо к самому говорящему. Например:

- (11) Этот бандит сумел купить билет и ускользнуть от полиции только *из-за знакомства <благодаря знакомству> с кассиршей.

Хотя ситуация P(X) в (11) очевидным образом нежелательна для говорящего, употребить ИЗ-ЗАI все равно невозможно: для самого бандита ситуация вполне желательна. Таким образом, имеет место иерархия субъектов желательности:

X > говорящий*

Ситуация P(X) оценивается применительно к желаниям говорящего, только если P(X) не имеет одушевленного субъекта:

(12) Эта балка сгниет очень быстро из-за <благодаря> сырости.

В (12) оба предлога равно возможны, но ИЗ-ЗА1 означает, что говорящий не хочет, чтобы балка сгнила, а БЛАГОДАРЯ — что он этого хочет (например, в ситуации, когда сгнившая балка освободит нужный проход).

Во-вторых, желательность/нежелательность ситуации P(X) не обязательно должна быть выражена в СемП-е: соответствующая информация может содержаться в представлении знаний говорящего. Компонент 'не является желательной...' в толковании предлога ИЗ-ЗА1 выступает в процессе выбора лексем при переходе от смысла к тексту, т. е. в процессе лексикализации, как своеобразный семантический фильтр, способный обращаться к любым языковым и концептуальным представлениям.

2. Актант Y

На переменную Y предлог ИЗ-ЗА1 не накладывает никаких семантических ограничений: Y может быть как именем ситуации (*умер из-за небрежности врачей*), так и именем существа/объекта (*умер из-за своего врача <из-за грязного скальпеля>*). На концептуальном уровне, разумеется, только ситуация может быть причиной чего-либо; выражения типа *умер из-за своего врача* представляют собой результат семантического эллипсиса: 'умер из-за чего-то, что сделал / не сделал его врач'.

3. [Скаузировано] косвенно или без воздействия

Необходимость компонента 'косвенно [скаузировано]' доказывается невозможностью фраз следующего типа:

(13) *Петр умер *из-за рака <*из-за старости, *из-за ран>*
[правильно: *от рака, от старости, от ран*].

Строго говоря, предлог ИЗ-ЗА1 в (13) все-таки возможен, но при этом выражается, так сказать, неестественный смысл: *Петр умер из-за рака* означает, что рак — это косвенная причина смерти Петра; например, раком болел не Петр, а кто-то другой, что в конечном счете привело к смерти Петра (*Петр умер из-за рака его единственного сына*), или даже если раком болел сам Петр, то умер он от чего-то, вызванного раком, и т. п.

Аналогичным образом объясняется неправильность фраз (14):

(14) а. *Дом разрушился *из-за прямого попадания бомбы.*

б. *Она согласилась принять этого мерзавца только *из-за собственной слабости.*

в. *Он задрожал *из-за страха.*

Во всех соответствующих ситуациях имеет место непосредственная каузация, какую ИЗ-ЗА1 выражать не может; тут необходим предлог ОТ1 (или ПО1 — для (14б)).

Что касается случаев типа (15):

(15) *Петр погиб *из-за обстрела* [в смысле 'был убит пулей/снарядом'] / **из-за автомобильной катастрофы* [в смысле 'он разбился'].

— то и здесь ИЗ-ЗА1 невозможен из-за непосредственного характера каузации смерти, имплицитного обстрелом и автомобильной катастрофой. В (15) невозможны и все остальные рассматриваемые причинные предлоги — в соответствии с их индивидуальными свойствами; для выражения данного смысла необходим предлог 'В РЕЗУЛЬТАТЕ'.

Однако ИЗ-ЗА1 может выражать непосредственную каузацию, если при этом не имеет места воздействие Y-a на P(X):

(16) *Петр не успел на самолет из-за опоздания электрички.*

Опоздание электрички есть непосредственная причина того, что Петр не успел на самолет, однако опоздание электрички само по себе не может воздействовать на Петра (между опозданием и Петром нет — и не может быть — физического контакта); поэтому в (16) ИЗ-ЗА1 допустим. О соотношении непосредственности каузации и воздействия см. ниже, предлог ОТ1, Комментарий 3, стр. 179.

ИЗ-ЗА2

Толкование

[P(X)] из-за Y-a = [X совершает контролируемое действие P(X),] что косвенно скаузирвано Y-ом, с которым связана цель X-a в P(X).

Лексические функции

Syn_c : потому что
Syn_n : ради

Примеры

- (1) Я купил эту книгу только из-за рисунков.
- (2) Этих зверьков разводят из-за их красивого меха.
- (3) Петр женился на Маше из-за ее хорошего характера.
- (4) Петр поехал на этот курорт из-за прекрасных процедур <из-за очаровательных медсестер>.
- (5) Петр поехал на курорт только из-за необходимости отдохнуть от семьи.
- (6) Петр купил эту книгу только из-за низкой цены.

Комментарии

I. ИЗ-ЗА1 vs. ИЗ-ЗА2

4-томный «Академический словарь...» (в отличие от словарей Ушакова и Ожегова) различает у предлога ИЗ-ЗА, помимо пространственных значений, чисто причинное (= по причине) и причинно-целевое (= ради) значения. Различение этих значений, т. е. постулирование двух разных лексем — ИЗ-ЗА1 и ИЗ-ЗА2 — представляется оправданным: оно отвечает двум важным лексикографическим критериям разделения значений.

Критерий неоднозначности

Фразы типа

- (7) Петр поехал в Амдерму только из-за Маши.

— допускают два понимания:

- а. 'поехал потому, что Маша так или иначе вынудила его поехать: например, заставила, убедила или создала ситуацию, при которой не поехать было невозможно'
 - б. 'поехал ради Маши: например, чтобы увидеться с ней или доставить ей удовольствие'
- Отсюда следует необходимость введения для причинного ИЗ-ЗА двух разных лексем.

Критерий сочинимости (критерий Грин-Апресьяна⁴)

Решение иметь два причинных ИЗ-ЗА подкрепляется также невозможностью или затрудненностью сочинения при одном предлоге двух именных групп, интерпретируемых по-разному:

(8) а. *Он поехал на этот курорт из-за своей печени [= ИЗ-ЗА1] и моря [= ИЗ-ЗА2], которое он так любит.

б. *Петр женился на Маше из-за ее веселого характера [= ИЗ-ЗА2] и своего невыносимого одиночества [= ИЗ-ЗА1].

2. Цель X-a в P

Целевой компонент сознательно сформулирован весьма расплывчато — 'с которым связана цель X-a в P(X)'. Это сделано для того, чтобы покрыть крайне разнообразные употребления ИЗ-ЗА2. Так, в примерах (1) и (2) цель X-a — иметь Y (рисунки и мех), а в (3) — жену с Y-ом (с хорошим характером). В (4) из-за процедур означает 'чтобы подвергнуться им', а из-за медсестер — 'чтобы оказаться в контакте с ними'. Цель Петра в (5) — отдохнуть от семьи, а в (6) — получить дешевую книгу.

OT, предлог, + S_{род}

ОТ1

Толкование

[P(X)] от Y-a = [Имеет место ситуация P(X),] что непосредственно скаузирвано воздействием Y-a на X | 1) если Y — внешний по отноше-

нию к X-у фактор, то P не является контролируемым действием; 2) если Y — эмоция-реакция X-а, то P может быть контролируемым действием, только если P соответствует тому типу контролируемых действий, которые обычно каузируются Y-ом.

Лексические функции

Sup _с	: 'потому что'
Sup _з	: 'под воздействием' [От <= Под воздействием> наркотиков разрушается психика]
Sup _п	: 'в результате'; вследствие; из; по; с
Сопv ₂₁ V _{0с}	: вызывать [S]; приводить [к S]
S _{1п}	: последствие
S ₂	: причина

Примеры

- (1) Наш дом разрушился от землетрясения <от взрыва на соседней улице, от сырости>.
- (2) Петр умер от рака <от наркотиков>.
- (3) Мать всегда вздрагивала от ее хохота.
- (4) От (дикого) страха он все позабыл.
- (5) От (введения) жаропонижающего температура больного резко упала.
- (6) Он умер от пищевого отравления <от удущья>.
- (7) От побоев он потерял сознание.
- (8) Лицо, бледное от усталости; глаза, сияющие от радости
- (9) От многочисленных ламп под потолком в комнате было светло.
- (10) От этой новости Петя пришел в замечательное расположение духа.
- (11) Тебе жарко от температуры.
- (12) От переполнявшей ее радости она начала танцевать.
- (13) От дикой жары и головной боли он совсем оступел.
- (14) От вечных сквозняков у меня всегда насморк.
- (15) "От злой тоски не матерись!" [А. Городницкий].
- (16) От скуки стали вспоминать прошлое <прыгать через огонь>.
- (17) Она начала пить от невыносимого одиночества.
- (18) Наши купчихи от жадности товар гноят.
- (19) Он сделал это только от неуверенности в себе.

(20) Он стал преподавать от необходимости заработать лишние деньги.

Комментарии

I. Семантические условия

Справа от данного толкования — за вертикальной чертой — выписаны условия к толкованию, выражающие имплицативные соотношения между типами Y-а и P (их трудно включить в само толкование из-за их логической формы). В процессе лексикализации исходного СемП-а такие условия выступают как фильтры, не допускающие неправильный выбор соответствующей лексики. (Ср. аналогичную роль компонента (желательность) в толковании предлога ИЗ-ЗА1.)

I) "если Y — внешний фактор ..."

Необходимость этого условия следует из невозможности фраз типа (21а):

(21) а. Петр лег одетым *от холода в спальне.

Холод — внешний по отношению к X-у фактор, а лечь одетым — это контролируемое действие X-а; в этом случае следует употреблять ИЗ-ЗА1: лег одетым из-за холода.

Ср. правильные фразы (21б-в):

б. Петр дрожал от холода в спальне [дрожь — это не контролируемое состояние X-а].

в. От холода ребенок сжался в комочек [сжаться в комочек — это неконтролируемое, спонтанное действие X-а].

В (20) 'необходимость' является состоянием X-а: = 'X нуждается', т. е. Y — это не внешний, а внутренний фактор; тем самым, P может быть контролируемым действием.

Фраза (13), где сочинены внешний и внутренний Y-и, показывает, что соответствующие употребления не могут быть отнесены к разным значениям.

2) "если Y — эмоция-реакция ..."

Необходимость этого условия следует из невозможности фраз типа (22а):

(22) а. *Петр ушел из дома *от обиды <*от гнева, *от стыда>.*

Обида, гнев и стыд — эмоции-реакции, а уйти из дома — намеренное контролируемое действие X-а, являющееся обдуманном, в силу чего оно не может быть одним из таких действий, которые обычно каузируются этими эмоциями. В самом деле, обида и стыд толкают на импульсивные необдуманные действия (которые могут быть и контролируемые), а гнев — вообще на неконтролируемые действия. Соответствующие смыслы должны выражаться иначе, например: *Обидевшись <В гнев, Сгорая от стыда>, Петр ушел из дома.*

Ср. правильные фразы (22б-в), где P(X) не действие, а состояние, и (22г-д), где P(X) — импульсивное (хотя и контролируемое) действие:

б. *От обиды Петр долго не мог заснуть.*

в. *От стыда Петр совершенно растерялся.*

г. *От обиды Петр бросился вон из дома <наговорил нам дерзостей>.*

д. *От стыда Петр бросился вон из дома <закрыв лицо руками>.*

Смущение толкает на неправильные или нелепые действия, которые могут быть как контролируемыми (23а), так и неконтролируемыми (23б):

(23) а. *От смущения я перекладывала дрова не так, как надо, и дыма становилось все больше.*

б. *От смущения я пролила чай.*

Аналогично, страх перед Z-ом / что случится Z толкает на любые действия, позволяющие избежать нежелательного контакта с Z-ом / нежелательного события Z, что объясняет правильность употребления ОП1 во фразах (24), где в качестве P выступает контролируемое действие:

(24) а. *От страха перед начальством чиновники отказывали в визах всем подряд, не глядя ни на что.*

б. *В город я не ездила никогда - скорее кидалась обратно от страха не попасть на поезд [М. Цветаева].*

Наконец, P может быть контролируемым действием X-а, если Y не является эмоцией-реакцией; таков Y в примерах (16) и (17) — скука и одиночество.

2. Непосредственность каузации

Необходимость компонента 'непосредственно [каузировать]' доказывается противопоставлением с ИЗ-ЗА1:

(25) *Петр умер от ран [раны Петра вызвали его смерть]*

vs.

Петр умер из-за своих ран [раны Петра привели, например, к серьезному заболеванию, которое и вызвало смерть].

3. Воздействие

Необходимость компонента 'воздействовать' следует из невозможности фраз типа (26):

(26) *Петр погиб от *покушения <*от автомобильной катастрофы, *от небрежности врачей>.*

Покушение, катастрофа и небрежность не могут входить в контакт с объектом, т. е. воздействовать на него; правильные выражения: *в результате покушения, в автомобильной катастрофе, из-за небрежности врачей.* Ср. *погиб от перелома позвоночника <от инфекции, внесенной при уколе>*: здесь Y воздействует на X-а.

Для большей ясности представляется целесообразным рассмотреть возможные комбинации значений указанных выше параметров каузации: природа каузации (с воздействием / без воздействия) и место данной каузации в каузальной цепи (непосредственная/косвенная; мы позволим себе отвлечься здесь от первоначальной каузации).

Оба параметра пересекаются, порождая четыре возможных типа каузаций:

● Непосредственная каузация с воздействием: *Петр умер от раны в живот.*

● Косвенная каузация с воздействием: *Петр умер из-за раны в живот.*

● Непосредственная каузация без воздействия: *Петр не приехал к нам из-за забастовки водителей автобусов.*

● Косвенная каузация без воздействия: *Петр не приехал к нам из-за Маши.*

Как видно из данных примеров, непосредственная каузация с воздействием выражается предлогом ОТ1; остальные три случая покрываются предлогом ИЗ-ЗА1, что и отражено в соответствующих толкованиях: асертивная часть толкования предлога ИЗ-ЗА1 является, грубо говоря, отрицанием соответствующей части толкования предлога ОТ1 (ОТ1 = 'скаузировано непосредственно и воздействием', ИЗ-ЗА1 = 'скаузировано косвенно или без воздействия').

4. Неправильные смыслы

Неправильность некоторых выражений с предлогом ОТ1 связана не с семантикой или синтаксическими свойствами самого предлога, а объясняется некорректностью соответствующих исходных смыслов. Существует два типа смысловой неправильности: тавтология и противоречие.

Тавтологичный смысл

Фразы типа (27):

(27) *Петр умер *от убийства <^удушения, Н*отравления [= Петра отравили]*

— выражают тавтологичный смысл *- Петр умер, что скаузировано тем, что кто-то намеренно скаузировал, что он умер: здесь смысл выражения, соответствующего причине (= 'убийство'), включает смысл результата (= 'умер'). Более точно, во фразах типа (27) Y — это действие, целью которого является каузация P(X), причем эта цель

обязательно достигается ("гарантированная каузация" в [Падучева 1992]). Такой Y не может выступать в роли причины P(X); соответствующее высказывание нарушает правила построения информативных смыслов. Чисто семантический характер данной неправильности подтверждается тем, что каузальную связь между 'убийство' и 'умереть' невозможно естественно выразить никаким способом: **Петр умер из-за / в результате убийства, *Петр умер, потому что его убили, и т. п.*

Противоречивый смысл

Невозможности типа (28):

(28) **Этот дом разрушился от прямого попадания бомбы.*

— объясняются тем, что глагол разрушиться значит '= постепенно стать разрушенным' (*мгновенно разрушился), а от прямого попадания бомбы имплицитно мгновенный результат; таким образом возникает противоречие. Ср. правильные фразы *Этот дом развалился <рухнул> от прямого попадания бомбы* — с глаголами, не обозначающими постепенный процесс. Примеры (I) возможны, поскольку в них не идет речь о каузации мгновенного разрушения дома: землетрясение / взрыв на соседней улице / сырость причинили дому такие повреждения, что он постепенно разрушился.

Отмеченная неправильность является языковой аномалией, ибо в ней участвуют "грамматикализованные" смыслы (аспектуально-темпоральные); см. [Апресян 1990: 60].

5. Фразеологические ограничения

Хотя ОТ1 — свободный предлог, он, в отличие от ИЗ-ЗА1, имеет фразеологические употребления. А именно, сочетания с ОТ1 входят в многочисленные выражения, которые обозначают стандартные физические реакции на эмоции, и потому занесены в словарные статьи названий эмоций (как значения лексической функции Sumpt): например, *волосы встают дыбом от страха, закрыть лицо руками от стыда, покраснеть от стыда, позеленеть от злости, замереть от восторга, заплакать от обиды*. При этом участие групп ОТ + S в подобных фразах вполне соответствует смыслу предлога ОТ1.

Далее, фраза *Петр погиб от пули* некорректна, тогда как фразы *Петр погиб от пули наемного убийцы* или *Петр предпочитал умереть от пули, а не на виселице* совершенно правильны. Эти факты должны быть, по-видимому, учтены в словарных статьях глаголов ПОГИБНУТЬ и УМЕРЕТЬ — при описании способов выражения причины гибели/смерти.

Эти и подобные им ограничения представляют собой "законные" исключения, каковые характерны в естественном языке для любых сколь угодно свободных выражений; они не препятствуют трактовке ОТ1 как свободного предлога.

ОТ2

Толкование

[P(X)] от Y-a = [Имеет место ситуация P(X),] что первоначально скаузирвано свойством Y X-a или событием Y, касающемся X-a.

Лексические функции

Суп _с	: 'потому что'
V ₀	: происходить [от S], происходить [от S]
СопV ₂₁ V ₀	: приводить [к S]
S _{1п}	: следствие
S ₂	: источник, первопричина, исходная/конечная причина

Примеры

- (1) Сколько было жалоб! все от грамотности...
- (2) Все беды — от безбожия.
- (3) Все болезни от нервов, лишь одна от удовольствия.
- (4) Все его достоинства — только от его равнодушия.
- (5) Он часто бывал беспощаден, но не от жестокости, а от убежденности, что так нужно.
- (6) "Горе от ума".
- (7) Эта его резкость — от застенчивости.
- (8) Их бедность — от бесчисленных войн и революций.

2.2. Фразеологизованные причинные предлоги

ИЗ, предлог, + S_{род}

Толкование

[P(X)] из Y-a = [X совершает контролируемое действие P(X),] что непосредственно скаузирвано соображениями Y1 X-a или психическим состоянием/свойством Y2 X-a, таким, которое обычно каузирует стремление к определенному типу контролируемых действий, проявлением чего является действие P(X) | L = Adv₁Real₁(Y).

Синтаксические свойства

Y не может иметь при себе ни неактантный модификатор, ни местоименное притяжательное прилагательное (МОЙ, СВОЙ, ...)

Лексические функции

Суп _с	: 'потому что'
Суп _п	: 'на основании'; пол; с
S ₂	: мотив

Примеры

- (1) Ваня сделал это из религиозных соображений <убеждений>.
- (2) Ваня сделал это <не сделал этого> из страха перед директором <из страха, что его уволят>.
- (3) Из жалости его зачислили в штат.
- (4) Петра держат на работе только из уважения к его былым заслугам.
- (5) Из любопытства енок готов залезть даже в ловушку.
- (6) Он отказался от поездки из упрямства <из трусости>.
- (7) убийство из ревности
- (8) Петр отказался от выступления не из страха, а из убеждения, что это бесполезно.

Комментарии

1. Контролируемость действия Р(Х)

Необходимость компонента 'контролируемое [действие Р(Х)]' доказывается невозможностью употребить предлог ИЗ при Р, обозначающем то, что случается с Х-ом, спонтанную реакцию Х-а, и т. п.:

(9) Он упал <все позабыл, задрожал> *из страха [= от страха].

Ср.:

(10) а. Петр переехал сюда из страха перед мафией.

vs.

б. Петр оказался здесь *из страха перед мафией.

Фраза (11):

(11) Жиров из страха перед Мамонтом спал в ванной [А. Толстой]

— как справедливо отмечено в [Всеволодова, Ященко 1988: 28], не противоречит компоненту контролируемости: верно, что 'спать' — ингерентно неконтролируемое состояние, однако в (11) глагол СПАТЬ употреблен в другом смысле: 'ложиться спать где-либо / выбирать место для сна', что соответствует контролируемому действию.

2. У — внутренняя причина

Как видно из толкования, предлог ИЗ может быть использован только в том случае, если ГСинт-актант I следствия Р (= Х) совпадает с ГСинт-актантом I причины У, т. е. когда У является внутренней причиной:

(12) а. Петр не ест свиные *из религиозных соображений своего сына.

б. Петр поступил на работу только *из уважения к его былым заслугам [ср. (4)].

3. У толкает Х-а на Р

Необходимость компонента [психическое состояние,] которое обычно каузирует стремление к определенному типу контролируемых действий, проявлением чего является действие Р' доказывается тем, что с названиями эмоций и черт характера, не требующих от субъекта никаких специфических действий, причинное ИЗ не употребляется: *из радости / *из горя / *из удивления / *из глупости / *из мрачности. Более того, при названии эмоции / черты характера, требующей от субъекта определенных контролируемых действий, предлог ИЗ возможен только тогда, когда Р является частным случаем требуемых действий. Так, допустим, что любопытство ('побуждающая' эмоция / черта характера) толкает NN заглянуть в некий интересный его документ, и почерпнутая оттуда информация заставляет NN принять решение об уходе с работы. Выразить соответствующий смысл с помощью предлога ИЗ невозможно:

(13) NN ушел с работы *из любопытства [= из-за своего любопытства].

Дело в том, что уход NN с работы не является проявлением его желания узнать содержание документа. Фраза NN ушел с работы из любопытства на самом деле возможна, но для описания другой ситуации: для NN был любопытен сам опыт ухода с работы.

Фразы типа (14):

(14) Он сделал это *из паники / *из отчаяния / *из страсти / *из ярости.

— неправильны потому, что упоминаемые в них эмоции не каузируют стремление к каким бы то ни было контролируемым действиям (они каузируют потерю самоконтроля). Этим и объясняется наличие модификатора 'контролируемый' в обсуждаемом компоненте.

4. Непосредственность каузации

Компонент 'непосредственно [каузировано]' не является необходимым: он избыточен, ибо соответствующий смысл вытекает из того, что Р должно быть частным случаем действий, требуемых У-ом. Тем не менее, его удобно иметь в толковании для большей наглядности при сравнении с другими причинными предложениями.

Если Р не является само по себе частным случаем действий, требуемых Y-ом, а представляет собой следствие таких действий, т. е. если каузация оказывается недостаточно непосредственной, соответствующие фразы затруднены: так, фраза (15)

(15) *Петр не питается вместе с родителями ?из религиозных соображений.*

— неудачна для описания ситуации 'Петр не питается вместе с родителями, потому что они едят свинину, каковую Петр не может есть из религиозных соображений'. При этом совершенно нормальна фраза (16), описывающая случай непосредственной каузации:

(16) *Петр не ест свинину из религиозных соображений.*

5. Фразеологизованность выражений ИЗ + S_{род}

Все выражения ИЗ + S_{род} (с причинным ИЗ) являются ПОЛУФРАЗЕМАМИ, а именно, это двучленные выражения, где один компонент (= ИЗ) является значением некоторой лексической функции (= Adv₁Real₁) от второго компонента (= Y, т. е. название психического состояния / свойства).

Напомним, что Adv₁Real₁(Y) означает 'выполняя то, что "требует" Y'. Например, СТРАХ M перед N '... "требует" [= каузирует, что M стремится] избежать того нежелательного для M, что может сделать ему N). Тогда:

(17) *Ваня не выступил на собрании из страха перед директором* = 'Ваня не выступил на собрании, выполняя "требование" страха перед директором избежать репрессий со стороны директора'.

Фразеологичность рассматриваемых выражений проявляется в следующих трех их особенностях:

1. ИЗ в данном значении возможен не при любом семантически подходящем Y-е:

*из жестокости, *из доброты (ср. из милости, из жалости),
*из досады, *из гнева, *из негодования, *из стыда
*из лени [ср. Он ... не стриг волос — не из щегольства, от лени [Тургенев]

2. Как уже было указано, в общем случае S не может присоединять ни неактантный модификатор, ни прилагательное типа МОЙ, ТВОЙ, СВОЙ, ...:

из страха vs. из *дикого страха, из *своего страха
[ср. из-за своего дикого страха перед начальством]
из осторожности vs. из *крайней осторожности, из *своей осторожности
[ср. из-за своей крайней осторожности]

Однако некоторые S могут иметь при себе фразеологически связанный модификатор (в том числе — ограничитель ЧИСТЫЙ):

из чистого любопытства vs. из *острого любопытства vs. из *чистой ревности;
из праздного любопытства, из чистого бахвальства

Соответствующие указания помещаются в словарную статью существительного и "пересиливают" общий запрет на модификатор, записанный в словарной статье предлога, в данном случае — ИЗ.

3. На существительное S, выражающее Y, могут накладываться дополнительные морфологические ограничения:

из принципа vs. *из принципов

В силу их фразеологичности, все выражения типа ИЗ+S_{род} должны задаваться в словарных статьях своих S — при помощи лексических функций. Так, например, выражение ИЗ ЛЮБОПЫТСТВА записывается в словарной статье существительного ЛЮБОПЫТСТВО:

Adv₁Real₁ : из [-а] | Л. может иметь модификатор ПРАЗДНОЕ, ЧИСТОЕ

Что касается словарной статьи самого ИЗ, то запись " | L = Adv₁Real₁(Y)" означает 'при условии, что заглавное слово L является значением ЛФ Adv₁Real₁(Y)'; иначе говоря, Y имеет в своей словарной статье Adv₁Real₁= ИЗ. Этим условием контролируется выбор предлога ИЗ при наличии соответствующего смысла в исходном СемП-е.

С, предлог, + S_{парт/род}**Толкование**

[P(X)] с Y-a = [С X-ом происходит психическое событие Р или Х совершает действие Р], что непосредственно скаузирвано нежелательным для X-а эмоциональным состоянием Y X-a | L = Prop(Υ).

Синтаксические свойства

- 1) Существительное, соответствующее X-у, — либо подлежащее глагола, соответствующего Р, либо первое дополнение (= Сдат) этого глагола, если он безличный и обозначает психическое событие.
- 2) Υ не может иметь при себе никаких зависимых: ни актантов, ни модификаторов.

Лексические функции

Sup_c : 'потому что'
 Sup_n : 'под влиянием'; из; по!

Примеры

- (1) *Со страху Петр все перепутал <все забыл, чуть не обделался>.*
- (2) *Он вышел, громко хлопнув дверью с досады.*
- (3) *С досады он наговорил ей много неприятных вещей.*
- (4) *Он плюнул с досады.*
- (5) *С горя он решил пойти в кино.*
- (6) *Отняли у тебя Наву — вот тебе с горя и привиделось [Стругацкие].*
- (7) — *Что, Иван тебе понравился? Да он тебе просто со скуки понравился!*
- (8) *Со скуки они пьют и распутничают.*
- (9) *Он вскрикнул с испугу.*

Комментарии**1. Р — не физическое событие**

Необходимость компонента 'с X-ом произошло психическое событие Р или Х совершил действие Р', исключающего физическое со-

бытие, происходящее с X-ом, доказывается невозможностью выражений следующего типа:

(10) *задрожать со страху: задрожать — физическое событие; ср.: обделался со страху [неконтролируемое действие], со страху позвонил в полицию [контролируемое действие] и все забыл со страху [психическое событие];

(11) *слезы выступили с досады: слезы выступили — физическое событие; ср.: плюнул с досады [неконтролируемое действие], хлопнул дверью с досады [(не)контролируемое действие], с досады отменил встречу [контролируемое действие] и все забыл с досады [психическое событие].

В случае, если Р — физическое событие, употребляется предлог ОП: *задрожал от страха, слезы выступили от досады.*

2. Υ — нежелательное эмоциональное состояние

Необходимость ограничения 'нежелательное эмоциональное состояние' доказывается невозможностью таких выражений, как *с доброты [не состояние, а свойство], *с усталости / *с болезни [физические состояния], *с радости / *с надежды / *с любви [приятное эмоциональное состояние].

3. Υ — внутренняя причина

Как видно из толкования, так же, как в случае предлога ИЗ, предлог С употребляется только в том случае, когда Υ является внутренней причиной ситуации Р. Так, фраза (1) не может выражать, например, следующий смысл 'на Петра так подействовал страх его жены, что он все перепутал'.

4. Непосредственность каузации

Каузация, выражаемая предлогом С, всегда непосредственная; это совершенно естественно, поскольку Р(Х) есть реакция на Υ. Этим объясняется тот факт, что во фразах с предлогом С замена его на ИЗ-ЗА1 практически невозможна: соответствующую ситуацию Р(Х) трудно интерпретировать как косвенное следствие Υ-а.

5. Фразеологизованность выражений C+S_{род/парт}

Все выражения C+S_{род/парт} (с причинным С) — так же, как и выражения ИЗ+S_{род}, фразеологизованы: предлог является значением лексической функции, в данном случае — Propt — от второго компонента (= Y, т. е. названия эмоции).

Фразеологичность рассматриваемых выражений проявляется в тех же самых особенностях, что и у выражений ИЗ+S_{род}:

1. Предлог С возможен не при любом семантически подходящем Y-е:

*со стыда, *со смущения, *с гнева (ср. с досады),
*с огорчения, *с тревоги, *с беспокойства

2. S не может иметь при себе никаких зависимых:

*с жуткой скуки, *с глубокого отчаяния, *с дикого страха;
*со страху перед директором, *с досады от неудачи;
*со своего страха

3. В данных выражениях у тех S, которые в принципе имеют партитив, этот партитив обязателен: *со страха; обычно же партитив факультативен: *немного чаю/чая*.

В силу их фразеологичности, выражения типа C+S_{род/парт} также должны задаваться в словарных статьях своих S. Так, например, выражение СО СТРАХУ записывается в словарной статье существительного СТРАХ:

Propt : со [-y]

Фразеологичность причинных предложных групп C+S_{род/парт} поддерживается существованием ряда причинных идиом вида C+S_{род/парт}, не описываемых словарной статьей предлога С, а также причинных наречий с приставкой С-:

'С ПЬЯНЫХ ГЛАЗ'	= 'потому что пьян'	= Propt (пьян)
разг. 'С ГОЛОДУХИ'	= 'потому что голоден'	= Propt (голоден)
прост. 'С УСТАТКУ'	= 'потому что устал'	= Propt (устать)
'С ГОЛОДУ'	= 'потому что голодал'	= Propt (голодать)

! G = УМЕРЕТЬ

'С ПЕРЕПОЯ'	= 'потому что перепил'	= Propt (перепить)
'С ПОХМЕЛЬЯ'	= 'потому что находится в состоянии похмелья'	= Propt (похмелье)
'КАТАТЬСЯ СО СМЕХУ'	= // Magn (смеяться)	
'СГОРЕТЬ СО СТЫДА'	= // Magn (стыдиться)	
'С КАКОЙ СТАТИ'	= 'почему'	
разг. 'С ЧЕГО БЫ'	= 'почему'	
СПЬЯНУ	= 'потому что пьян'	= Propt (пьян)
СДУРУ	= 'потому что не сообразил'	= Propt (не сообразить)
СОСЛЕПУ	= 'потому что плохо видит'	= Propt (плохо видеть)

По существу, предложные группы с причинным С близки к цельным наречным речениям; это проявляется, в частности, в невозможности при S никаких зависимых.

ПО, предлог, +S_{дат}

ПОИ

Толкование

[P(X)] по Y-y = [X совершает действие P1 или с X-ом происходит P2, причём P нежелательно для X-а или неправильно с точки зрения говорящего], что непосредственно сказуировано психическим свойством Y X-a | L = Propt(Y)

Синтаксические свойства

Y не может иметь при себе свободный неактантный модификатор

Лексические функции

Syn_e : 'потому что'
Syn_n : вследствие; из

Примеры

(1) *Петр сделал это <не сделал этого> по своей природной доброте.*

- (2) Директор зачислил его в штат по слабости.
 (3) Иванова держат на работе только по великодушию.
 (4) Молодой енок попался в эту ловушку сугубо по своей неопытности.
 (5) Петр заблудился <все потерял, заразился> по (своей) собственной глупости.
 (6) Петр оказался здесь по наивности <по забывчивости>.
 (7) Петр сделал это по своей бестактности <по своему обычному великодушию, по душевной тупости, по мягкости (своего) характера>.

Комментарии

1. ПО1 vs. ПО2

В детальном описании предлога ПО в [Июдин 1991] выделено одно причинное значение: ПО1.8 (стр. 108 - 109); оно сформулировано следующим образом: 'свойство, факт или параметр Y является причиной того, что имеет место ситуация X; либо Y, либо X является нежелательным или случайным'. Однако это толкование не выражает в явной форме следующую корреляцию: если Y — психическое свойство, то это обязательно свойство X-а, т. е. субъекта ситуации P; если речь идет о психическом свойстве кого-то, отличного от X-а, выражение с ПО невозможно:

(8) *Петр получил двойку по рассеянности* [рассеянность — Петра]

vs.

*Петр получил двойку *по рассеянности* [рассеянность — учителя].

Если же Y не есть психическое свойство, то Y может характеризовать как X-а, так и отличное от него лицо:

(9) *Петр не получил деньги по ошибке* [ошибка - Петра] <по ошибке бухгалтера>.

Более того, "не психический" Y может вообще не быть характеристикой чего бы то ни было:

(10) *Петр работает по необходимости* <по счастливому стечению обстоятельств, по недоразумению>.

Таким образом, для "психического" Y-а мы имеем случай внутренней причины, как для предлогов ИЗ и С. При этом причинные выражения с "психическим" Y-ом достаточно однородны в семантическом, синтаксическом и лексико-сочетаемом отношении; они весьма многочисленны, и соответствующая модель даже в некотором смысле продуктивна: в индивидуальной речи возможны неклишированные выражения рассматриваемого типа (например, *по жадности* [?], *по жестокости* [?], *по лени* [?] — ср. правильное *по лености*).

Вследствие указанной однородности сочетаний ПО+S_{дат} с S [= Y], которое обозначает психическое свойство X-а, естественно представить соответствующую общую информацию ровно один раз, а именно в словарной статье предлога ПО.

Для Y ≠ 'психическое свойство' дело обстоит иначе:

- Семантика самого Y-а неоднородна: Y может быть действием (*по ошибке, по глупости директора* [здесь выступает лексема ГЛУ-ПОСТЬ 'глупый поступок']), физическим состоянием человека (*по болезни, по состоянию здоровья*), состоянием мира (*по стечению обстоятельств*), параметром (*по возрасту*), и т. д.

- Синтаксически соответствующие выражения также неоднородны: в частности, одни допускают выражение субъектного актанта, другие нет (*по ошибке директора vs. *по болезни директора <по болезни>*).

- Они существенно более фразеологизованы: не допускают никаких прилагательных — **по серьезной ошибке, *по тяжелой болезни, ...* (ср., однако, *по счастливому <роковому, странному> стечению обстоятельств*); очень ограниченно соединяются со сказуемыми (**похудеть по болезни, *погибнуть по ошибке, *спастись по странному стечению обстоятельств*); исключают индивидуальные образования по аналогии (**по усталости, *Петр был уволен по весу*).

Практически каждое сочетание ПО+S_{дат}, где S [= Y] не обозначает психическое свойство, должно быть охарактеризовано индивидуально; разумные обобщения представляются невозможными. Поэтому описание ПО в таких сочетаниях не удастся эффективно объединить с описанием ПО в сочетаниях с Y = 'психическое свойство'.

Указанные соображения привели нас к различию двух причинных лексем предлога ПО: ПО1 — лексема с весьма специфическим и точно характеризуемым значением и ПО2, своеобразная "свалка" для остальных случаев, — лексема с общим, бедным значением (ПО2 обозначает просто каузацию)⁵.

Наше решение не противоречит критерию Грин-Апресяна; действительно, именные группы, соответствующие интерпретациям "ПО1" и "ПО2", не могут быть сочинены при предлоге ПО:

(1) *Петр сделал это *по ошибке [= ПО2] и халатности [= ПО1].*

В то же время, внутри ПО1 сочинение именных групп возможно:

(12) *Петр сделал это по небрежности и халатности <по злобе и пупости, по мягкости характера и сердечной доброте>.*

Для ПО2, в силу высокой фразеологизованности сочетаний ПО+S_{дат}, критерий Грин-Апресяна неприменим, ибо предлог ПО2 не может опускаться.

2. Нежелательность/неправильность ситуации Р

Необходимость компонента {Р} нежелательно для X-а или неправильно с точки зрения говорящего' доказывается некорректностью фраз типа (13а) при совершенной естественности (13б):

(13) а. — *Не волнуйся, все будет хорошо! ?По доброте душевной он тебя не прогонит.*

(13) б. *По доброте душевной они продолжали терпеть его выходки.*

Ср. также:

в. ??*Директор держит Петра на работе только по доброте своей, хотя Петр — классный специалист.*

г. *Директор держит Петра на работе только по доброте своей, хотя Петр — никудьбинный работник.*

Что касается фраз типа (13д):

д. *Петр выиграл партию по рассеянности.*

— то, хотя выиграть партию — это, вообще говоря, желательно и правильно, но в (13д) говорящий оценивает данную ситуацию как неправильную, поскольку этот выигрыш случаен (например, известно, что Петр хотел проиграть).

Наличие данного компонента объясняет то, что с названиями "положительных" свойств характера причинное ПО1 не употребляется: **по твердости*, **по опытности*, **по сообразительности*, **по храбрости* и т. д. Исключением являются выражения с лексемами типа ДОБРОТА, МЯГКОСТЬ, ВЕЛИКОДУШИЕ, НАИВНОСТЬ, обозначающими свойства, способные приводить к неправильным поступкам, например, к неправильным уступкам.

3. Y — психическое свойство

Подчеркнем, что Y-ом, т. е. причиной для Р, может быть только психическое свойство X-а, но не его психическое состояние:

(14) **по страху*, **по радости*, **по досаде*, **по скуке*, и т. д.

(Выражение *по любви* — фразема, употребляющаяся только с глаголами ЖЕНИТЬСЯ и ВЫЙТИ ЗАМУЖ; ср. *Она все ему простила *по любви.*)

4. Непосредственность каузации

ПО1 выражает непосредственную каузацию; на это указывает, с одной стороны, его противопоставленность предлогу ИЗ-ЗА1, а с другой — (квази)синонимичность предлогу ИЗ и ОТ1:

(15) *Петр проиграл по рассеянности* [потому что играл рассеянно].

vs.

Петр проиграл из-за (своей) рассеянности [потому что рассеянно сделал нечто, что в конечном итоге привело к проигрышу].

(16) а. *Петр промолчал по (своей обычной) скромности = из скромности* [в обоих случаях молчание есть проявление скромности].

б. *Она демократична и проста со всеми — не из принципа, а по институту* [К. Чуковский].

в. *Предисловия часто пишутся по традиции или из вежливости.*

г. Я по рассеянности и от смущения не сообразила, что кружка очень горячая, и обожгла губы.

Непосредственность каузации характеризует и ПО2, см ниже:

(17) *Петр не получил деньги по ошибке бухгалтера* [ошибка бухгалтера непосредственно касалась выдачи денег].

vs.

Петр не получил деньги из-за ошибки бухгалтера [ошибка состояла в чем-то, что привело к невыдаче денег].

5. Фразеологизованность выражений ПО+S_{дат}

В выражениях ПО+S_{дат} (с причинным ПО1) ПО является значением лексической функции P_{гор1} — от Y-а, т. е. от названия психического свойства.

Фразеологичность рассматриваемых выражений ПО1+S_{дат} проявляется в следующих двух их особенностях:

1. ПО1 возможен далеко не при любом семантически подходящем Y-е:

**по жестокости, *по злобности* (ср. *по мягкости, по доброте; по злобности характера*), **по жадности* (ср. *по скупости*), **по кокетству*⁶

2. Хотя в общем случае S, вводимое причинным ПО1, не может иметь при себе свободный неактантный адъективный модификатор, оно (в отличие от выражений с ИЗ) допускает прилагательное СВОЙ:

*из *своего страха vs. по своей глупости*

Фразеологически закреплённый адъективный модификатор в сочетании ПО1+S_{дат} возможен:

*по доброте душевной vs. *по душевной доброте vs. *по доброте сердечной*

В силу их фразеологичности, выражения типа ПО1+S_{дат} должны задаваться в словарных статьях своих S. Так, например, выражение

ПО СЛАБОСТИ (ХАРАКТЕРА) описывается в словарной статье существительного СЛАБОСТЬ:

P_{гор1} : по [-и (характера)] | С. не имеет никаких зависимых

При этом характерные для ПО1 ограничения на P(X) выписываться здесь не должны: они возникают из словарной статьи самого ПО1.

ПО2

Толкование

[P(X)] по Y-y = [Имеет место ситуация P(X)], что непосредственно скаузировано Y-ом, который не является ни психическим свойством, ни психическим состоянием | L = P_{гор1}(Y).

Синтаксические свойства

Y не может иметь при себе свободный неактантный модификатор.

Лексические функции

Syn_с : 'потому что'
Syn_п : 'в результате'

Примеры

- (1) *Петр не получил денег по ошибке <по недосмотру> директора.*
- (2) *Петр освобожден от военной службы по возрасту <по инвалидности, по состоянию здоровья>.*
- (3) *Петра освободили от военной службы по возрасту <по инвалидности, по состоянию здоровья>.*
- (4) *Это произошло по (чистому) недоразумению <по недосмотру>.*
- (5) *Мы встретились по счастливому стечению обстоятельств.*
- (6) *Он работает по необходимости.*
- (7) *Петр ведет себя так только по молодости лет <по недомыслию>.*
- (8) *Эти книги оказались здесь по недосмотру секретарши.*

Комментарий

Необходимость ограничения на Y доказывается следующими примерами:

(9) *Петр не получил денег * по скупости <* по гневу, * по страху> директора.*

Выражение *по скупости* — без эксплицитного выражения субъекта — в принципе возможно, и оно описывается предлогом ПО1 (*По скупости он не зажег свет в туалете*); выражения *по гневу, по страху* и т. п. вообще невозможны, и они отсеиваются именно благодаря запрету "Y не является психическим состоянием".

Подчеркнем, что охарактеризовать Y в толковании ПО2 ПОЛОЖИТЕЛЬНО нам не удалось: слишком велико разнообразие возможностей.

1.3. Сопоставление смыслов русских причинных предлогов

Чтобы сделать максимально наглядными семантические сходства и различия рассмотренных предлогов, мы представим их в виде таблицы, где они охарактеризованы по трем признакам: тип выражаемой каузации, тип каузатора (Y) и тип следствия (P).

	каузация	каузатор Y	следствие P(X)
ИЗ-ЗА1	косвенная или без воздействия	————	ситуация, которая не является желательной
ИЗ-ЗА2	косвенная	цель X-а в P	контролируемое действие X-а
ОТ1	непосредственная с воздействием	————	ситуация
ОТ2	первоначальная	свойство X-а или событие, касающееся X-а	ситуация P(X)

	каузация	каузатор Y	следствие P(X)
ИЗ	непосредственная	соображения или "побуждающее" психическое свойство/состояние X-а	контролируемое действие X-а
С	непосредственная	нежелательное эмоциональное состояние X-а	действие X-а или психическое событие с X-ом
ПО1	непосредственная	психическое свойство X-а	нежелательное или неправильное действие X-а или событие с X-ом
ПО2	непосредственная	не психическое свойство/состояние	ситуация

Итак, слегка огрубляя картину, мы можем сказать, что рассмотренные предлоги употребляются следующим образом:

ИЗ-ЗА1 —

для выражения косвенной причины нежелательной или нейтральной ситуации (*Это случилось из-за твоего вечного страха, что мы заблудимся*)

ИЗ-ЗА2 —

для выражения цели, которая является косвенной причиной действия (*Петр купил эту книгу из-за рисунков*)

ОТ1 —

для выражения непосредственной причины, которая своим воздействием вызывает некоторую реакцию (*У Петра от страха лоб покрылся испариной, Петр дрожал от холода, Машины ржавеют от соли на дорогах*)

ОТ2 —

для выражения первоначальной причины (*Все комплексы Петра — от страха*)

ИЗ —

для выражения мотива или побудительной силы (психическое состояние или свойство) контролируемого действия (*Петр не критикует начальника из каких-то тайных соображений / из страха потерять работу*)

С —

для выражения непосредственной причины — неприятного эмоционального состояния, которое вызывает некоторую нефизическую реакцию (*Петр со страху убежал <все забыл, позволил в полицию>*)

ПО1 —

для выражения непосредственной причины — психического свойства, которое вызывает нечто нежелательное (*Петр уступил по слабости*)

ПО2 —

для выражения просто непосредственной причины (*Петр не получил письмо по ошибке секретарши*)

Предлоги ОТ2, ИЗ, С и ПО1 выражают внутреннюю причину: ГСинтА I каузатора и следствия идентичны, что легко усмотреть из таблицы.

1.4. Типология смыслов русских причинных предлогов

Построение типологии для группы родственных значений сводится к выделению и описанию семантических "осей", или параметров, по которым эти значения противопоставляются. В нашем случае, для описания семантики рассмотренных русских причинных предлогов оказались релевантными 10 следующих параметров:

Типы каузации

1. Природа каузации: реальная vs. логическая

РЕАЛЬНАЯ каузация (*Ржавчина разрушает металл; Небрежность привела к катастрофе; Петр женился на Маше потому, что у нее хороший характер*) связывает две ситуации в объективном мире — как причину и следствие;

ЛОГИЧЕСКАЯ каузация, т. е. импликация (*Если А больше В, то В меньше А; У Маши хороший характер, раз Петр на ней женился*), связывает два утверждения о мире — как посылку и заключение.

Мы полагаем, что это различие должно отражаться в толкованиях указанием на характер Сем-актантов каузации: 'факт действительности' vs. 'утверждение о действительности'. Поскольку, однако, реальная каузация рассматривается как немаркированный случай, мы считаем возможным опускать в толкованиях компонент, указывающий на факт действительности. Иначе говоря, по умолчанию, любая переменная 'А' означает 'ситуация/объект А'.

Рассмотренные причинные предлоги выражают только реальную каузацию (хотя причинные предлоги со значением логической каузации существуют: ВСЛЕДСТВИЕ и 'В СИЛУ'); *Утверждение А истинно вследствие / в силу <из-за> истинности утверждения В.*

2. Вид реальной каузации: посредством воздействия vs. без воздействия

3. Место данной каузации в каузальной цепи: прямая vs. косвенная vs. первоначальная vs. — [прочерк обозначает нерелевантность параметра в данном случае]

(См. примечание I об одном частном случае косвенной каузации.)

Типы обоих актантов каузации

4. Таксономическая категория: ситуация vs. действие vs. событие vs. состояние vs. свойство vs. мнения vs. ...

5. Сфера: психическое vs. физическое [состояние или свойство]

Типы каузатора [Y-a = того, что каузирует P]

6. Вид причины: внутренняя vs. внешняя [по отношению к X-y]

7. Вид внутренней причины: "побуждающее" психическое состояние/свойство vs. "реактивное" эмоциональное состояние vs. ...

8. Вид внешней причины: цель [X-a в P] vs. ...

9. Контролируемость субъектом: контролируемая vs. неконтролируемая [ситуация]

10. Оценка: нежелательная vs. желательная vs. неправильная vs. ... [ситуация]

Заметим, что в общей типологии каузальных значений параметры и их значения, указанные здесь для одного из актантов каузального отношения — для причины или для следствия, могут оказаться релевантными для обоих актантов или для самой каузации. Так, в другой группе русских каузальных лексем, рассмотренных в [Падучева 1992], а именно для глаголов, в толкование которых входит компонент 'каузировать', параметр контролируемости важен для каузации (а не для следствия, как в случае рассмотренных причинных предлогов). Кроме того, для этой группы лексем оказываются важными разные виды контролируемости: неполная контролируемость и гарантированная контролируемость.

5. Несколько замечаний о лексикализации в процессе синтеза текста

В связи с рассмотренными предложениями представляется полезным сделать четыре замечания общего характера, касающиеся лексикализации — выбора лексем в процессе перехода от концептуального представления некоторой ситуации действительности к соответствующим языковым выражениям.

5.1. От одной ситуации действительности к разным смыслам

Как хорошо известно, одна и та же ситуация действительности может быть представлена разными смыслами и, соответственно, разными языковыми выражениями. Так, фразы

- (1) а. *Наводнение началось из-за непрерывных дождей.*
 б. *Наводнение началось от непрерывных дождей.*

— описывают одну и ту же ситуацию действительности, но в (1а) причинная связь между дождями и наводнениями представлена как косвенная каузация, а в (1б) — как непосредственная каузация воздействием. Аналогичное соотношение наблюдается в паре фраз (2а-б):

- (2) а. *В Монреале машины быстро ржавеют из-за соли на дорогах.*
 б. *В Монреале машины быстро ржавеют от соли на дорогах.*

5.2. Наложение лексикографических толкований на исходный СемП

Процесс лексикализации исходного СемП-а предполагает наложение толкований лексем на СемП и выбор — для частей СемП-а, совпадающих с толкованиями — соответствующих лексем. Указанное совпадение не обязательно должно быть полным: некоторые компоненты толкования могут отсутствовать в СемП-е. Важно, однако, чтобы эти компоненты не противоречили знаниям говорящего относительно данной ситуации — энциклопедическим или полученным из предыдущего текста (например, в случае диалога). Именно такими являются компоненты 'желательная/нежелательная [ситуация]' и 'контролируемая/неконтролируемая [ситуация]', используемые в толкованиях причинных предлогов. Мы не требуем, чтобы в СемП-е каждая ситуация обязательно характеризовалась по ее желательности, а каждое действие — по контролируемости (см. об этом [Зализняк 1992: 65] и [Iordanskaja, Mel'čuk 1995]); предполагается, однако, что говорящий обладает соответствующими знаниями о ситуации/действии, что позволяет ему правильно выбирать лексемы.

5.3. Лексическая функция vs. свободное выражение

При синтезе текста необходимо учитывать хорошо известный принцип предпочтительности "готовых" выражений:

- При прочих равных условиях готовое выражение, в частности — идиоматичное словосочетание, следует предпочитать синонимичному ему свободному.

Поэтому, если некоторый фрагмент исходного СемП-а соответствует смыслу лексической функции ЛФ *f*, которая имеет выражение при соответствующем ключевом слове *L*, то словосочетание *L+f(L)* предпочтительнее синонимичного свободного словосочетания.

Именно так обстоит дело с выбором между свободным предлогом ОТ₁ и фразеологизованным предлогом С (= выражение ЛФ **Propt**). Они пересекаются по смыслу и, следовательно, могут в некоторых случаях восходить к одному и тому же СемП-у. Рассмотрим, например, выбор предлога для *Y* = ГОРЕ, при *P(X)* = ЗАПИТЬ. В соответствии с предложенными словарными статьями здесь оказываются возможными оба предлога: *запить с горя / от горя*. Однако С является значением ЛФ **Propt** от лексемы ГОРЕ, т. е. С ГОРЯ — это готовое выражение. В соответствии с вышеуказанным принципом, предлог С в данном случае предпочтительнее предлога ОТ₁. И действительно, *запить с горя* звучит лучше, чем *запить от горя*. Ср. аналогичную пару *Со страху он все перепутал vs. От страха он все перепутал*: оба выражения возможны, но опять-таки предпочтительнее фразеологизованный предлог С.

Однако по крайней мере в трех случаях (когда не выполняется равенство условий) должен все-таки употребляться свободный предлог, в нашем случае — ОТ₁.

1) Лексема *L*, выступающая в роли *Y*-а, вообще не имеет ЛФ **Propt**; тогда единственный остающийся вариант — это свободный предлог. Так, например, **Propt**(одиночество) не существует; поэтому выражение *запить от одиночества* не вызывает возражений. (Ср. строчку В. Высоцкого: "У меня запой от одиночества".)

2) Если говорящий хочет присоединить к лексеме *L*, которая имеет **Propt** = С, какой-либо модификатор, то предлог С, в соответствии со своими синтаксическими свойствами, становится невозможным; тогда также употребляется свободный предлог ОТ₁: ср. **С дикого страха он все забыл vs. От дикого страха он все забыл* или **Со страху, что воры вернутся, он стал звонить в полицию vs. От страха, что воры вернутся, он стал звонить в полицию*.

3) Наконец, предлог, который, вообще говоря, является свободным, может выступать как компонент более широкого готового выражения, т. е. в данном случае он оказывается фразеологизованным. Иначе говоря, фразеологизованным может быть не только само сочетание предлога с существительным, но и включающее это сочетание глагольное выражение: ср. *вскрикнул от испуга*, которое звучит лучше, чем *вскрикнул с испугу*, поскольку *вскрикнуть от испуга* — это готовое выражение, соответствующее ЛФ **Sympt**(испуг).

5.4. Словарные статьи для лексико-функциональных лексем

Предлагаемые лексикографические описания фразеологизованных причинных предлогов предполагают следующую стратегию их выбора в процессе лексикализации исходного СемП-а: предлог выбирается на основе своего собственного толкования, но при этом происходит проверка условий к толкованиям, обращаясь к ЛФ **Adv**, **Real**, и **Propt** в словарных статьях управляемого существительного *S*, а именно — данный предлог должен быть значением данной ЛФ при данном *S*.

Логически возможна, однако, и другая стратегия выбора рассматриваемых предлогов. В самом деле, обе указанные ЛФ задают, хотя и приближенно, семантику и даже синтаксис выбираемого предлога. **Adv**, **Real**(*Y*) означает примерно 'выполняя требования *Y*-а'; актантные индексы показывают, что соответствующее выражение синкатегорематично: глубинно-синтаксические актанты *I* у *P* и у *Y*-а должны совпадать. **Propt**(*Y*) означает 'что каузировано *Y*-ом'. Следовательно, фразеологизованные предлоги можно в принципе выбирать как значения соответствующих ЛФ в словарных статьях существительных — и их собственные словарные статьи тогда оказываются избыточными.

Какая же из этих двух стратегий целесообразнее?

Исходя из принципа экономности описания, мы останавливаемся на первой; вторая стратегия — возлагающая выбор фразеологизованных предлогов целиком на ЛФ и отвергающая использование собственных словарных статей для таких предлогов — оказывается крайне неэкономной.

Действительно, ЛФ характеризуют семантику и синтаксис выражающих их лексем лишь весьма приблизительно: в качестве значения одной и той же ЛФ могут выступать лексемы, различающиеся по своим семантическим и синтаксическим свойствам. Так, ЛФ **Propt**(*Y*), вообще говоря, покрывает как случаи внутренней причины, так и случаи внешней причины. Однако разные предлоги, являющиеся значением этой ЛФ — С и ПО1/2, различаются по типу причины: предлоги С и ПО1, в отличие от ПО2, употребляются только для внутренней причины, т. е. у них совпадают ГСинт-актанты *I* причины *Y* и следствия *P* (*перепутать со страху / по [=ПО1] рассеянности vs. встретились по [=ПО2] счастливому стечению обстоятельств*); С и ПО1 различаются, в свою очередь, типом причины и следствия: у С *Y* — эмоциональное состояние, а у ПО1 — психическое свойство (*перепутать *по страху / *с рассеянностью*); у С,

в отличие от ПОИ, следствием не бывает физическое событие (*заболел *со страху / по собственной глупости*).

В рамках второй стратегии отразить указанные различия можно только следующим способом: одни и те же условия на выбор предлога С или ПОИ в качестве значения ЛФ **Propt** повторно выписываются для данного предлога в словарных статьях всех существительных, которые имеют эту ЛФ **Propt**. Так,

Propt(СТРАХ): С | 1) $M(L) = M(P)?$; 2) $P(X)$ = действие X-а или психическое событие с X-ом; 3) L не имеет зависимых

Propt(СКУКА): С | 1) $M(L) = M(P)$; 2) $P(X)$ = действие X-а или психическое событие с X-ом; 3) L не имеет зависимых

Propt (ДОСАДА): С | 1) $M(L) = M(P)$; 2) $P(X)$ = действие X-а или психическое событие с X-ом; 3) L не имеет зависимых

— и т. п.

Подобные повторения не только существенно повышают избыточность описания, но и исключают эксплицитное представление того факта, что все указанные условия суть свойства предлога С во всех данных употреблениях. Избегать повторений и одновременно сформулировать ценное обобщение можно лишь в рамках первой стратегии: соответствующий предлог рассматривается как отдельная лексема, которая снабжается полной словарной статьей; указанные условия фиксируются ровно один раз — в качестве компонентов толкования предлога и его синтаксических свойств.

Проблема экономного описания лексических функций и их значений в словаре привлекает в последнее время внимание исследователей; рассматриваются все три логически возможные направления обобщения ЛФ:

- Построение отдельных словарных статей для самих ЛЕКСИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ, где выбор выражения функции связывается со смыслом ее ключевого слова (ср. [Reuther 1994, 1995]).

- Построение отдельных словарных статей для лексем, выражающих родовые понятия для групп семантически однородных КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ; предполагается наследование ключевым словом выражений ЛФ от родового понятия (ср. [Mel'čuk, Wanner 1994]).

- Построение отдельных словарных статей для ЗНАЧЕНИЙ ЛФ (ср. [Alonso, in press]).

Настоящая работа примыкает именно к этому последнему направлению.

Заметим, что содержащиеся в толкованиях фразеологизованных предлогов семантические ограничения на Y, т. е. на ключевые слова для ЛФ **Adv,Real**₁ и **Propt**, строго говоря, избыточны для выбора предлога — при наличии условий к толкованиям ("| L = **Adv,Real**₁(Y)" и "| L = **Propt**(Y)"), которые допускают выбор предлога, только если он задан как значение соответствующей ЛФ в словарной статье ключевого слова. Тем не менее, эти ограничения представляют собой содержательные обобщения и, как таковые, могут оказаться полезными при дальнейшей работе над улучшением организации словаря.

Таким образом, мы считаем, что описание некоторой лексической единицы L как значения лексической функции само по себе не исключает необходимость создания для L отдельной словарной статьи. Напротив, наличие отдельных словарных описаний для лексико-функциональных лексем способствует большей компактности и системности словаря.

В заключение отметим, что описание русских причинных предлогов еще раз продемонстрировало необходимость более тонкой характеристики смысла всех ЛФ. Так, предлог ИЗ, выступающий как значение ЛФ **Adv,Real**₁, предполагает в качестве следствия $P(X)$ КОНТРОЛИРУЕМОЕ действие (**упал / *вспотел из страха*). Однако, по-видимому, эта особенность характерна для самой функции **Adv,Real**₁; можно предполагать, что ее подчиняющее слово всегда обозначает контролируемое действие. Впрочем, обсуждение смысла лексических функций и правил их выбора при лексикализации — это тема совсем другой работы.

Благодарности

Предварительная версия настоящей статьи была прочитана М. Я. Гловинской, Анной А. Зализняк, Л. Л. Иомдиным, Н. В. Перцовым и В. В. Туровским. Мы постарались учесть их замечания и соображения в меру наших возможностей и выражаем им нашу искреннюю признательность.

Монреаль — Плайя Тортугас (Коста-Рика) — Монреаль

Примечания

¹Важным случаем косвенной каузации является двойная (или даже тройная) каузация — с промежуточным каузатором-человеком: *шить себе платье у портного, построить себе дом, починить свою машину в соседнем гараже*; ср. эксплицитное выражение двойной каузации: англ. [*to have one's dress made*, фр. *se faire faire une robe*] и т. д.

²В семантической литературе встречается и другое понимание термина 'действие', а именно, действием называют только контролируемое действие; неконтролируемые действия относят к событиям (см. [Wierzbicka 1980; Падучева 1992]). Мы, однако, предпочитаем считать контролируемое отдельным независимым параметром на основании трех следующих соображений:

● Говорить о бессознательных действиях вполне естественно, однако выражения типа *¹Нажатие на тормоз — это такое событие ...* малоестественны.

● Контролируемость может относиться и к состояниям; так, 'молчать' или 'сидеть' суть контролируемые состояния (ср. [Булыгина 1982: 69]). В ряде языков даже имеется флексивная категория контролируемости, которая применяется к любым глаголам — как к глаголам действия, так и к глаголам состояния.

● Если включать контролируемость в толкование таких лексем, как, например, ПИЛИТЬ или ТАНЦЕВАТЬ, то в контекстах, где соответствующие действия являются бессознательными, т. е. неконтролируемыми (гипноз, опьянение), эти толкования должны меняться. Иначе говоря, в подобных случаях пришлось бы признать существование полисемии, хотя бы и регулярной, что представляется антиинтуитивным.

Нашему решению нисколько не препятствует существование действий/состояний, которые могут быть только контролируемыми (например, РАЗМЫШЛЯТЬ, СТОЯТЬ) или только неконтролируемыми (ПОСКОЛЬЗНУТЬСЯ, СПАТЬ).

³Для ряда носителей языка фразы типа *Этот бандит сумел купить билет только из-за знакомства с кассиршей* допустимы и означают нежелательность P(X) для говорящего. Для этических носителей указание иерархия не

имеет места. Остается открытым вопрос, релевантна ли данная иерархия для описания смыслов других русских лексем.

⁴Данный критерий введен на основании работ [Green 1969] и [Апресян 1974: 85].

⁵Отметим, что имеется ряд сочетаний с ПО, которые могут, на первый взгляд, показаться причинными, но на самом деле таковыми не являются. пример:

по случайности — это обстоятельство образа действия, а не причины ('случайно'; *Он оказался здесь по случайности* означает 'То, что он оказался здесь, ЕСТЬ случайность', а не ^{*}'Случайность скаузировала, что он оказался здесь');

[*ссориться*] *по пустякам* — это фразеологизованное выражение для аканта лексемы ССОРИТЬСЯ ['пустяки' — это объект ссоры; ср. невозможность употреблять *по пустякам* при глаголе в совершенном виде: ^{*}*поссорились по пустякам*];

[*Петр не получил денег*] *по вине [начальника]* значит 'Петр не получил денег, в чем виноват начальник', а не ^{*}'Вина начальника скаузировала то, что Петр не получил денег'.

⁶Если исходный смысл таков, что Y — "побуждающее" психологическое свойство, а P — контролируемое действие X-а, наряду с предлогом ПОИ может употребляться и более специфический предлог ИЗ: *Петр сделал это из трусости <по трусости>*. Однако в ряде случаев наблюдается семантически не объяснимое дополнительное распределение:

из упрямства ~ ^{*}*по упрямству*
из жадности ~ ^{*}*по жадности*

Это типичная ситуация, в которой естественно использовать лексические функции. В самом деле, ИЗ в подобных сочетаниях задается как значение лексической функции Adv_rReal_r(Y), а ПОИ — как значение Prop_r(Y).

⁷M(X) обозначает ГСинта I X-а. Данное условие выражает необходимость совпадения ГСинта I у ключевого слова и названия причины, т. е. внутренний характер причины.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1974 — АПРЕСЯН Ю. Д., *Лексическая семантика. Синонимические средства языка*. М.: Наука, 1974.
- Апресян 1990 — АПРЕСЯН Ю. Д., *Языковые аномалии: типы и функции*. — В кн.: Д. С. ЛИХАЧЕВ (ред.), *Res Philologica*. М. — Л.: Наука, 1990, с. 50 - 71.
- Булыгина 1982 — БУЛЫГИНА Т. В., *К построению типологии предикатов в русском языке*. — В кн.: О. Н. СЕЛИВЕРСТОВА (ред.), *Семантические типы предикатов*. М.: Наука, 1982, с. 7 - 85.
- Всеволодова, Яценко 1988 — ВСЕВОЛОДОВА М. В., ЯЦЕНКО Т., *Причинно-следственные отношения в современном русском языке*. М.: Русский язык, 1988.
- Зализняк Анна А. 1992 — ЗАЛИЗНЯК Анна А., *Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния*. München: Verlag Otto Sagner, 1992.
- Иомдин 1991 — ИОМДИН Л. Л., *Словарная статья предлога ПО*. — Семиотика и информатика, 1991, вып. 32, с. 94 - 120.
- Мельчук, Жолковский 1984 — МЕЛЬЧУК И. А., ЖОЛКОВСКИЙ А. К., *Толково-комбинаторный словарь русского языка*. Вена: Wiener Slawistischer Almanach [Sonderband 14], 1984.
- Падучева 1992 — ПАДУЧЕВА Е. В., *Таксономическая категория и формат толкования глагольной лексемы (о семантических типах каузальных связей)*. — В кн.: К. HAENELT, L. WANNER (Eds.), *International Workshop on the Meaning-Text Theory*. Schloß Birlinghoven: Gesellschaft für Mathematik und Datenverarbeitung [Arbeitspapiere der GMD 67], 1992, 163 - 172. См. также переработанный вариант этой статьи: ПАДУЧЕВА Е. В., *Типы каузальных отношений в семантической структуре лексемы*. — *Russian Linguistics*, 18:1, p. 1 - 16.
- Alonso, in press — ALONSO RAMOS, Margarita, *Coocurrencia léxica y descripción lexicográfica del verbo DAR: hacia un tratamiento de los verbos soportes*.
- Green 1969 — GREEN, Georgia, *On the Notion 'Related Lexical Entry'*. — In: *Papers from the Fifth Regional Meeting, Chicago Linguistic Society*. 1969, p. 76 - 78.
- Iordanskaja, Mel'čuk 1995 - IORDANSKAJA, Lidija, and Igor MEL'ČUK, **Glaza Maši golubyc vs. Glaza u Maši golubyc: Choosing between Two Russian Constructions in the Domain of Body Parts*. — In: H. BIRNBAUM, Michael S. FLIER (Eds.), *The Language and Verse of Russia: In Honor of Dean S. Worth on his Sixty-Fifth*

Birthday [= UCLA Slavic Studies, new series, v. 2]. Moscow: Vostočnaja literatura Publishers, 1995, p. 147 - 171.

Mel'čuk et al. 1984 — MEL'ČUK, Igor (avec N. ARBATCHEWSKY-JUMARIE, L. ELNITSKY, L. IORDANSKAJA et A. LESSARD), *Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexico-sémantiques*. I. Montréal: Les Presses de l'Université de Montréal, 1984.

Mel'čuk et al. 1988 — MEL'ČUK, Igor (avec N. ARBATCHEWSKY-JUMARIE, L. DAGENAIS, L. ELNITSKY, L. IORDANSKAJA, M.-N. LEFEBVRE et S. MANTHA), *Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexico-sémantiques*. II. Montréal: Les Presses de l'Université de Montréal, 1988.

Mel'čuk et al. 1992 — MEL'ČUK, Igor (avec N. ARBATCHEWSKY-JUMARIE, L. IORDANSKAJA et S. MANTHA), *Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexico-sémantiques*. III. Montréal: Les Presses de l'Université de Montréal, 1992.

Mel'čuk, Wanner 1994 — MEL'ČUK, Igor, & Leo WANNER, *Lexical Co-occurrence and Lexical Inheritance. Emotion Lexemes in German: a Lexicographic Case Study*. — *Lexicos*, 4, 1994, p. 86 - 161.

Reuther 1994 — REUTHER, Tilmann, *Funktionsverben in einem erklärend-kombinatorischen Wörterbuch: Möglichkeiten der Generalisierung (mit russischen und deutschen Beispielen)*. — In: H. R. MEHLIG (Ed.), *Slawistische Linguistik 1993*, München: Verlag Otto Sagner [Slawistische Beiträge, Band 319], 1994, p. 279 - 291.

Reuther 1995 — REUTHER, Tilmann, *On Dictionary Entries for Support Verbs: The Cases of Russian VESTI, PROVODIT' and PROIZVODIT'*. — In: L. WANNER (Ed.), *Lexical Functions in Lexicography and Natural Language Processing*. Amsterdam—Philadelphia: Benjamins [in press].

Wierzbicka 1980 - WIERZBICKA, Anna, *Lingua mentalis*. Sydney e. a.: Academic Press, 1980.

Tatiana KORELSKY* and Richard KITTREDGE**

О СТРАТИФИКАЦИИ РИТОРИЧЕСКИХ СТРУКТУР

Татьяна КОРЕЛЬСКАЯ, Ричард КИТТРЕДЖ

1. Introduction for the Festschrift by Tatiana Korelsky

A long time ago, when I had the honor of working with Elena Victorovna, she liked to write her papers and give her presentations in the form of clever and unexpected solutions to some known and puzzling problems. I remembered this when, in 1993, Dr. Kittredge and I decided to write a little note suggesting a possible solution to a puzzling problem posed by Johanna Moore and Martha Pollack of the University of Pittsburgh in the "Squibs" section of the journal Computational Linguistics [Moore 1992]. We presented our 3-page note at the ACL Workshop on Intentionality in Discourse, in Columbus, Ohio [Korelsky 1993]. For the present collection we have expanded the presentation of our 1993 research note for the Russian reader, making only a few additions to the content, but adding quotations from source material that might not be widely available. Unfortunately, we have not carried the research as far as we had hoped (mostly for lack of time), so what follows is still very much a research proposal. We hope, however, that this paper will serve to expose Russian computational linguists to one current problem in theoretical text generation and stimulate further interest in this research direction.

2. Background

We start with some brief background information under the assumption that some Russian readers may not be familiar with the two domains we deal with in this paper: Rhetorical Structure Theory and goal-based text generation.

* CoGenTex, Inc., Ithaca, NY 14850, U.S.A.

** Université de Montréal, Montréal, Canada H3C 3J7.

2.1 A Brief Introduction to RST

Rhetorical Structure Theory (RST) [Mann 1987] is a descriptive theory of text structure. At the heart of the theory is the notion of *rhetorical relation*, a relation which holds between adjacent segments (spans) of text. In most cases, the relation is a binary relation between spans identified as the *nucleus* and the *satellite*. Texts consisting of one or more sentences are analyzed in terms of immediate constituents linked by rhetorical relations. A tree structure is used to show how each text is recursively subdivided into constituent spans down to the granularity of simple propositions (the leaves of the tree). The terms nucleus and satellite for related spans reflect the fact that most relations are asymmetric¹. For example, in (1) and (2) below, if text span S (the satellite) provides **Motivation** for text span N (the nucleus), then N cannot motivate S²:

(1a) *Replace plugs one at a time* (N),(1b) *so you don't get the wires mixed up.* (S)(2a) *Come home by 5:00.* (N)(2b) *Then we can go to the hardware store before it closes.* (S)

Furthermore, the satellite (the motivation) will not be comprehensible without the nucleus (that which is being motivated), while the reverse is not true. In fact, in most cases, the satellite can be omitted without impairing the comprehensibility of the text. In this sense, the satellite can be said to "depend on" the nucleus. (RST analyses are often accompanied by diagrams in which each satellite is connected to its corresponding nucleus by an arrow pointing from satellite to nucleus.)

The definition of a rhetorical relation consists of four parts: three constraints and an Effect. For a particular relation to hold between two text spans they must meet constraints on the nucleus, on the satellite, and on their combination. When these constraints are met, the relation holds between the text spans and a rhetorical Effect particular

¹Rhetorical relations may also be bi-nuclear or multi-nuclear (i. e., having no satellite), as when a temporal or other **Sequence** is being described. (In the latter case, the relation will be *n*-ary instead of binary). For the purposes of this paper we consider only binary mono-nuclear relations, the predominant case.

²Example 1 is taken from [Rösner 1992]. Example 2 is from [Moore 1992].

to the relation is achieved. The Effect is always a change in the reader's beliefs, desires or intentions; achieving this Effect is supposedly why the writer chose the particular rhetorical relation at that point in the text. Mann and Thompson identify about two dozen rhetorical relations found in English texts, and distinguish two types, *subject matter* and *presentational relations*:

"Subject matter relations are those whose intended effect is that the reader *recognize* the relation in question; presentational relations are those whose intended effect is to *increase some inclination* in the reader, such as the desire to act or degree of positive regard for, belief in, or acceptance of the nucleus." [Mann 1987: 18]

In the case of subject matter relations, the effect is always the same: namely that the reader recognizes a fact about the domain (subject matter) that is stated separately as a constraint (typically, as a constraint on the nucleus/satellite combination). For instance, in the case of the **Purpose** relation [Mann 1987: 63], the nucleus must present an activity and the satellite a situation which is "to be realized through the activity" of the nucleus; put differently, the state of the satellite must be the purpose of the activity of the nucleus. If these constraints are met, the effect of the relation is simply to make the reader recognize that such a relation of purpose exists.

2.2 The Use of RST for Text Planning

Over the past several years, RST has been applied to the problem of text planning by a growing number of researchers in the field of text generation. The pioneer in RST-based text planning was Eduard Hovy, who built a text "structurer" [Hovy 1988] in which rhetorical relations are interpreted as plan operators in a goal-oriented planning paradigm (cf. [Appelt 1985]):

"... The nucleus and satellite constraints become requirements that must be met by any piece of text before it can be used in the relation (i.e., before it can be coherently juxtaposed with the preceding text). The effect field contains a description of the intended effect of the relation (i.e., the goal that the plan achieves, if properly executed). Since the goals in generation are communicative, the intended effect must be seen as the inferences that the speaker is licensed to make about the hearer's knowledge after the successful completion of the relation." [Hovy 1988]

Top-down text planning with rhetorical operators has proved to be particularly useful in generating dialogs, where the communicative intention of each utterance must be monitored closely in order to re-plan unsuccessful utterances (e. g., explanations of an expert system which have not been understood). Hovy's planner was first used for explanation generation in an advanced system of advisory dialogs built by Johanna Moore and Cecile Paris [Moore 1989]. Most recently, rhetorical text planning has been used in experimental systems for generating instructions in technical domains (e. g., [Rösner 1992]).

3. A Puzzle for RST: Simultaneous Analyses

Since the beginnings of RST, a number of authors have noted that there can exist two valid RST analyses for a given text segment. Mann and Thompson themselves discussed multiple analyses in RST [Mann 1987: 26 - 30].

"Sometimes there is a pair of spans in a text for which the analyst recognizes that more than one relation definition holds, i. e., that analyst affirms the defining conditions of more than one relation." [Mann 1987: 28]

The puzzling case is not ambiguity (where the text can be interpreted in two or more incompatible ways), but rather the case of simultaneous analyses which are compatible with each other. Mann and Thompson write [Mann 1987: 30]:

"Imagine, for example, that a satellite provides evidence for a particular proposition expressed in its nucleus, and happens to do so by citing an attribute of some element expressed in the nucleus. Then, aside from the Effect conditions, the conditions for both **Evidence** and **Elaboration** are fulfilled."

Mann and Thompson go on to draw an incorrect parallel, we believe, between this phenomenon of simultaneous compatible analyses and the case of real ambiguity in natural language, insisting that the analyst should choose only one of the simultaneous analyses, depending on which intent of the speaker is considered primary. This insistence on a unique, unambiguous "parse" in terms of RST relations was probably motivated by Mann and Thompson's view of RST as an instrument for a descriptive analysis of text [ibid.]:

"If the analyst sees the writer's intent as increasing the hearer's belief in the nucleus proposition, and not as getting the reader to recognize the object: attribute relationship, then the only analysis is the one with the **Evidence** relation."

Here we would like to point out that in Mann and Thompson's example above (as in the majority of observed cases of dual compatible analyses) one analysis uses a presentational relation (**Evidence**) and another uses a subject matter relation (**Elaboration**).

The work on using RST for planning text has uncovered a substantial number of dual analyses similar to the one discussed by Mann and Thompson and given rise to new insights into the general nature of presentational and subject matter rhetorical relations.

In 1992, in the "Squibs" section of Computational Linguistics, Johanna Moore and Martha Pollack gave a systematic and convincing analysis of RST relations in terms of *intentional* versus *informational* levels of discourse [Moore 1992]. (The informational level of discourse deals with objective relations such as cause and effect between consecutive elements of coherent discourse; the intentional level deals with relations that are subjective in the sense that they involve the mental states of the discourse participants). According to their analysis, presentational RST relations correspond to the intentional level of discourse and subject matter relations to the informational level. Since every purposeful text has some intentional content, for each text there should always exist two RST analyses: one containing only presentational (intentional) relations and the other containing only subject matter (informational) relations.

Moore and Pollack disagree with Mann and Thompson's view stated above, i.e., that it is up to the analyst to decide which analysis is more important. In their opinion (which we share), if two analyses are possible, the presentational (intentional) analysis will be always chosen as correct (or dominant) since it describes the changes in the hearer's system of beliefs, i.e. provides deeper insights into discourse goals. This argument led them to the further conclusion that the two analyses — intentional and informational — should not compete; instead, in a more systemic fashion, "a complete model of discourse structure must maintain both levels of relation".³

³Henceforth we use Moore and Pollack's terminology (*intentional, informational*), instead of Mann and Thompson's (*subject-matter, presentational*).

Interestingly enough, computational linguists, who base their systems on the systemic approach to language description (e. g., [Halliday 1985]) have seen nothing extraordinary in the existence of both intentional and informational parses for some texts. Dietmar Rösner and Manfred Stede [Rösner 1992] have related the informational and intentional relation types to the systemic ideational and inter-personal meta-functions. In the systemic theory the features of different meta-functions "peacefully coexist" in the linguistic specification, so the simultaneous presence of two analyses has not been much of an issue. In [Rösner 1992], however, the authors merely mention the coexistence of two analyses and do not explain how they are or could be used in their text generation system.

For Moore and Pollack, however, the parallel existence of the two analyses presents a serious problem because it is not clear how to relate these analyses within their RST-based text planner. If the planner plans the text in terms of (deeper) intentional relations, and, if it also needs to take into account the parallel informational relations (which govern the choice of such lexical markers as "if", "otherwise", etc.), then the system should be able to compute the corresponding informational relation from the intentional one. They claim that this is not possible because "there is not a one-to-one mapping between intentional and informational relations" [Moore 1992].

To see that one intentional relation (e. g., **Motivation**) can be mapped to more than one informational relation, consider again examples (1) and (2) above. In (1) Rösner and Stede point out that there is a co-existing analysis in terms of an **Otherwise** relation between (1a) and (1b). Likewise in (2) Moore and Pollack point out that, in addition to **Motivation**, the spans (2a) and (2b) are linked by a **Condition** relation (marked by the surface connective *then*).

To see that two (or more) intentional relations can be mapped to one and the same informational relation, consider example text (3):

(3a) *If you send your reservation form to this address by March 31, (S)*

(3b) *you will assure you don't miss out on this fall's concert series. (N)*

The proposition contained in (3a) can be taken as **Enablement** for the proposition in (3b) on the intentional level. But (3a) can also be analyzed as a **Condition** for (3b). Comparison of examples (2) and (3) shows that the same informational relation **Condition** can (in different contexts) be associated with two distinct intentional relations.

In the remaining part of this paper we argue that the observed absence of one-to-one mapping between intentional and informational levels of representation of discourse should not be seen as a problem, but on the contrary is a normal manifestation of the deep redundancy of natural language. The observed phenomenon of many-to-many mapping between the intentional and informational level is quite similar to the known phenomenon of many-to-many mappings between syntax and semantics. We suggest a way these two levels might be organized into a stratified structure (and not just somehow coexist without being correlated) and sketch some mapping rules. Our discussion here has a very narrow focus and does not attempt to answer many of the important questions that need to be addressed. One such question, for example, is whether the RST collection of intentional relations is exhaustive and adequate for describing all possible intentional structures in discourse.

4. A Stratificational Solution

Moore and Pollack argue for co-existence of intentional and informational analyses, but they do not attempt to describe the relationship between them. In addition to showing that there is no one-to-one mapping between intentional and informational relations, they note that simultaneous intentional and informational analyses may have different structures (e.g., the co-existing intentional and informational relations may have opposite directions of dependency, [Moore 1992: 542 - 543]). Their conclusion is that there is no obvious way to relate these two levels.

4.1 Analogy with "Meaning" vs. "Means" in a stratificational approach

In a stratificational descriptive model of language (as is in Meaning-Text theory (MTT), for example [Mel'cuk 1981]) when there are two (or more) alternative analyses of text which intuitively belong to distinct levels of representation, one should ask whether one of them can be seen as *a means* of expressing the other. On the sentence level, such a stratificational framework requires that semantic, syntactic and morphological levels of representation be given exact definitions and that precise mapping rules between the adjacent levels be constructed.

From the stratificational viewpoint, the intentional vs. informational dichotomy observed by Moore and Pollack appears quite natural. An analogy can be seen with the relationship between the semantic

and (deep) syntactic levels in MTT: semantic relations are in a many-to-many correspondence with (deep) syntactic relations. A good example of a syntactic construction that is able to express various semantic relations is the noun compound construction in English (e. g., *stone wall* vs. *tea cup*). Moreover, there is no isomorphism or even preservation of structure between a semantic graph and a (deep) syntactic dependency tree which expresses it. For example, on the semantic level, an adverb such as often is typically analyzed as a predicate whose argument (i. e., dependent) is the remaining sentence graph. On the (deep) syntactic level, the same adverb is a dependent of the main verb. Thus the direction of dependency can easily change as one passes from semantics to syntax.

Following this analogy, we propose to consider the informational level of discourse as a means of expressing the intentional level. Intuitively, this seems quite plausible because informing the hearer about informational relations between discourse elements can hardly be considered a self-sufficient goal. Moore and Pollack stress that the intentional level is the primary one since it describes the speaker's strategy to achieve her intentional goal. Mann and Thompson also implicitly suggest the same thing when they say (in discussing an example [op. cit.: p. 30]) that "... the satellite provides evidence, and *happens to do so by* citing an attribute" (our emphasis).

In keeping with a stratificational methodology, to give substance to a claim of separate strata, one must produce a system of rules that describe the correspondence between the relations of the "meaning" level and the relations of the "means" level. Each "meaning" relation can map to many "means" relations (or combinations of such relations) and vice versa, one and the same "means" relation can appear in more than one mapping rule. Each rule describes the contextual conditions for its application in enough detail to justify the distinction between various "means", if such exist.

At the moment, we can give only a few examples of such mapping rules, one of which we present below. Nevertheless, we present this very preliminary analysis for purposes of discussion, in the belief that work in discourse representation is crucial for text generation theory and applications.

A stratificational view has significant implications for the representation of RST relations. One of these is to eliminate linear order from the description of intentional RST relations. Note that in RST a given intentional relation may hold between two text segments appearing in either order provided that appropriate discourse connectives are used. In our view, linear order and, correspondingly, discourse con-

nectives have an obvious "means" nature and should therefore appear only on the informational level. Abstract intentional relations express only the dependencies between propositions, not the lexical or "syntactic" artifacts associated with the means of their expression.

4.2 Treatment of One-to-Many Mapping

The following example, taken from Moore and Pollack, shows a one-to-many mapping from an intentional relation to various informational relations. The adequate treatment of this phenomenon has serious implications for the text generation paradigm because correct identification of informational relations allows correct choice of corresponding logical connectives such as *otherwise, therefore, so, ...*, etc.

- (4a) *George Bush supports big business.* (S)
 (4b) *<Therefore,> He's sure to veto House Bill 1711.* (N)

In Moore and Pollack's analysis, (4a) and (4b) are connected by the intentional relation **Evidence**. In particular, satellite (4a) is given as **Evidence** to increase the hearer's belief in nucleus (4b). The hearer is assumed to believe (4a) or find it credible.

Moore and Pollack show that the same example admits an analysis on the informational level in terms of the **Volitional Cause** relation. In our terms, this would mean that the intentional relation **Evidence** can be realized by the informational relation **Volitional Cause** under certain conditions. If there are other informational relations that are capable of realizing the same intentional relation, these conditions should clearly identify the application context for each informational relation.

Another informational relation capable of realizing **Evidence** is **Non-Volitional Cause**, as shown in text (5a - 5b):

- (5a) *Winters in Montreal are so cold.* (S)
 (5b) *<Therefore,> I need a fur coat (faux, of course).* (N)

To increase the hearer's belief in nucleus (5b), the speaker uses satellite (5a) as **Evidence**. On the informational level these two propositions are connected by a **Non-Volitional Cause** relation.

Another example of an informational relation realizing **Evidence** comes from Mann and Thompson, who admit that some texts can be given analyses in terms of both **Evidence** and **Elaboration** [Mann 1987]. Consider a modification of (4a - 4b) above:

- (6a) *George Bush definitely supports big business.*
 (6b) *<Look,> He just vetoed House Bill 1711.*

Here, (6a) is nucleus and (6b) is satellite, given as **Evidence** to increase the hearer's belief in (6a). On the informational level these two propositions can be seen as connected by **Elaboration**, where (6b) is a concrete instance of a more general proposition (6a). In contrast, in both examples 4 and 5 the satellite (4a,5a) is a general proposition. We offer the following sketch of an Intentional-to-Informational mapping rule covering such cases:

If the intentional relation Evidence holds between two propositions P1 and P2, (where P1 is the satellite and P2 is the nucleus)

then,

[case 1:]

if P1 is a general proposition

(i.e. the equivalent of a common sense "law" is given as **Evidence**), and P2 is a concrete proposition which is true in some subset of cases when P1 is true,

then

if P1 and P2 share a common intelligent agent, then the **Volitional Cause** informational relation can hold between P1 and P2,

(where P1 is satellite and P2 is nucleus)

else (if there is no intelligent common agent in P1 and P2 as described above),

then the **Non-Volitional Cause** informational relation can hold, (where P1 is satellite and P2 is nucleus);

[case 2:]

if P2 is a general proposition and P1 is a concrete proposition (but where P1 is still taken as evidence for P2, as above)

then the **Elaboration** information relation can hold between P1 and P2, (where P1 is satellite and P2 is nucleus).

Note that the **Evidence** relation does not itself impose a surface order on the propositions P1 and P2. P1 (which is evidence for P2) pre-

cedes P2 in examples (4) and (5) above, but follows P2 in example (6). We take the view that the choice of informational relation entails a later restriction on surface order of satellite with respect to nucleus when the informational relation is given further syntactic and lexical realization. For example, **Non-Volitional Cause** and **Volitional Cause** informational relations typically require ordering satellite before nucleus (with appropriate connective), whereas the choice of the **Elaboration** information relation will subsequently force ordering nucleus before satellite. The basic idea is to make the intentional-to-informational mappings themselves completely independent of order, and let the further realizations of the informational-to-surface mappings be responsible for introducing order as well as lexical choice of connective (if any). There may, however, be some well-formedness restrictions on P1 and P2, which must be stated at the level of the intentional relation (here, Evidence).

4.3 Treatment of Many-to-One Mapping

Moore and Pollack use example (2) above (repeated as (7) below) to argue that one and the same informational relation can be used to realize several intentional relations simultaneously present in the text. In section 3 we have already distinguished between (i) the notion that one and the same informational relation can be used to realize different intentional relations, and (ii) the notion that some texts can have more than one intentional analysis, i. e. be intentionally ambiguous. In a potentially confusing argument, Moore and Pollack, however, use an intentionally ambiguous example to illustrate the former notion. Namely, they consider an example of text spans which are in the **Condition** relation on the informational level and, depending on the reading, either in the **Enablement** or **Motivation** relation on the intentional level.⁴

⁴Of course, from the text generation viewpoint, this is exactly the case where the existence of a many-to-one mapping might cause trouble, i.e., where a non-intended meaning could be introduced into the generated text. A similar situation occurs when a polysemous word is chosen to express a meaning that is not disambiguated by local context, as in *We are finally going to have a real spring!*

Informational level: **Condition**

(7a) *Come home by 5:00.* (S)

(7b) *Then we can go to the hardware store before it closes.* (N)

First reading (**Condition/Enablement**): the speaker is interested in increasing the hearer's ability to perform the action described in (7b).

Intentional level: **Enablement**

(7a) *Come home by 5:00.* (S)

(7b) *Then we can go to the hardware store before it closes.* (N)

Second reading (**Condition/Motivation**): the speaker just wants to motivate the hearer to do (7a).

Intentional level: **Motivation**

(7a) *Come home by 5:00.* (N)

(7b) *Then we can go to the hardware store before it closes.* (S)

We disagree with Moore and Pollack's analysis of this example for several reasons.⁵

First, considered from the point of view of text generation, the intentional ambiguity is not a problem. A text generation system just should not produce intentionally ambiguous text spans. This can be achieved by careful formulation of intentional/informational mapping rules, as well as by consideration of discourse context or of other aspects of language that are related to speech acts such as imperative form, so as not to add intentional readings to the message that were not meant to be there in the first place.

Returning to example (7) above, we believe that it is hard to perceive the rhetorical relation as **Enablement**, perhaps because (7a) uses the imperative form. The imperative signals the speaker's desire that the hearer perform an action. This typically prejudices the analysis towards one which supports a **Motivational** intention. If the speaker (or

⁵Apparently, Moore and Pollack do not think that the speaker can really want to go to the hardware store because in their paper they suggest that the speaker may be using this motivation as a pretext and in reality, say, a surprise party is planned. In our opinion, it makes no difference for the analysis.

computer system) wants to unambiguously convey an **Enablement** intention in accordance with its RST definition, he or she (or it) should use the neutral declarative form.⁶

(8) *Your coming home by 5:00 would allow us to go to the hardware store before it closes.*

Incidentally, in their analysis of the very similar example (1) above (repeated below as (9)), which uses imperative, Rösner and Stede mention only the **Motivation** intention but not **Enablement**.

- (9a) *Replace plugs one at a time* (N),
 (9b) *so you don't get the wires mixed up.* (S)

To express Enablement, example (9) should be rephrased roughly as follows:

(10) *If plugs are replaced one at a time, one can avoid mixing up the wires.*

These examples, however, nicely illustrate both the many-to-one phenomenon: that **Condition** can realize either **Enablement** or **Motivation**, as well as the reversal of the relation direction. On the intentional level there is just a direction of dependency of satellite on nucleus. (Recall that there is no correlation with left/right directional ordering on the intentional level.) The directionality of the dependency relation is preserved in the **Enablement/Condition** pair, and is reversed in the **Motivation/Condition** pair. In the words of Moore and Pollack (adjusted for our numbering),

"At the informational level, utterance [7b] is the nucleus of the Condition relation, and, similarly it is the nucleus of the Enablement relation on the first reading. However, on the second reading, it is utterance [7a] that is the nucleus of the Motivation relation."

As noted above in the case of co-existing syntactic and semantic analyses, dependency reversal is not surprising when one maps between distinct levels of description.

⁶The interplay between intentions and the use of linguistic devices linked to speech acts (such as the imperative form) is a complex issue needing more study.

5. Open questions for further work

In this paper, we have touched upon only a few of the many areas that still wait to be investigated in the domain of rhetorical relations. Below we will list just a few areas that, in our opinion, need substantial research to continue the direction we have tried to outline in this paper:

— The completeness and adequacy of RST's collection of intentional relations for expressing all possible (typical) intentions should be investigated. The first attempt to compare various proposed collections of rhetorical relations was made by Hovy in [Hovy 1990]; however, this direction needs much more research and insight;

— All known intentional and informational relations should be analyzed according to stratificational methodology, and a system of more precise intentional/informational mapping rules written;

— Correlations between the use of speech acts and the interpretation of intentional relations need to be investigated so that constraints on their co-occurrence can be used in text planning;

— Subtle differences in intentional meaning between intentional relations that are known to be linked in some way (such as **Motivation** and **Enablement**) should be analyzed and described in a precise way and their definitions adjusted accordingly;

— Correlations should be sought between the level of expertise of the intended reader and the pattern of rhetorical relations used in well-written text. There is some evidence that a writer might use different intentional relations in text intended for a domain expert than in text for a novice, even when the overall communication goal is the same. For example, an expert may not need to be motivated to do or believe something whereas a novice might need such motivation. In such cases, using an **Enablement** relation in text intended for an expert might be more appropriate than using a **Motivation** relation;

— Multilingual comparisons of intentional and informational rhetorical relations should be performed which will give more insight into their intentional meanings and informational realizations. If such research exists for the Russian language (and other East European and the former Soviet Union languages) it should be brought to the attention of researchers in the West.

LITERATURE

- Appelt 1985 — APPELT, D. (1985), *Planning English Sentences*. Cambridge University Press, 1985.
- Halliday 1985 — HALLIDAY, M. A. K., *An Introduction to Functional Grammar*. Edward Arnold, 1985.
- Hovy 1988 — HOVY, E., *Planning Coherent Multisentential Text*. — In: *Proc. of the 26th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*. 1988, p. 163 - 169.
- Hovy 1990 — HOVY, E., *Parsimonious and profligate approaches to the question of discourse structure relations*. — In: *Proc. of the Fifth International Workshop on Natural Language Generation*. Dawson, PA, p. 128 - 136.
- Kittredge 1991 — KITTREDGE, R., T. KORELSKY and O. RAMBOW, *On the Need for Domain Communication Knowledge*. — *Computational Intelligence*, 1991, 7(4), p. 305 - 314.
- Korelsky 1993 — KORELSKY, T. and R. KITTREDGE, *Towards Stratification of RST*. — In: *Proc. of the ACL Workshop on Intentionality and Structure in Discourse Relations*. Columbus (OH), 1993, p. 52 - 55.
- Mann 1987 — MANN, W., and S. THOMPSON, *Rhetorical Structure Theory: A Theory of Text Organization*. Technical Report No. ISI/RS-87-190, University of Southern California, Information Sciences Institute, 1987.
- McKeown 1985 — MCKEOWN, K., *Text Generation*. Cambridge University Press, 1985.
- Mel'cuk 1981 — MEL'CUK, I., *Meaning-Text Models*. — *Annual Review of Anthropology*, 1981, vol. 10, p. 27 - 62.
- Mel'cuk 1988 — MEL'CUK, I., *Dependency Syntax: Theory and Practice*. State University of New York Press, 1988.
- Moore 1989 — MOORE, J. and C. PARIS, *Planning Text for Advisory Dialogues*. — In: *Proc. of the 27th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*. Vancouver, BC, 1989, p. 203 - 211.
- Moore 92 — MOORE, J. and M. POLLACK, *A Problem for RST: The Need for Multi-Level Discourse Analysis*. — *Computational Linguistics*, vol. 18, no. 4, p. 537 - 544.
- Rösner 1992 — RÖSNER, D. and STEDE, M., *Customizing RST for the Automatic Production of Technical Manuals*. — In: R. DALE, E. HOVY, D. RÖSNER and O. STOCK (Eds.), *Aspects of Automated Natural Language Generation*. Springer-Verlag, 1992, p. 199 - 214.

СОВЕТСКИЙ АНТИСОВЕТСКИЙ ЮМОР. О ДОВЛАТОВЕ

М. А. КРОНГАУЗ
(Москва)

SOVIET ANTI-SOVIET HUMOR: DOVLATOV

М. А. KRONHAUS
(Moscow)

Елене Викторовне Падучевой
с неизменным восхищением

- Толя, — зову я Наймана, — пойдемте в гости к Лева Друскину.
- Не пойду, — говорит, — какой-то он советский.
- То есть, как это советский? Вы ошибаетесь!
- Ну, антисоветский. Какая разница.

С. Довлатов, «Записные книжки»

Социализм как источник юмора

Поэт в России больше, чем поэт, — заметил поэт. Что верно для поэта, верно, по-видимому, и для многого другого: x в России вообще, как правило, больше, чем x . Например, когда $x = \text{юмор}$.

Так, во всяком случае, обстояло дело в недавнюю советскую эпоху. Для граждан СССР юмор оставался одним из немногих средств если не противодействия советской власти, то хотя бы противопоставления себя ей. Кроме того, в таких жанрах, как анекдот (фактически — современный фольклор) и авторская песня, юмор почти не подвергался цензуре, так что свобода юмористического самовыражения была достаточно полной — не существовало запретов ни на выбор темы, ни на выражение различных мнений, ни даже на способ их выражения.

В определенном смысле юмор (речь, конечно, не идет об официальном развлекательном юморе) компенсировал отсутствие всевозможных свобод. Так, три наиболее важных и частых типа анекдо-

тов: политический, национальный и сексуальный, — были своего рода сублимацией соответствующих общественных явлений. Сегодняшний расцвет политических партий, национальных движений и эротики (как общественного явления) естественным образом сказался на количестве и качестве анекдотов.

В Советском Союзе сформировался особый тип юмора, который по сути является антисоветским. В его основе лежит ирония, насмешка над советским вообще, в том числе над советским человеком и над неадекватностью его поведения. Такой юмор строится на явлении, которое можно было бы, перифразируя Маркса, назвать "идиотизмом советской жизни". Поскольку обычно советский человек был и субъектом (например, автором или рассказчиком анекдотов) и объектом юмора, можно сказать, что русский антисоветский юмор — это взгляд на себя со стороны и насмешка над самим собой.

Он, как правило, рассчитан на особое восприятие, а именно ориентирован на многоуровневость сознания слушателя или читателя и на его способность к рефлексии по этому поводу, т. е. способностью путешествовать по разным уровням и даже одновременно пребывать на нескольких из них. Кажется, что именно этот психологический феномен и был назван в романе Дж. Оруэлла «1984» двоемыслием. Иначе говоря, адресатом этого юмора мог быть прежде всего советский человек. Советский юмор часто не до конца понятен иностранцам и, что еще важнее, уже далеко не всегда близок более молодому поколению граждан России.

Раздвоенность (или разномысленность) сознания соответствует раздвоенности жизни, ее распаду на, условно говоря, личную и общественную (советскую).

Эта статья развивает идеи, высказанные в работе [Кронгауз 1994], где, в частности, рассматривается противопоставление обыденного и ритуального (советского) поведения, соответствующих жизненных сфер, уровней сознания и даже форм языка. Именно взаимодействие обыденного и ритуального, рассматриваемое с разных точек зрения (с обыденной, с советской или с обеих одновременно), и может порождать особый юмористический эффект.

Ритуальное поведение всегда не слишком естественно с обыденной точки зрения, в определенных же ситуациях кажется просто абсурдным. Однако неадекватность поведения (т. е. нарушение обыденных норм) и абсурдность советской действительности не случайны и не хаотичны, а подчиняются достаточно строгим нормам "советского образа жизни" (хотя некоторые нормы могут и не иметь эксплицитного выражения).

Антисоветский юмор, в частности, вскрывал и высмеивал эти нормы. Роль юмора de facto признавалась и советской властью, зашедшей политические (само это понятие трактовалось чрезвычайно широко) анекдоты и вообще возмездий политический юмор в ранг антисоветской пропаганды, т. е. политического преступления.

Сложные отношения юмора и власти могут показаться удивительными, если принять во внимание культ оптимизма и жизнелюбивости, существовавший в Советском Союзе. Однако...

У нас была прекрасная эпоха?

Для ритуалов тоталитарных обществ всегда характерны серьезность, торжественность и запрограммированность (или подготовленность и предсказуемость). Юмор, направленный против ритуала, ироническое отношение к ритуалу не только считаются нежелательными в процессе ритуала, но и фактически уничтожают его.

Вместе с тем советские ритуалы и мифы выделяются определенными особенностями, в первую очередь — неизбывным оптимизмом (насколько мне известно, впервые это отчетливо сформулировал Ю. Карабчиевский).

Сущность советского образа жизни выражается, в частности, маяковским "Жизнь прекрасна и удивительна" и сталинским "Жить стало лучше, жить стало веселее". Радость и оптимизм насаждались в СССР (и некоторых социалистических странах) в обязательном порядке. Советское общество — это официально и строго обязательно "счастливое" общество, советский человек — это обязательно "счастливый" и "радостный" человек. Однако поскольку эта радость носила обязательный и часто именно ритуальный характер, то тем самым она превращалась в фикцию. Незабвенное и неотвратимое ритуальное счастье не могло полностью заменить настоящее. Часто отсутствие поводов для радости в сегодняшнем дне подменялось радостью дня завтрашнего — счастливым, хоть и никогда не наступающим, будущим. Советский народ жил по принципу "сегодня прощаемся (преодолеем временные трудности), а завтра будем счастливы" — и так каждый день. Впрочем и "советское сегодня" не могло не быть радостным.

Среди социалистических ритуалов преобладали официально "веселые" ритуалы, прежде всего такие государственные праздники, как Первое мая или Седьмое ноября. Более того, почти все дни советского календаря считались праздничными, что вполне естественно с точки зрения "счастливого" ритуального общества. Практически за каждой календарной датой закреплялась какая-нибудь про-

фессия, и эта дата объявлялась днем ежегодного праздника данной профессии. Отсюда пошли бесконечные Дни шахтера, пограничника, физкультурника, работника легкой промышленности и вечно длящийся социалистический праздник, может быть, самый главный ритуал советского общества.

Естественно, что такая "веселость" не отменяла серьезности и запрограммированности ритуала. В нем точно так же не поощрялся несанкционированный юмор, различного рода импровизация, ирония в любом ее проявлении, в частности, по отношению к празднику или, вообще, к социалистическому образу жизни и советским ритуалам. Более того, "веселые" ритуалы должны были быть подготовлены и продуманы еще лучше, чем прочие, отклонения в них не допускались, потому что в веселье скрывалась определенная опасность, точнее угроза для самого существования ритуала.

Одательно следует сказать о "советских" текстах. Имеет смысл различать две функции текста, связанные с ритуалом. Во-первых, собственно ритуальная функция — использование текста в рамках различных мероприятий (речи, выступления, реплики и т. д.), во-вторых, метафункция, или мифопорождающая функция — создание особой советской реальности, представление жизни как ритуала (соцреалистические произведения, газетные и телевизионные репортажи, материалы съездов и т. д.).

Многие советские тексты выполняли одновременно обе эти функции. Ритуальные тексты обычно все же были посвящены какому-то событию, причем представляли их с советской точки зрения (например, речь на съезде партии о внешней и внутренней политике), а мифопорождающие тексты, обычно служили частью или даже основой нового ритуала. Например, советские газеты естественно рассматривать как ритуал, на основе газетных статей делались ритуальные политинформации, обязательным для многих стало ритуальное изучение главного мифа страны — «Краткого курса истории КПС», в торжественный ритуал превратилось обсуждение мифических художественных произведений Л. И. Брежнева и т. д.

На протяжении развития советского общества разрыв между реальностью и советским текстом, ее описывающим, увеличился и закрепился как нечто обязательное и само собой разумеющееся, а возможно, просто стал осознаваться всеми. Если В. Маяковский писал: *"Надо жизнь сначала переделать, переделав — можно воспевать"*, то герой современного писателя о воспевании-отражении реальной жизни не помышляет:

— Мы даем вам шанс исправиться. Идите на завод. Проявите себя на

тяжелой физической работе. Станьте рабкором. Отражайте в своих корреспонденциях подлинную жизнь...

Тут я не выдержал.

— Да за подлинную жизнь, — говорю, — вы меня без суда расстреляете! (С. Довлатов)

И здесь самое время вспомнить о русском писателе Сергее Довлатове.

О Довлатове и его компромиссах

Довлатов — не юморист. Его произведения смешны, но трагичны. Точнее, трагичны, но смешны. А если быть совсем точным — трагичны и смешны. Хочется добавить банальность: как наша жизнь. Именно эта банальность во многом объясняет выбор довлатовских произведений как пространства для поиска механизма смехопорождения. Ведь Довлатов реалист, и открытые в его творчестве закономерности будут скорее закономерностями реальности, чем литературы (если все же пытаться их различать).

Идеальным произведением для подобного анализа является довлатовский «Компромисс». Его герой, журналист Сергей Довлатов, постоянно творит миф из обыденного и постоянно находится на разных уровнях сознания — "и там, и тут". На этой книге я и сосредоточу свое внимание. При этом речь пойдет не о литературном анализе одного из довлатовских произведений и даже не о довлатовском юморе вообще, а о том, какие механизмы порождения и восприятия антисоветского юмора он использует.

Уже само название книги — «Компромисс» — свидетельствует о наличии (в сознании ли, в жизни ли) двух сторон, согласных на уступки, т. е. фактически говорит о раздвоенности жизни или сознания.

Композиция книги развивает эту же идею. Двенадцать глав, каждая из которых в свою очередь называется "компромиссом" («Компромисс первый» и т. д.), имеют одинаковую структуру. Вначале в качестве зачина приводится газетный текст (автором большинства текстов является журналист Довлатов), а затем описываются реальные события, связанные с этим текстом, как правило, те, которые привели к его написанию. Довлатов-журналист и Довлатов-писатель порождают по одному и тому же поводу плохо совместимые тексты, а их персонажи — одни и те же люди — совершенно непохожи. Кроме того, Довлатов-журналист является еще вдобаво-

вок главным действующим лицом прозы Довлатова-писателя. Раздваиваются события, раздваивается автор...

Ритуальное освещение событий — функция Довлатова-журналиста — это встраивание реальности в ритуал: отсечение лишнего и дописывание пусть не имевших места, но обязательных для ритуала поступков и слов. Ритуальный мир далек от действительного. Тем не менее он не произволен: у него самого и у ритуальных метатекстов есть свои законы, и иногда журналисты нарушают их по незнанию, легкомысленности или из-за случайного стечения обстоятельств. Таким образом обычный текст оказывается неправильным с ритуальной точки зрения.

В нескольких "компромиссах" объектом авторского внимания как раз и служат законы создания и построения газетных текстов. Так, в «Компромиссе первом» речь идет о "правильном" порядке при перечислении стран. Оказывается, как сообщает главный редактор, "существует железная очередность". Правило таково: "Демократические страны — вперед! Затем — нейтральные государства. И, наконец, — чужацки блока...". Но, выполняя указание редактора, герой все же допускает ошибку, поскольку и порядок внутри социалистических стран определяется не алфавитом, а степенью их лояльности. Особую роль в этой истории играет фигура главного редактора, уверенного в том, что ритуальный порядок государств — единственно возможный и само собой разумеющийся. Естественное поведение героя воспринимается им поначалу как политическая провокация ("Опять по алфавиту?! Забудьте это оппортунистическое слово!"), а затем — просто как "политическая близорукость" и "нравственный шифантилизм".

В «Компромиссе четвертом» написанные журналистом Довлатовым в раздел "Эстонский букварь" детские стихи (*У опушки в день ненастный / Повстречали зверя. / Мы ему сказали: "Здравствуй!" / Зверь ответил: "Тере"...*) оцениваются как "шовинистическая басня".

Между героем и инструктором ЦК происходит следующий диалог:

— Это что же получается? Выходит, эстонец — зверь? Я — зверь? Я, инструктор Центрального Комитета партии, — зверь?!

— Это же условность. Там есть иллюстрация. Ребяткинши повстречали медведя. У медведя доброе, симпатичное лицо. Он положительный...

— Зачем он говорит по-эстонски? Пусть говорит на языке одной из капиталистических стран...

— Не понял.

— Да что тебе объяснять! Не созрел ты для партийной газеты, не созрел...

Попытка понять правила, объяснить их логически всякий раз оканчивается неудачей. Правила есть, и их следует соблюдать. Тот же, кто их нарушил, в лучшем случае политически незрел, в худшем — политический провокатор.

Как правило, в ритуальных текстах синтаксис важнее семантики. Один из героев книги, Буш, участвовал в демонстрации с лозунгом: "Дадим суровый отпор врагам мирового империализма", — и лишь у фабрики роялей "миллионеры спохватились" ("Компромисс десятый").

Несмотря на оторванность "газетной реальности" от жизни, некоторая зависимость все-таки есть. К прототипу газетного очерка предъявляются определенные критерии. Учитываются в первую очередь его анкетные и биографические данные. Сам Довлатов и тот же Буш, взяв интервью у "неправильных" людей, проявляют политическую незрелость: театральным портной оказывается палачом («Компромисс седьмой»), а капитан иностранного судна — беглым эстонцем («Компромисс десятый»).

Особенно показателен отбор новорожденных кандидатов на роль героя очерка о 400 000-ном жителе Таллина («Компромисс пятый»). Журналист по заданию главного редактора занимается очевидным мифотворчеством. Редактор откровенно признает: "Цифра эта до некоторой степени условна. Несколько условна и сама черта города. Так вот мы посоветовались и решили. Четырехсоттысячный житель Таллина должен родиться в канун юбилея". Редактор даже предлагает заголовок — "Человек, обреченный на счастье" (ритуальное счастье, как всегда, неизбежно и неотвратимо). При всей условности мифа есть безусловные требования к претенденту — "младенец должен быть публицабельным". "То есть полноценным. Ничего ущербного, мрачного. Никаких кесаревых сечений. Никаких матерей-одиночек. Полный комплект родителей. Здоровый, социально полноценный мальчик". В процессе рассмотрения кандидатур выясняется, что ребенок не только должен быть мальчиком ("мальчик как-то символичнее"), но и не должен иметь отца эфиопа или еврея ("Значит антисемитизм все-таки существует?"). Остальное (отец — пьет, мать — "лежит бывало, как треска... Ты, часом, не уснула", вместо любви — "вакуум") не важно. Журналист не только творит миф, но и внедряется в действительность, создавая, правда, не очень удачно, ритуал. Мальчику дано ритуальное имя Лембит (согласие куплено у счастливого отца за 25

рублей за вычетом стоимости символического ключа), газетный текст написан, а ритуал осуществлен.

Несоответствие ритуальных героев и их прототипов (а также ритуальных и настоящих жизней) используется С. Довлатовым еще в нескольких главах — "компромиссы" второй, третий, шестой, восьмой, девятый, одиннадцатый и двенадцатый.

Несколько из этих компромиссов заслуживают более внимательного рассмотрения, поскольку в них журналистам приходится не только творить ритуальные метатексты, но и непосредственно участвовать в создании ритуала (как и в «Компромиссе пятом» в случае с новорожденным).

С точки зрения механизма смехопорождения, «Компромисс одиннадцатый» структурно повторяет песню А. Галича «О том, как Клим Петрович выступал на митинге в защиту мира», подробно разобранную в [Кронгауз 1994]. Содержание этой главы таково. Довлатова посылают от газеты принять участие в ритуале — похоронах незнакомого ему номенклатурного работника, директора эстонского телевидения по фамилии Ильвес. Этот человек занимал в советской начальственной иерархии столь важное место, что его похороны становятся серьезным советским ритуалом и транслируются по эстонскому телевидению.

Будучи включенным в похоронную комиссию (своего рода действованность в ритуале), журналист получает заранее согласованный текст "взволнованной импровизации", а также поручение забрать тело из морга. Для Довлатова вообще характерно нарушение "правил советского общежития", отчего он регулярно попадает в сложные, иногда критические, с точки зрения нормального советского гражданина, ситуации. Естественно, он путает покойников, что выясняется уже на кладбище во время начавшегося телерепортажа:

- Действительно, не Ильес. Но сходство есть...
- А как же родные и близкие? — спрашиваю.
- У Ильеса в общем-то нет родных и близких, — сказал Альтмаз, — откровенно говоря, его недолюбливали.
- А говорили — сын, племянник...
- Поставь себя на их место. Идет телередача. И вообще — ответственное мероприятие.

Налицо ритуал, возведенный в квадрат: похороны с политическим значением, освященные телевидением. Заметить путаницу значит нарушить ритуал, а это недопустимо. Скандал устраивает на

номенклатурных похоронах другая семья, вынужденная хоронить Ильеса вместо своего покойника, поскольку она оказывается не связанной рамками социалистического ритуала, а нормальные похороны (без политического значения) все же подразумевают правильный выбор покойника.

Как и у А. Галича, имеет место нарушение нормального хода вещей, что в обычной ситуации должно было бы привести к прерыванию действия (выступления на митинге или похорон), но ради спасения советского ритуала действие продолжается.

Юмористический эффект возникает из-за зазора между правильностью ритуального поведения и его абсурдностью с обыденной точки зрения, а также из-за двоемыслия советского человека, т. е. возможности совместить обе позиции: внутри ритуала и вне его. Непосвященный (например, многие иностранцы) воспринимает ритуал как бессмысленное немотивированное действие, а весь эффект сводится к нонсенсу, так что специфический советский юмор остается малопонятным.

В «Компромиссе восьмом» герой становится одним из главных авторов ритуала. Ему поручается написать рапорт Л. И. Брежневу от лица доярки Пейпс, депутата республиканского Совета, надавившей рекордное количество молока. Этот рапорт "с человечкой" герой напишет в состоянии тяжелого похмелья за пять минут. При этом ответ Брежнева к этому времени уже будет получен (для ритуального диалога реальная последовательность писем не важна). Беседа со знатной дояркой заняла всего несколько минут и к тексту письма особого отношения не имела. Ее личность в ритуальном общении никак не проявляется, журналистами учитываются только подходящие анкетные данные.

Пятиминутная работа героя венчает командировку в Пайдецкий район, где журналистам как творцам ритуала был оказан торжественный прием по высшему разряду — тоже ритуал (на уровне райкома). Несоразмерность предоставленных благ работе, которую им поручили (загородный дом, продукты из распределителя ЦК, коньяк, баня, женщины и почти голливудская любовь), а также пониженная сопротивляемость собственного организма навязанному райкомовскому ритуалу ("Знаешь, что вранье, примитивное райкомовское вранье, и липа, да еще с голливудским налетом — все знаешь и счастлив, как мальчишка...") угнетают героя. Ритуал берет верх над жизнью, и жизнь, подстраиваясь под ритуал, превращается в него.

В связи с этим можно отметить три самых важных ощущения героя и, пожалуй, читателя довлатовской прозы.

Во-первых, обиденная реальность, уступая реальности ритуальной, постоянно расплывается и ускользает. Отсюда — свойственное Довлатову ощущение потери реальности, а также отстранения от нее и от себя самого как одного из ее персонажей. В подтверждение этого — несколько цитат.

Я снял ботинки и улегся. Нужно было сосредоточиться. Иначе контуры действительности безнадежно расплывались. Я вдруг увидел себя издали, растерянным и нелепым. Кто я? Зачем здесь нахожусь? Почему лежу за ширмой в ожидании бог знает чего? И как глупо сложилась жизнь... («Компромисс пятый»)

Она ласково гладила меня по волосам. Гладила и повторяла:
— Бедный мальчик... Бедный мальчик... Бедный мальчик...
С кем это она, думаю, с кем? («Компромисс пятый»)

— Мишка, — говорю, — у тебя нет ощущения, что все это происходит с другими людьми... Что это не ты... И не я... Что это какой-то идиотский спектакль... А ты просто зритель...

— Знаешь, что я тебе скажу, — отозвался Жбанков, — не думай. Не думай, и все. Я уже лет пятнадцать не думаю. А будешь думать — жить не захочется. Все, кто думает, несчастные...

...

— Что же делать?

— Не думать. Водку пить. («Компромисс восьмой»)

Я выпил и снова налил. И сразу же куда-то провалился. Возникло ощущение, как будто я — на дне аквариума. Все раскачивалось, улыбалось, мерцали какие-то светящиеся блики... Потом все исчезло... («Компромисс восьмой»)

Я вдруг утратил чувство реальности. В открывшемся мире не было перспективы. Будущее толпилось за плечами. Пережитое заслоняло горизонт. Мне стало казаться, что гармонию выдумали поэты, желая тронуть людские сердца. («Компромисс одиннадцатый»)

Во-вторых, героя преследует постоянное разрушение ожиданий. Реальность не только ускользает, но и непрерывно "переодевается": котельная оказывается клубом интеллектуалов («Компромисс десятый»), слет узников фашистских лагерей — слетом узников советских лагерей («Компромисс двенадцатый»), в республиканской же газете, по выражению одного из журналистов, "одни шакалы", и

т. д. Ритуализация также приводит к уже отмеченному несоответствию ритуальных ролей и реальных актеров. Например, пьяница-фотокорреспондент объявляется по ошибке главным узником, жуликом — молодым дарованием, сам Довлатов выступает в роли своего коллеги Шаблинского и т. д. В этом смысле двойная советская жизнь является комедией переодеваний.

Норма и ненормальность многократно меняются местами:

Кроме того, человеческое безумие — это еще не самое ужасное. С годами оно для меня все более приближается к норме. А норма становится чем-то противоестественным. («Компромисс десятый»)

В-третьих, даже стараясь, некоторые герои не могут встроиться в ритуал и все время нарушают советские нормы. Alter ego автора — некий Алиханов (герой довлатовской «Зоны», появляющийся в «Компромиссе шестом») — никак не может стать "интересным собеседником" и даже не понимает, чего от него хочет журналистка. Другой персонаж, Буш, всякий раз нарушает уже налаживающуюся жизнь каким-нибудь диким, с советской точки зрения, поступком. Да и сам Довлатов, участвуя в ритуалах и даже создавая их, часто бессознательно (подсознательно?) допускает ошибки и выпадает из ритуала. Он произносит "странную речь" на похоронах, напивается на задании, спорит с редактором, остриет, в общем — нарушает ритуал.

И он не одинок ни как персонаж, ни как автор.

Таллин — Москва — Петушки

Я хочу сопоставить довлатовский «Компромисс» с другой знаменитой книгой, «Москва — Петушки и пр.», а также их героев — журналиста Довлатова и Веничку Ерофеева. Различия между ними, конечно, велики, и одно из главных — сила характера героев и, соответственно, степень их конформизма (или нонконформизма). И все-таки...

«Компромисс» и поэму «Москва — Петушки и пр.», а также их авторов сближает множество как поверхностных, так и глубинных черт:

— совпадение имен героев с именами авторов, а также речь от первого лица, что предполагает, по-видимому, особую доверительность повествования, в действительности же надежно скрывает личность автора, вызывая эффект отстранения героя;

— возрастная близость авторов (Вен. Ерофеев — 1938 г. р. и С. Довлатов — 1941 г.) и героев (тридцать или тридцать с небольшим);

— количество выпиваемых спиртных напитков (водка как средство "забыться и заснуть");

— бытовая неустроенность героев: отсутствие семьи, временность дома, места работы, окружения;

— чужеродность героев в "среде их обитания" (а, по-видимому, и в любой среде) и, в частности, как следствие, несколько высокомерное отношение к "народу" (например, "Мне нравится, что у народа моей страны глаза такие пустые и выпуклые. Это вселяет в меня чувство законной гордости" — Вен. Ерофеев);

— "неправильность" и непредсказуемость поведения героев в достаточно стандартных ситуациях;

— отстраненность героев от собственной жизни;

— ускользающая и размываемая реальность и др.

Можно сказать, что для обоих героев — и Венники, и Довлатова — характерно несовпадение внутреннего и внешнего мира и постоянный сдвиг в восприятии реальности: между ожидаемым и происходящим, между подразумеваемым и произносимым, между трагедией и комедией, между злом и добром... Ряд этот практически бесконечен. Они путешествуют между своими мирами — уровнями сознания, — порой находясь на всех одновременно. Для Довлатова одним из этих миров, или уровней, оказывается советский ритуальный. Его же рефлексия и юмор по этому поводу, естественно, оказываются антисоветскими.

О советском и антисоветском

Два слова — *советский* и *антисоветский* — находятся между собой в странных отношениях. Иногда они противопоставляются как антонимы, иногда (правда, с некоторой претензией на парадоксальность) сближаются как синонимы. По-видимому, надо различать следующие два значения слова *советский*: (1) "относящийся к строю и идеологии СССР" и (2) — "относящийся к жизни и людям в СССР".

Слово *антисоветский* образовано от *советский*¹ (неточный антоним), но при этом "антисоветское" содержательно оказывается почти обязательной составной частью или разновидностью "советского²".

Антисоветский юмор (народный и авторский) был советским по крайней мере в двух смыслах. Во-первых, его источник — это со-

ветская система, точнее — столкновение или сосуществование советского¹ и обыденного, что, собственно, и составляет советскую жизнь, т. е. советское². Во-вторых, сама советская жизнь немислима без антисоветского юмора, а антисоветское в целом есть неотъемлемая часть советского².

Также словосочетание *советский писатель* может обозначать писателя, воспевающего советский строй и советскую идеологию (*советский*¹), или писателя, пишущего о советской реальности (*советский*²). Можно даже сказать, что настоящий честный писатель, будучи советским² (т. е. честно пишущим о советской реальности), не мог не быть антисоветским. Так, Сергей Довлатов — настоящий советский² антисоветский русский писатель.

Работа выполнена при поддержке Research Support Scheme of the Open Society Institute (grant 1084/94).

ЛИТЕРАТУРА

Кронгауз 1994 — КРОНГЛУЗ М. А., *Бессилие языка в эпоху зрелого социализма*. — В кн.: *Знак: Сборник статей по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А. Н. Журицкого*. — М.: Русский учебный центр МС, 1994, с. 233 - 244.